

Agatha Christie

АГАТА КРИСТИ

УОНТЪ ЛСТКО

Annotation

Суперинтендант Баттл, чья работа в полиции связана с расследованием преступлений, имеющих тонкую политическую подоплеку, снова в деле! Ему предстоит расследовать «чисто английское убийство», совершенное прутом от каминной решетки...

«... Опустившись в кресло перед камином, мистер Тревис подвинул к себе поднос с письмами.

Мысленно он все еще продолжал развивать тему, кратко обрисованную им в клубе.

«Возможно, именно сейчас, – думал мистер Тревис, – некая драма... некое убийство находится в стадии приготовления. Если бы я решился написать одну из тех развлекательных историй о кровавом преступлении, то непременно начал бы с того, что некий пожилой джентльмен сидел перед камином и распечатывал свою почту... приближаясь, без ведома для себя, к той самой нулевой точке...»

Разрезав конверт, он извлек письмо и рассеянно смотрел на исписанный лист бумаги.

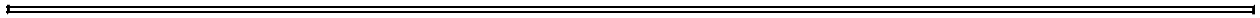
Внезапно выражение его лица изменилось. Он словно вернулся из мира фантазии в реальный мир.

– О боже, – сказал мистер Тревис. – Какая досада! Какое исключительно неприятное известие! После стольких лет!.. Да, придется менять все мои планы. ...»

-
- [Агата Кристи](#)
 - [Пролог](#)
 - [19 ноября](#)
 - [14 февраля](#)
 - [8 марта](#)
 - [19 апреля](#)
 - [30 апреля](#)
 - [5 мая](#)
 - [29 мая](#)
 - [29 мая](#)
 - [28 июня](#)
 - [10 августа](#)

- [19 августа](#)
- [Беляночка и Розочка](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
- [Рука ловкого итальянца](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
- [Нулевая точка](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- 4
- 5

Агата Кристи
По направлению к нулю

Пролог

19 ноября

Собравшуюся у камина компанию отличала одна особенность – все были правоведами, вернее, все в той или иной степени были служителями правосудия. Сию братию представляли здесь адвокат Мартиндейл, Руфус Лорд, заслуживший высшее звание королевского адвоката, и молодой Дениелс, сделавший себе имя на деле Карстайрза, а также судья Кливер Льюис из «Льюис и Тренч» и старый мистер Тревис. Мистеру Тревису было около восьмидесяти, но ему удалось сохранить к столь почтенному возрасту острый, живой ум и превосходную профессиональную память. Прежде он служил в известной конторе адвокатов и был одним из наиболее уважаемых представителей этой конторы. На его счету было множество полюбовных решений щекотливых судебных дел; он был криминалист высшего класса, а кроме того, знаток закулисных историй, и в этом отношении ему не было равных во всей Англии.

Легкомысленные люди поговаривали, что ему следовало бы написать мемуары. Но мистер Тревис был значительно мудрее. Он понимал, что знает *слишком* много.

Давно отойдя от дел, он уже не занимался частной практикой, но не было в Англии другого такого человека, чье мнение столь же уважали все члены его же братии. Где бы ни раздавался его отчетливый, высокий и тихий голос, там всегда наступала почтительная тишина.

В этот вечер разговор в клубе шел об одном нашумевшем деле, слушание которого как раз сегодня закончилось в Бейли. В результате этого процесса подсудимого, обвинявшегося в убийстве, признали невиновным. И собравшаяся у камина компания занималась тщательным критическим разбором данного прецедента.

Обвинение сделало ошибку, слишком положившись на одного из свидетелей – служанку, тогда как старине Депличу следовало учесть, что ее показания открывают прекрасные возможности для защиты. Молодой Артур ловко этим воспользовался. А Бентмор в своей заключительной речи постарался дать объективную оценку и представить дело в истинном свете, но тем самым он только окончательно все испортил – присяжные поверили молоденькой служанке. Надо сказать, что восприятие присяжных зачастую бывает исключительно странным – никогда не угадаешь заранее, на чью сторону они встанут, кому поверят. Но если уж у них сложилось определенное мнение, то убедить их в обратном практически невозможно.

Итак, они поверили рассказу этой девушки, из коего следовало, что ломик не мог быть орудием убийства, и после этого дело можно было считать решенным. Заключение медицинской экспертизы оказалось выше их понимания. Все эти ученые молокососы с их заумными латинскими терминами и прочей научной тарабарщиной – чертовски плохие свидетели. Вечно мямлят да бормочут нечто неопределенное и никогда не могут ответить ни «да» ни «нет» на, казалось бы, элементарный вопрос. Они вечно твердят одно и то же: «При определенных обстоятельствах это, возможно, могло иметь место...» – и так далее в том же духе.

Когда все участники разговора так или иначе высказались и их замечания уже переходили в свободную беседу, всем показалось, что недостает некоего компетентного завершения. И лица собравшихся у камина, одно за другим, обратились в сторону мистера Тревиса, поскольку тот еще не внес свою лепту в данное обсуждение.

Мистер Тревис сидел, удобно откинувшись на спинку кресла, и с рассеянным видом протирал свои очки. Наступившее молчание, видимо, насторожило его, и он, подняв голову, окинул присутствующих пристальным взглядом.

– Извините, я задумался, – сказал он. – Вы спросили меня о чем-то?

– Сэр, мы обсуждали дело Ламорна, – сказал молодой Льюис и выжидательно умолк.

– Да-да, – сказал Тревис. – Я как раз размышлял об этом.

В комнате воцарилась почтительная тишина.

– Но боюсь, – заканчивая полировку стекол, сказал мистер Тревис, – я слишком увлекся собственными фантазиями. Да, я позволил себе погрузиться в мир фантазии. Видимо, начинают сказываться годы. В моем возрасте человек обладает известными привилегиями и при желании может позволить себе пофантазировать.

– Да, сэр, конечно, – сказал молодой Льюис, но вид у него был несколько недоумевающий.

– Я размышлял не столько о процессуальных особенностях дела, – продолжал мистер Тревис, – хотя они были интересными, исключительно интересными... И даже если бы суд вынес иной приговор, все равно остались бы серьезные основания для обжалования. Но, как я уже отметил, меня больше привлекал не сам процесс, а, скажем так, люди, причастные к этому делу.

Все собравшиеся смотрели на него с некоторым удивлением. Они привыкли рассматривать людей, имевших отношение к судебному расследованию, только с точки зрения правдоподобия их показаний, то есть

как свидетелей. Никто из них не отважился задаться вопросом, был ли обвиняемый на самом деле виновен или же суд, оправдав его, вынес верный приговор.

– Я задумался, знаете ли, о человеческой природе, – медленно сказал мистер Тревис, – о человеческой сущности во всем многообразии ее видов, родов и форм. Отдельные индивидуумы обладают изрядными умственными способностями, но преобладающее большинство обходится без оных. Итак, они спокойно живут в разных уголках нашей планеты – в Ланкашире, Шотландии или иных землях, – как небезызвестные вам владелец рестораника из Италии и школьная учительница из маленького городка на Среднем Западе. Все они попали в расставленные сети, стали участниками или свидетелями некоего преступного замысла, и в итоге в один из серых ноябрьских дней судьба свела их вместе в зале лондонского суда. Каждый внес свой вклад, сыграл свою маленькую роль в этом деле. И кульминацией стал суд над убийцей.

Он немного помолчал, пальцы его беззвучной барабанной дробью прошлись по колену.

– Мне нравятся ловко закрученные детективные истории, – сказал он. – Однако, знаете, на мой взгляд, все они имеют один недостаток. Они начинаются с убийства! Но убийство – это, в сущности, конец... Ведь история преступления начинается намного раньше – порой подготовка к нему длится многие годы, и в итоге определенные причины и события сводят известных людей вместе в известном месте в известное время и в известный час. Возьмем, к примеру, показания юной служанки – если бы эта судомойка не поссорилась со своим кавалером, то она не отменила бы свидание и не отправилась бы к Ламорну, а следовательно, и не могла бы стать главным свидетелем защиты. Далее идет Джузеппе Антонелли, приехавший на месяц из Италии, чтобы пообщаться со своим братом. Этот брат слеп, как летучая мышь, и он не смог бы увидеть того, что увидели зоркие глаза Джузеппе. Наконец, если бы констебль не любезничал с той кухаркой из сорок восьмого номера, то не опоздал бы на свой участок...

Мистер Тревис слегка кивнул головой, словно соглашался с собственными мыслями.

– Все сходится в некоем данном месте... И затем, когда наступает нужный момент, – наносится завершающий удар. Это и есть час атаки. *Черный час*. История приобретает иную точку отсчета. Как перед запуском: три, два, один, ноль – старт. И в нулевой точке все участники драмы сходятся вместе... Да, именно в нулевой точке... – повторил он и умолк, слегка вздрогнув.

– Вы замерзли, сэр, подвигайтесь ближе к огню.

– Нет, нет, – сказал мистер Тревис. – Просто, как говорится, дрожь пробирает. Пожалуй, пора мне отправляться домой.

Он слегка склонил голову в знак прощания и с осторожной, старческой неторопливостью вышел из комнаты.

После его ухода в маленькой гостиной ненадолго установилось смущенное молчание, и затем королевский адвокат Руфус Лорд заметил, что старина Тревис начал сдавать.

Сэр Уильям Кливер сказал:

– Острый ум... исключительно острый ум... Но, увы, возраст уже сказывается.

– К тому же сердце давно пошаливает, – сказал Лорд. – Может остановиться в любую минуту, насколько мне известно.

– Он очень трепетно относится к своему здоровью, – сказал молодой Льюис.

В это самое время мистер Тревис осторожно садился в свой старенький «Даймлер», имевший необычайно мягкий ход. Шофер доставил его к дому, окна которого выходили на тихий сквер. Заботливый камердинер помог ему снять пальто, и мистер Тревис прошел в библиотеку, где в камине на углях уже плясали синеватые языки пламени. Его спальня находилась в соседней комнате, поскольку, заботясь о своем сердце, он давно не поднимался выше первого этажа.

Опустившись в кресло перед камином, мистер Тревис подвинул к себе поднос с письмами.

Мысленно он все еще продолжал развивать тему, кратко обрисованную им в клубе.

«Возможно, именно сейчас, – думал мистер Тревис, – некая драма... некое убийство находится в стадии приготовления. Если бы я решился написать одну из тех развлекательных историй о кровавом преступлении, то непременно начал бы с того, что некий пожилой джентльмен сидел перед камином и распечатывал свою почту... приближаясь, без ведома для себя, к той самой нулевой точке...»

Разрезав конверт, он извлек письмо и рассеянно смотрел на исписанный лист бумаги.

Внезапно выражение его лица изменилось. Он словно вернулся из мира фантазии в реальный мир.

– О боже, – сказал мистер Тревис. – Какая досада! Какое исключительно неприятное известие! После стольких лет!.. Да, придется менять все мои планы.

«ДВЕРЬ ОТКРОЙ! – ПОЛНО ЛЮДЕЙ»^[1]

11 января

Мужчина, лежавший на больничной койке, слегка пошевелился и издал болезненный стон.

Дежурившая в палате сестра встала из-за стола и подошла. Она поправила подушки и устроила его поудобнее.

Ангус Мак-Виртер ворчливо пробормотал что-то в знак благодарности.

Все его существо переполняли чувства возмущения и горькой досады.

К этому времени все должно было уже кончиться. Он уже должен был избавиться от всего этого! Будь проклято чертово дерево, которому вздумалось вырасти на склоне скалы! Черт побери тех услужливо-назойливых влюбленных, которые не побоялись назначить свидание на скале холодной зимней ночью...

Если бы не они (и не дерево!), то все уже закончилось бы, – ледяная глубина воды, возможно, краткое бессознательное сопротивление и, наконец, забвение... конец некой бесполезной, никчемной и неудавшейся жизни.

И где же он оказался вместо этого? Какая нелепость! Почему он должен лежать на больничной койке со сломанным плечом и с перспективой предстать перед городским судом за преступную попытку самоубийства?

Проклятие! Разве он не имеет права распоряжаться собственной жизнью?

Если бы ему удалось осуществить задуманное, то, возможно, его похоронили бы надлежащим образом по христианскому обряду как умалишенного.

Разумеется, умалишенного, как же иначе! Хотя он никогда не поступал более здраво. И это самоубийство было самым логичным и разумным поступком, который мог сделать человек, оказавшийся в его положении.

Он скатился на дно жизни, тело его постоянно мучили какие-то болезни, жена бросила его ради другого. Без работы, без семьи, без денег, лишенный здоровья, лишенный даже надежды... Разумеется, из такого ахового положения есть единственный возможный выход...

А вместо этого он лежит в этой смехотворной позе в больничной палате. И возможно, вскоре явится некий лицемерный чиновник с набожными увещеваниями и будет настраивать его на благоразумное отношение к некоему предмету потребления, который принадлежит только

ему и никому другому, поскольку это его собственная жизнь.

Он раздраженно фыркнул. Его захлестнула волна гнева.

Сиделка вновь подошла к нему. Это была молодая рыжеволосая девушка с добрым и довольно безучастным лицом.

– Вам очень больно?

– Нет, не очень.

– Может, дать вам снотворное?

– Спасибо, обойдусь.

– Но...

– Неужели вы думаете, что меня мучает боль в плече или бессонница? На лице девушки появилась мягкая, немного снисходительная улыбка.

– Доктор сказал, что снотворное вам не помешает.

– Мне плевать, что сказал ваш доктор.

Она расправила салфетку на тумбочке и подвинула стакан лимонада к нему поближе. Мак-Виртер сказал слегка пристыженно:

– Извините меня, похоже, я излишне груб.

– Не беспокойтесь, все в порядке.

Его раздосадовало, что девушку совсем не задела его вспышка. Ничто не могло пробить броню ее снисходительного равнодушия. Она не воспринимала его как человека, в данном случае он был всего лишь пациентом.

– Проклятие, – сказал он. – Во всем виноваты эти проклятые спасатели...

– Успокойтесь, не надо так говорить, – с упреком сказала она. – Вот это уже действительно не слишком любезно с вашей стороны.

– Не слишком любезно? – с горькой насмешкой воскликнул он. – Черт побери! Может, мне еще поблагодарить их?!

Она спокойно сказала:

– Утром вы почувствуете себя гораздо лучше.

– Вы, сиделки... – с тихим раздражением буркнул он. – Вы не люди, вы всего-навсего сиделки! Вот вы кто!

– Поймите же, мы знаем, что лучше для вас.

– Да, именно это и доводит человека до бешенства. Все всё знают – и вы, и доктора, все в этом мире! И все постоянно вмешиваются! Словно они действительно знают, что лучше для других людей. Я пытался покончить с собой. Вам ведь это известно, не так ли?

Она кивнула.

– Мне захотелось прыгнуть с этой чертовой скалы, и это мое личное дело, оно никого не касается. Я покончил счеты с жизнью. Я потерял все и

желал только смерти.

Тихо прищелкнув языком, она посмотрела на него рассеянно-сочувствующим взглядом. Это был всего-навсего очередной пациент. И ее умиротворяющая миссия состояла в том, чтобы дать ему выговорить, выплеснуть накопившееся раздражение.

– Почему я не вправе покончить с собой, если я сам хочу этого? – требовательно спросил Мак-Виртер.

– Потому что это плохо, – совершенно серьезно сказала сиделка и с сомнением посмотрела на него. Ее собственные убеждения остались непоколебимыми, но ей явно не хватало слов, чтобы объяснить свой ответ. – Э-э... я имею в виду, – неуверенно продолжила девушка, – самоубийство – большой грех. Бог дал вам жизнь, и вы должны жить, независимо от того, хотите вы этого или нет.

– Почему вы так решили?

– Ну, ведь у вас, наверное, есть близкие и родные, которые нуждаются в вас.

– Ошибаетесь. О моей смерти в этом мире не заплакала бы ни одна живая душа.

– У вас нет родственников? Ни матери, ни сестер – никого?

– Никого. У меня была жена, но и она ушла к другому. И поступила, как я считаю, исключительно благоразумно! Она поняла, что я полный неудачник.

– А друзья? Неужели у вас нет друзей?

– Нет, никого у меня нет. Я стал замкнутым и необщительным типом. Послушайте, я кое-что расскажу. Когда-то я был веселым и открытым парнем. У меня была хорошая работа и симпатичная жена. Потом произошла одна дорожная авария. Машину вел мой шеф, а я ехал вместе с ним. Он попросил меня подтвердить, что на момент аварии скорость машины не превышала тридцати миль. Но это было не так. Мы шли примерно на пятидесяти. В сущности, никто особо не пострадал, и мое свидетельство только помогло бы ему получить страховку. Короче говоря, я отказался подтвердить его слова. Это была бы ложь. А я не хотел лгать.

– Что ж, вы были совершенно правы, – сказала сиделка. – Вы поступили очень хорошо.

– Вы так полагаете? Однако это глупое упрямство стоило мне работы. Мой шеф страшно разозлился и позаботился о том, чтобы я больше нигде не смог устроиться. Потом моей жене надоело смотреть, как я бездельничаю и безрезультатно слоняюсь в поисках заработка, и она ушла от меня к человеку, которого я считал своим другом. Он-то, разумеется, все

делал правильно и отлично продвинулся по службе. А я был уже не в состоянии сопротивляться и постепенно скатывался все ниже. Пристрастился к выпивке, и это, конечно, только усугубило мое положение. В итоге я опустил до грузчика, надорвался и попал в больницу. Доктор сказал, что теперь я не смогу поднимать тяжести. В общем, я понял, что в этой жизни мне уже ничего не светит. Из такой ситуации был единственный, ясный и самый легкий, выход. Лучше всего было покончить с собой. Моя никчемная жизнь не нужна ни мне, ни кому-нибудь другому.

– Вы не можете этого знать, – тихо проронила его молоденькая собеседница.

Мак-Виртер рассмеялся. Он заметно повеселел. Развеселило его ее простодушное упрямство.

– Милая девочка, кому я нужен?

Она смущенно сказала:

– Кто знает!.. Возможно, придет время...

– Придет время? У меня не осталось времени. Я надеюсь, вторая попытка будет более удачной.

Сиделка решительно тряхнула головой.

– Нет-нет! – возразила она. – Теперь вы уже не сможете покончить с собой.

– Как интересно! Почему не смогу?

– Обычно... они так не делают...

Он удивленно посмотрел на нее. «Они так не делают...» Похоже, он принадлежал к некоему общему типу потенциальных самоубийц. Мак-Виртер открыл было рот, чтобы высказать резкий протест, но его вдруг остановила природная честность.

А будет ли вторая попытка? Действительно ли он намерен это сделать?

Внезапно он осознал, что не испытывает никакого желания покончить с собой. Неожиданный подъем настроения был ему совершенно непонятен.

Возможно, истинная причина крылась в том профессиональном знании, которым поделилась с ним эта медсестра. У самоубийц не бывает вторых попыток...

И все-таки у него возникло желание переубедить ее, коснувшись этической стороны данного вопроса.

– В любом случае я вправе как угодно распоряжаться собственной жизнью.

– Нет-нет. У вас нет такого права.

– Но почему же нет, моя милая девочка, почему?

Она смущенно вспыхнула и сказала, теребя пальцами золотой крестик,

висевший у нее на шее:

– Разве вы не понимаете? Вы можете понадобиться Богу!

Мак-Виртер пораженно посмотрел на нее. Ему не хотелось разрушать ее наивную, детскую веру.

– Видимо, вы полагаете, – насмешливо сказал он, – что в один прекрасный день мне удастся остановить взбесившуюся лошадь и спасти от смерти золотоволосого малыша? Ведь вы именно это имели в виду?

Она отрицательно покачала головой и заговорила с пылкой убежденностью, неловко пытаясь объяснить ему то, что так ясно и четко чувствовала в глубине души:

– Возможно, вам совсем не обязательно что-то делать... Может, вы просто должны быть где-то, в каком-то определенном месте, в определенное время, которое вам пока неизвестно... Ох, я не могу этого объяснить, я не знаю, как сказать... Ну, к примеру, вы можете просто... просто идти по улице и совершенно случайно сделать что-то ужасно важное... И возможно, вы даже сами не заметите, что сделали...

Эта рыжеволосая юная сиделка была родом с западного побережья Шотландии, и, вероятно, кто-то из ее предков обладал даром предвидения.

Возможно, смутно и неосознанно она видела перед своим мысленным взором какого-то человека, поднимавшегося в гору сентябрьским вечером, чтобы спасти от смерти некое человеческое существо...

14 февраля

Единственным звуком, который нарушал тишину комнаты, был скрип пера, одинокая человеческая фигура склонилась над столом, покрывая лист бумаги четкими, аккуратными строчками.

Никому больше не суждено будет прочесть слова, написанные сейчас на этих листах. А если бы это все же случилось, люди, вероятно, не поверили бы собственным глазам. Ибо это было обстоятельное и подробное описание убийства, некий ужасный план, разработанный до мельчайших деталей.

Бывают моменты, когда человек осознает свои желания, контролирует их, когда он смиренно отказывается от всего злонамеренного и способен управлять своими действиями. Бывают другие, когда некая страсть полностью завладевает его душой и телом, и тогда он становится просто слепым орудием, покорно осуществляющим самые ужасные цели.

Склонившаяся над листом бумаги личность пребывала во втором из описанных выше состояний. Это было мыслящее, вполне разумное, хладнокровное существо. Но его умом завладели единственное желание и единственная цель – уничтожить другого человека. В итоге для осуществления этой цели был тщательно разработан и последовательно описан данный план. В нем учитывалось множество возможных случайностей и осложнений. В таком деле все должно быть основательно взвешено. Этот план, подобно любому добротному сценарию, не был сухой и строго ограниченной схемой. В определенных местах предусматривались возможные изменения и варианты. Более того, поскольку ум, вынашивавший этот замысел, был достаточно острый, то он понимал, что должна быть предусмотрена известная свобода действий на случай непредвиденных обстоятельств. Однако в общем и целом все было четко намечено и скрупулезно продумано. Означены время, место, способ и жертва!..

Наконец склоненная голова поднялась. Собрав исписанные листы, человек откинулся на спинку кресла и внимательно перечитал. Да, сценарий был просто идеальный.

Улыбка озарила серьезное, сосредоточенное лицо, хотя его выражение вряд ли можно было назвать приятным. Человек издал глубокий удовлетворенный вздох.

Если Господь возрадовался, сотворив человека по образу своему, то на

этот раз это была некая ужасная пародия творческой радости.

Да, сценарий был очень хорош, он учитывал свойства характеров и реакцию каждого участника – их достоинства и недостатки должны были сыграть свою роль, помогая порочному уму осуществить свой замысел.

Не хватало только последнего штриха...

С легкой усмешкой драматург поставил дату... Последний акт должен быть сыгран в сентябре.

Затем послышался злорадный смех, и исписанные листы были разорваны на кусочки. Человек поднялся с кресла и, пройдя по комнате, бросил их прямо в пылающий камин. Все обрывки бумаги сгорели дотла. Теперь этот план существовал только в мозгу своего создателя.

8 марта

Суперинтендант Баттл, покончив с завтраком, сидел за столом и с суровым видом медленно и сосредоточенно читал письмо, которое ему только что передала огорченная жена. Выражение его лица практически не изменилось, ему вообще было несвойственно проявление каких-либо эмоций. Его лицо обычно напоминало деревянную маску. Оно было жестким и непроницаемым, но иногда очень впечатляющим. Суперинтенданта Баттла едва ли можно было назвать яркой личностью. Он явно не блистал остроумием, однако его медлительной натуре был присущ некий особый дар, трудный для определения, но тем не менее очень действенный и мощный.

– Не могу поверить, – всхлипнув, сказала жена. – Сильвия не могла так поступить!

В семье суперинтенданта Баттла было пятеро детей, и Сильвии, младшей дочери, уже исполнилось шестнадцать лет. Ее школа находилась неподалеку от Мейдстоуна.

Это послание пришло от мисс Амфри, директрисы вышеупомянутого заведения. Письмо было, несомненно, дружелюбным и исключительно вежливым. В нем черным по белому излагалось, что в школе с некоторых пор начали происходить разные мелкие кражи и перед педагогическим составом школы встали известные проблемы. Однако сейчас все уже благополучно разрешилось, так как Сильвия Баттл признала свою вину, и в связи с этим мисс Амфри хотела бы видеть мистера и миссис Баттл в ближайшее время, «дабы обсудить создавшееся положение».

Суперинтендант Баттл сложил письмо и, сунув его в карман, сказал:

– Предоставь это мне, Мери. – Он встал из-за стола, подошел к жене и, погладив ее по щеке, добавил: – Не волнуйся, милая, все будет в порядке.

Он вышел из комнаты, оставив за собой атмосферу некой бодрой и спокойной уверенности.

В полдень суперинтендант Баттл уже находился в современной и очень оригинальной гостиной мисс Амфри; он сидел в кресле напротив директрисы, напряженно расправив плечи и положив на колени большие крепкие руки; сейчас ему более чем когда-либо хотелось выглядеть стопроцентным полицейским, и, надо сказать, это ему вполне удалось.

Мисс Амфри слыла весьма преуспевающей директрисой. Это была деятельная особа, широко и хорошо известная своими просвещенными и

современными методами обучения и умело сочетавшая дисциплину с новыми идеями о личностном самоопределении.

Ее гостиная являла собой дух и сущность этой Мидвейской школы. Цветовая гамма была выдержана в желтовато-соломенных тонах – повсюду были расставлены большие кувшины с нарциссами, вазы с тюльпанами и гиацинтами, интерьер украшали пара отличных копий с античных греков, несколько новомодных статуэток и на стенах две картины итальянских примитивистов. А в центре этого великолепия восседала сама мисс Амфри, облаченная в темно-синее платье. Лицом напряженным и энергичным она чем-то напоминала добросовестную английскую борзую, отслеживающую дичь, ее ясные голубые глаза с глубокой серьезностью смотрели на собеседника сквозь толстые линзы очков.

– Главное, – говорила она своим чистым, хорошо поставленным голосом, – найти верный путь к решению этой проблемы. Прежде всего мы должны подумать о самой девочке, мистер Баттл. О состоянии самой Сильвии! Это очень важно, крайне важно – нельзя нанести даже малейший вред молодой жизни! Ни в коем случае нельзя возложить на нее всю тяжесть этого греха – порицание должно быть очень, очень умеренным, если таковое вообще необходимо. Нам нужно выяснить скрытые причины, побудившие ее к этим мелким, незначительным кражам. Возможно, это чувство неполноценности? Знаете, она не слишком сильна в спортивных играх, и у нее могло возникнуть смутное, неосознанное желание отличиться в какой-то иной сфере, желание утвердить свое эго. Мы должны быть очень, очень тактичны. Вот почему мне хотелось сначала поговорить с вами наедине и убедить вас быть крайне, крайне осторожным в разговоре с Сильвией. И я повторяю еще раз: главное – узнать скрытые мотивы ее поведения.

– Именно ради этого, мисс Амфри, – сказал суперинтендант Баттл, – я и приехал сюда.

Голос его был совершенно спокойным, лицо бесстрастным, и его оценивающий взгляд внимательно изучал школьную даму.

– Я поговорила с ней в дружелюбной, мягкой манере, – сказала мисс Амфри.

– О, это очень мило с вашей стороны, мадам, – коротко отозвался Баттл.

– Вы знаете, я действительно люблю и понимаю все сложности детской и юношеской натуры.

Баттл уклонился от прямого ответа на это заявление и сказал:

– Если вы не возражаете, мисс Амфри, сейчас мне хотелось бы

увидеть мою дочь.

С новым пылом мисс Амфри принялась увещевать его проявить тактичность, дабы не вызвать сопротивления, не давить на ребенка, едва вступившего на путь зрелости. Суперинтендант Баттл не выказал никаких признаков нетерпения. Он просто казался несколько озадаченным и смущенным.

Наконец она повела его в свой рабочий кабинет. В коридоре они прошли мимо пары воспитанниц. На лицах девочек отразилось лишь вежливое внимание, но глаза были полны любопытства. Препроводив суперинтенданта Баттла в маленькую комнату, не столь отмеченную оригинальным вкусом директрисы по сравнению с гостиной на первом этаже, мисс Амфри отступила к двери, сказав, что пришлет к нему Сильвию.

Она была уже на пороге, когда Баттл вдруг остановил ее:

– Одну минутку, мадам. Каким образом вы пришли к заключению, что Сильвия ответственна за эти... э-э... пропажи?

– Мои методы, мистер Баттл, основаны на психологии, – с достоинством произнесла мисс Амфри.

– На психологии? Гм... Ну а как насчет доказательств, мисс Амфри?

– Д-да, да, конечно, я вас понимаю, мистер Баттл. Вы предпочитаете иной путь... Ваши, так сказать, профессиональные методы... Но психологические методы уже начали признавать в криминалистике. Я могу заверить вас, что они действуют безошибочно. Сильвия сама во всем призналась.

Баттл кивнул:

– Да-да, я знаю. Я просто хотел спросить: что именно изначально навело вас на мысль о ее виновности?

– Я поняла вас, мистер Баттл. В общем, из шкафчиков девочек начали пропадать вещи, и, когда кражи участились, я собрала всю школу на общее собрание и сообщила об этих печальных случаях. И одновременно я ненавязчиво изучала их лица. Выражение лица Сильвии сразу поразило меня. Оно было виноватым и смущенным. И я тотчас поняла, кто виноват. Мне не хотелось самой обвинять ее, и я дала ей возможность признать свою вину. Я устроила ей маленькое испытание... Мы просто поиграли немного в ассоциации...

Баттл кивнул, показывая, что ему понятно, о чем идет речь.

– И в итоге ваша дочь сама во всем призналась, – заключила мисс Амфри.

– Да, понимаю, – сказал озадаченный отец.

Не зная, что добавить, мисс Амфри нерешительно помолчала и затем вышла из комнаты.

Когда дверь кабинета вновь открылась, Баттл стоял у окна, разглядывая окрестный пейзаж.

Он медленно повернулся и взглянул на свою дочь.

Закрыв за собой дверь, Сильвия смущенно стояла у порога. Девочка была высокой, смуглой и немного угловатой, как все подростки. На печальном лице видны были следы слез. Она сказала скорее робко, чем вызывающе:

– Ну вот и я.

Баттл задумчиво посмотрел на нее пару минут и вздохнул.

– Мне не следовало отдавать тебя в эту школу, – сказал он. – Ваша директриса просто глупа.

Сильвия в полнейшем изумлении взглянула на него, забыв о всех своих горестях.

– Мисс Амфри? О нет, она – замечательная женщина. У нас все так считают.

– М-да... – с сомнением проронил Баттл. – Ну, может, она и не безнадежная дура, если смогла произвести на вас такое впечатление. И все-таки эта Мидвейская школа явно не для тебя... Хотя, кто знает, такое могло случиться где угодно.

Сильвия стояла, сцепив руки и потупив глаза.

– Мне очень жаль, папа, – тихо сказала она. – Мне правда очень жаль, что так случилось.

– Да уж, иначе и быть не может, – отрывисто сказал Баттл. – Подойди ко мне.

Она медленно и неохотно прошла по комнате и встала перед ним. Приподняв своей широкой, большой ладонью ее опущенный подбородок, Баттл внимательно посмотрел на смущенное лицо дочери.

– Это было для тебя тяжким испытанием, да? – сказал он мягким голосом.

Ее глаза наполнились слезами.

– Понимаешь, Сильвия, – словно размышляя, продолжал Баттл, – я всегда знал, что с тобой может произойти нечто подобное. Большинство людей имеют разного рода слабости и недостатки. Как правило, они достаточно хорошо заметны. Ну, скажем, мы замечаем, что ребенок жадный, капризный или любит похулиганить. Ты всегда была доброй девочкой, очень спокойной... с уступчивым, мягким характером. В общем, с тобой не было никаких проблем, и все же я иногда беспокоился. Потому

что если есть некая трещина или слабина, которую ты не замечаешь, то в определенный момент, когда наступит час испытания, она может испортить общее впечатление.

– Как у меня! – сказала Сильвия.

– Да, как у тебя. Ты сломалась под давлением, и к тому же эта слабина проявилась чертовски странным образом. Да, это на редкость необычная черта, я никогда не встречался с таким поведением прежде.

Девочка вдруг пренебрежительно сказала:

– Мне следовало помнить, что ты довольно много общался с ворами!

– О да! Я прекрасно изучил этот тип людей. И именно поэтому, моя милая, – не потому, что я твой отец, отцы многого не знают о своих детях, а потому, что я полицейский, – я отлично знаю, что ты не воришка! Ты совершенно непричастна к тому, что здесь произошло. Воры бывают двух видов. Одни поддаются внезапному и непреодолимому искушению. Надо сказать, такое случается крайне редко – просто поразительно, каким искушениям может противостоять вполне нормальное, честное человеческое существо. А другие не считают зазорным присваивать то, что им не принадлежит, – такие воруют почти машинально. Ты не принадлежишь ни к одному из этих типов. Ты вообще не воришка! Я бы сказал, что ты являешь собой на редкость необычный тип лжеца...

– Но... – начала было Сильвия.

– Ты во всем призналась! – закончил он вместо нее. – Ну да, мне известно об этом. Знаешь, жила когда-то одна святая, которая раздавала хлеб нищим. Ее мужу была не по душе такая щедрость, и, встретив ее, он спросил, что у нее в корзинке. Она оробела и сказала, что там... розы. Когда муж сорвал крышку, то в корзине действительно оказались розы – чудеса, да и только! Так вот, если бы ты была святой Елизаветой и вышла, к примеру, с корзинкой роз, а твой муж, встретив тебя, спросил, что ты несешь, то ты, точно так же оробев, ответила бы ему: «Хлеб». – Он сделал паузу и мягко добавил: – Разве не так все случилось, милая?

В комнате повисла тишина; так ничего и не ответив, Сильвия вдруг опустила голову.

– Расскажи-ка мне, девочка, по порядку, как все произошло на самом деле.

– Нас собрали всех вместе и рассказали об этих кражах. И я, увидев, как мисс Амфри смотрит на меня, поняла, что она меня подозревает! Я почувствовала, что краснею... и заметила, что некоторые девочки тоже стали смотреть на меня. Это было ужасно. А потом и остальные начали подозрительно поглядывать и шептаться по углам. Я догадалась, что все

они подозревают меня. И вот как-то вечером наша Амфа позвала сюда нескольких девочек, и меня, конечно, в том числе, и предложила поиграть в слова... Она произносила слова, а мы должны были не задумываясь давать ассоциации...

Баттл недовольно хмыкнул.

— И я догадалась, что это своеобразное испытание... Меня точно парализовало. Я изо всех сил старалась не сказать какое-нибудь неверное слово... Пыталась думать о совершенно посторонних вещах... о белках или цветах... А наша Амфа так и следила за мной своими глазами-буравчиками... Знаешь, мне казалось, что ее взгляд просверливает меня насквозь. После этого начался настоящий кошмар, мне показалось, что я попала в какую-то ловушку. И однажды днем Амфа поговорила со мной вполне дружелюбно и, так сказать, понимающе... И наконец, не выдержав, я сказала, что взяла все эти вещи. О, ты не представляешь, папа, какое это было облегчение!

— Да нет, вполне представляю, — сказал Баттл, поглаживая свой подбородок.

— Ты правда понимаешь?

— Нет, Сильвия, я не совсем понимаю тебя, поскольку сам никогда не поступил бы так. Если бы кто-то попытался заставить меня признаться в том, чего я не делал, то мне бы, скорее всего, пришло в голову дать ему в челюсть. Но я хорошо представляю, как все произошло. И понимаю, что своими глазами-буравчиками ваша Амфа видит не дальше собственного носа. Перед ней был чудесный экземпляр необычной психологии, и, как любой полуиспеченный истолкователь, она не смогла его правильно объяснить. Настало время внести ясность в эту неразбериху. Где мисс Амфри?

Мисс Амфри тактично помедлила, прежде чем войти. Сочувственная улыбка застыла на ее лице, когда суперинтендант Баттл заявил с грубоватой откровенностью:

— Мисс Амфри, я должен просить вас обратиться за помощью в местный полицейский участок, чтобы восстановить справедливость в отношении моей дочери.

— Но, мистер Баттл, Сильвия сама...

— Сильвия совершенно непричастна к вашей истории, она даже пальцем не касалась этих вещей.

— Конечно, сэр, вы ее отец, и я могу понять...

— В данном случае я говорю не как отец, а как полицейский. Пусть полиция поможет вам разобраться в этом деле. Они проведут небольшое

тактичное расследование. Пропавшие вещи, скорее всего, спрятаны где-то поблизости, и я полагаю, на них сохранились отличные отпечатки пальцев. Мелкие воришки обычно не заботятся о перчатках... А сейчас я забираю мою дочь домой. Если полиция найдет доказательства – настоящие доказательства, подтверждающие ее связь с этими кражами, то я позабочусь о том, чтобы она явилась в суд и ответила по закону. Но я уверен, что этого не произойдет.

Минут через пять отец и дочь уже выехали из школьных ворот.

– Сильвия, – сказал Баттл, – я хотел спросить тебя об одной девочке. Она встретила меня в коридоре. Знаешь, у нее такие белокурые, довольно курчавые волосы, розовощекое личико, родинка на подбородке и голубые, широко расставленные глаза.

– Судя по описанию, похоже на Оливию Парсонс.

– Угу, понятно. Видишь ли, я не удивлюсь, если это ее рук дело.

– Разве она выглядела испуганной?

– Как раз наоборот, она выглядела очень самоуверенной. Такой спокойный, самоуверенный взгляд я много раз видел во время наших полицейских расследований. Готов поставить кругленькую сумму на то, что именно она воровка... Но вот ее ты не заставишь признаться... Никогда!

Сильвия сказала со вздохом:

– Все это было похоже на дурной сон. Ох, папа, мне так стыдно. Прости меня, пожалуйста. Как я могла быть такой дурой, такой полной идиоткой? Я понимаю, что вела себя просто ужасно.

– Все в порядке. – Оторвав одну руку от руля, суперинтендант Баттл похлопал дочь по плечу и сказал одно из своих излюбленных и банальных утешительных изречений: – Не переживай. Напасти нам посланы для испытания. Да-да, именно для испытания. По крайней мере я так полагаю. Не знаю, конечно, может, в них скрыт еще какой-то смысл...

19 апреля

Солнце щедро изливало лучи на дом Невиль Стренджа в Хинд-Хеде.

Такой чудесный денек – жарче июньских дней – случается в апреле разок-другой.

Невиль Стрендж спускался по лестнице. Он был одет в белый спортивный костюм из тонкой шерсти и под мышкой держал четыре теннисные ракетки.

Если бы некий избирательный комитет задумал отыскать среди англичан идеально счастливого человека, у которого есть все, что душе угодно, то Невиль Стрендж, несомненно, мог быть взят за образец. Всесторонне одаренный спортсмен и первоклассный теннисист, он был хорошо известен в британском обществе. Хотя ему никогда не удавалось выйти в финал Уимблдонского турнира, он нередко выигрывал несколько первых кругов в смешанных парах и дважды выходил в полуфинал. Возможно, если бы он не уделял слишком много времени другим видам спорта, то смог бы стать чемпионом в теннисе. Невиль прекрасно играл в гольф, был сильным пловцом и участвовал в нескольких сложных восхождениях в Альпах. В свои тридцать три года он имел отменное здоровье, приятную внешность, хороший достаток и исключительно красивую молодую жену, на которой женился недавно... В общем, жизнь его была прекрасной во всех отношениях – ни забот, ни тревог.

Тем не менее когда этим чудесным утром он спустился на первый этаж, на лице его блуждала тень мрачноватой озабоченности. Эта легкая тень едва ли была заметна для посторонних глаз. Но сам он осознавал ее существование, некие грустные мысли заложили складки на его челе, придавая лицу беспокойное и нерешительное выражение.

Проходя по холлу, он решительно расправил плечи, словно сбросил с себя какую-то тяжкую ношу, миновал гостиную и вышел на застекленную террасу, где на мягких подушках нежилась его жена, попивая апельсиновый сок.

Двадцатитрехлетняя Кей Стрендж была необыкновенно красива. Она была обладательницей стройной, точеной фигурки, темно-рыжих волос и такого прекрасного цвета лица, что доведение его до совершенства обычно требовало минимального количества времени и косметики. Помимо того у нее были неотразимые темные глаза и брови, что так редко соседствуют с рыжими волосами.

– Привет, красотка, – беспечно сказал ее муж. – Что у нас на завтрак?
– У вас, а не у нас! – сморщила носик Кей. – Ужасные кроваво-красные почки, грибы и ветчинный рулет.

– Звучит довольно заманчиво, – заметил Невиль.

Он положил себе всех вышеперечисленных яств и налил чашку кофе. На несколько минут на террасе установилось приветливое молчание.

– А-ах... – томно сказала Кей, покачивая голый ножкой с аккуратными ноготками, покрытыми алым лаком. – Какое прелестное утро! В конце концов, Англия не так уж и плоха, правда?

Они совсем недавно вернулись с юга Франции.

Невиль, бегло просмотрев газетные заголовки, уже заинтересованно читал спортивную страничку, поэтому просто хмыкнул в ответ, выражая некоторую неуверенность.

Вскоре он отложил газету и, намазав тост мармеладом, занялся письмами.

Пачка писем была довольно объемистая, но большую часть он порвал и выбросил. Рекламные проспекты, извещения и прочая печатная галиматья.

– Мне не нравится сочетание цветов в нашей гостиной, – сказала Кей. – Можно, я ее переделаю, Невиль?

– Как тебе заблагорассудится, моя красавица!

– По-моему, общий тон надо сделать переливчато-синим, – мечтательно проговорила Кей, – и множество атласных подушек цвета слоновой кости.

– Чтобы ты кувыркалась в них, как обезьянка, – пошутил Невиль.

– Ты сам вполне можешь последовать моему примеру, – сказала Кей.

Невиль распечатал очередное письмо.

– Да, кстати, – сказала Кей, – Шерти приглашает нас отправиться в Норвегию на его яхте в конце июня. Какая жалость, что мы не можем. – Она незаметно посмотрела в сторону Невилля и с тоскливым вздохом добавила: – Как я люблю морские путешествия.

По лицу Невилля пробежало легкое облачко какой-то задумчивой нерешительности.

– Неужели мы обязательно должны ехать к этой старой зануде Камилле? – мятежно спросила Кей.

Невиль нахмурился:

– Конечно, должны. Послушай, Кей, мне казалось, мы давно покончили с этим вопросом. Сэр Метью был моим опекуном. Они с Камиллой вырастили меня. Если и существует на земле место, которое я

мог бы назвать своим родным домом, так это именно Галлс-Пойнт.

– Ну ладно, ладно, – сказала Кей. – Раз уж это наш долг, то ничего не поделаешь. В конце концов, ведь мы получим все ее деньги, когда она умрет, и я понимаю, что нам стоит немного подлизаться к ней.

– Что значит – подлизаться?.. – сердито сказал Невиль. – Дело вовсе не в этом. Кстати, она не распоряжается нашими будущими деньгами. Ей назначено пожизненное годовое содержание, но впоследствии по завещанию сэра Метью все его состояние перейдет ко мне и моей жене. Так что, моя милая, все дело в привязанности. Как ты не можешь понять этого?

Она немного помедлила с ответом и потом сказала:

– Конечно же, я все понимаю. Я просто притворяюсь, потому что... ну, в общем, я знаю, что я в данном случае – нежеланный гость, меня там только терпят. Они ненавидят меня! Да, да, именно так! Леди Трессильян воротит свой аристократический нос и смотрит на меня с презрением, а Мери Олдин вообще, разговаривая со мной, глядит куда-то в сторону. К тебе-то они прекрасно относятся. Вот ты и не замечаешь, что происходит.

– Мне казалось, они всегда были очень вежливы с тобой. Дорогая, ты же отлично знаешь, что, если бы они вели себя иначе, я не стал бы настаивать на нашей поездке.

Кей бросила на него странный взгляд из-под своих полуопущенных темных ресниц.

– О да, они достаточно вежливы. Но у них есть множество других способов для того, чтобы вывести меня из себя. Они считают меня захватчицей, посягнувшей на чужие владения.

– Что ж, – сказал Невиль, – в конце концов, вероятно, у них есть для этого некоторые основания. Разве нет?

Его голос слегка изменился. Он вышел из-за стола и стоял спиной к Кей, окидывая взглядом открывавшийся из окон вид.

– О да, я полагаю, это вполне объяснимо. Они любили Одри, не правда ли? – Ее голос немного дрожал. – Милая, благовоспитанная, хладнокровная и бесцветная Одри! Камилла не может простить мне того, что я заняла ее место.

– Не забывай о возрасте Камиллы, – не оборачиваясь, сказал Невиль, его голос был глухим и безжизненным. – Ведь ей уже за семьдесят. Ее поколение, как ты знаешь, не слишком одобряет разводы. Мне кажется, что в целом она смирилась с нашей женитьбой и принимает нас очень радушно, учитывая то, как она была привязана к... к Одри.

Его голос едва уловимо изменился, когда он произносил имя своей бывшей жены.

– Они считают, что ты плохо обошелся с ней.
– Да, вероятно, – тихо сказал Невиль, но жена услышала его.
– Ах, дорогой, не будь таким глупым. Она подняла весь этот ужасный шум, просто чтобы привлечь к себе внимание.

– Одри не поднимала никакого шума. Она не устраивала никаких сцен ревности.

– Не притворяйся, ты же понимаешь, что я имею в виду. Она уехала от тебя в жутком расстройстве и повсюду изображала несчастную страдальцу с разбитым сердцем. Вот что я называю шумом! Есть люди, которые умеют проигрывать достойно, но Одри, по-моему, не из их числа. Мне вообще кажется, что если женщина не может удержать собственного мужа, то ей следует отпустить его с миром и с достоинством удалиться со сцены. У вас с ней не было ничего общего. Она никогда не увлекалась спортом, была такой малокровной, выцветшей, как... как кухонное полотенце. Безжизненное, анемичное создание. В ней нет даже духа соперничества! Если бы она действительно любила тебя, то ей следовало в первую очередь подумать о твоём счастье и порадоваться, что тебе посчастливилось найти в этой жизни более подходящую пару.

Невиль повернулся к жене. Легкая сардоническая улыбка играла на его губах.

– Ах ты, моя маленькая спортсменка! Похоже, ты считаешь, что любовь и супружество – это всего лишь игра!

Кей рассмеялась и покраснела:

– Ну, возможно, я немного увлеклась и сгустила краски. Но, во всяком случае, что было, то прошло, и надо принимать жизнь такой, как она есть!

– Одри так и поступила, – спокойно сказал Невиль. – Она дала мне развод, чтобы я мог жениться на тебе.

– Да, я знаю... – с задумчивой нерешительностью согласилась Кей.

Невиль сказал:

– Ты никогда не понимала Одри.

– Пожалуй, ты прав. Я даже побаиваюсь ее. Порой один ее взгляд приводит меня в содрогание. Я совершенно не понимаю ее. Никогда не знаешь, о чем она думает... В ней есть... нечто пугающее.

– Брось городить чепуху, Кей!

– Нет, правда, она пугает меня. Может, потому, что она слишком умна.

– Ах ты, моя очаровательная глупышка.

Кей рассмеялась:

– Почему ты всегда называешь меня так?

– А что, разве я не прав?

Они улыбнулись друг другу. Подойдя к жене, Невиль склонился и поцеловал ее тонкую шейку.

– Очаровательная, милая Кей, – пробормотал он.

– Очень добрая и хорошая Кей, – сказала она. – Отказывается от чудесного путешествия на яхте ради поездки к чопорным викторианским родственникам своего мужа, которые будут ее всячески унижать.

Невиль отошел от дивана и вновь сел за стол.

– А знаешь, – вдруг оживленно сказал он, – мне кажется, у нас есть возможность покататься на яхте с Шерти, если уж ты действительно так мечтаешь об этом.

Кей приподнялась с подушек и изумленно взглянула на него:

– А как же Солткрик и Галлс-Пойнт?

– Я не вижу причин, почему бы нам не поехать туда в сентябре, – сказал Невиль немного напряженным голосом.

– Но, Невиль, я была уверена... – начала было она, но умолкла.

– В июле и августе мы будем на соревнованиях, – сказал он. – Они заканчиваются в Сент-Лу в конце августа, и прямо оттуда мы можем поехать в Солткрик. По-моему, это прекрасная мысль.

– Ну, в принципе Сент-Лу, конечно, довольно близко... И мысль сама по себе неплоха. Но я думала... мне казалось, что в сентябре обычно приезжает туда она. Разве не так?

– Ты имеешь в виду Одри?

– Да. Вероятно, они могли бы попросить ее отложить приезд, но...

– А, собственно, стоит ли откладывать?

Кей с сомнением посмотрела на него:

– Ты считаешь, что мы могли бы жить там все вместе? Что за странная идея!

– Не думаю, что это такая уж странная идея, – раздраженно сказал Невиль. – В наше время такие случаи не редкость. Неужели мы не можем общаться по-дружески? Такие отношения сделали бы нашу жизнь гораздо приятнее и проще. Кстати, ты сама на днях говорила об этом.

– Я говорила?

– Да, разве ты не помнишь? Мы разговаривали о Хоувзах, и ты сказала, что они живут как нормальные, цивилизованные люди и что новая жена Леонарда и его бывшая жена стали лучшими подругами.

– О, конечно, я не имею ничего против. И даже считаю, что подобные отношения вполне приемлемы. Однако... я совсем не уверена, что Одри понравится эта идея.

– Какие глупости!

– Нет, не глупости. Знаешь, Невиль, Одри действительно очень любила тебя... По-моему, она даже в мыслях не допускает такой возможности.

– Тут ты совершенно не права, Кей. Одри относится к этой идее достаточно благосклонно.

– Одри?.. Что ты имеешь в виду, говоря о ее благосклонности? Откуда тебе знать, что думает Одри по этому поводу?

На лице Невилья отразилось легкое замешательство. Он смущенно закашлялся, прочищая горло.

– По правде говоря, я случайно встретил ее вчера, когда ездил в Лондон.

– Ты ничего не говорил мне об этом.

– Зато сейчас говорю, – раздраженно сказал он. – Это была чистая случайность. Я проходил по Гайд-парку, а она шла мне навстречу. Неужели ты считаешь, что я должен был броситься наутек, завидев ее?

– Нет, разумеется, нет, – сказала Кей, пристально глядя на него. – Продолжай.

– Я... Ну мы, конечно, остановились, и я решил пройтись с ней немного. Мне казалось, что... это самое малое, что я мог сделать.

– И что же было дальше? – спросила Кей.

– Потом мы увидели пару свободных стульев и сели поболтать. Она была очень мила... правда, очень мила.

– В общем, совершенно очаровала тебя... – вставила Кей.

– И как водится, мы поговорили о том о сем. Словом, ее поведение было вполне нормальным. Она была спокойна и доброжелательна.

– Как трогательно! – воскликнула Кей.

– Кстати, она спрашивала о тебе...

– Очень мило с ее стороны!

– Да, я рассказал ей немного о нашей жизни, и она передала тебе привет. Правда, Кей, она была сама любезность.

– Ах, моя дорогая Одри!

– И тогда-то эта идея и пришла мне в голову, понимаешь? Как было бы здорово, если бы вы стали друзьями. Если бы мы могли по-приятельски общаться друг с другом. И мне подумалось, почему бы не попробовать осуществить эту идею летом в Галлс-Пойнте. В таком месте это могло бы произойти вполне легко и непринужденно.

– Неужели именно ты подумал об этом?

– Да... Конечно же, я. Это была моя идея.

– Странно, по-моему, ты никогда не высказывал подобных желаний.

– Ты права. Эта мысль осенила меня только вчера.
– Все понятно. Короче говоря, ты высказал ее Одри, и она сочла, что это блестящая идея?

В первый раз Невиль уловил какие-то опасные нотки в голосе жены.

– Разве я сделал что-то не так, моя красавица?

– О нет, пустяки! Полагаю, ни ты, ни Одри даже не подумали, понравится ли эта блестящая идея мне.

Невиль удивленно взглянул на нее:

– Но, Кей, я решительно не понимаю, что ты можешь иметь против этого?

Кей закусила губу.

– Ты же сама совсем недавно говорила...

– Ах нет, пожалуйста, – перебила его Кей, – не начинай все сначала! Я говорила о других людях. И вовсе не имела в виду нас.

– Однако именно ты отчасти навела меня на эту мысль.

– Довольно дурачить меня. Не надейся, что я поверю тебе.

Невиль в смятении посмотрел на жену:

– Но, Кей, что тебе не нравится? Я полагаю, тебе совершенно не о чем беспокоиться!

– Неужели?

– Ну, я имею в виду, что ни о какой ревности не может идти и речи. – Он помолчал немного и сказал изменившимся голосом: – Понимаешь, дорогая, мы поступили с Одри чертовски плохо. Нет, я не так выразился. К тебе это не относится. Я обошелся с ней чертовски плохо. Бессмысленно говорить о том, что я просто не мог поступить иначе. Но мне показалось, что, если мы наладим хорошие отношения, у меня станет легче на душе. Это сделало бы меня гораздо счастливее.

– Значит, ты несчастлив? – с расстановкой произнесла Кей.

– Милая, не строй из себя дурочку! О чем тут говорить. Конечно, я счастлив, совершенно счастлив. Но...

– Вот именно, «но»!.. – подхватила Кей. – Я постоянно чувствую это «но» в нашем доме. Точно какая-то мрачная тень слоняется по комнатам. Тень Одри.

Невиль недоумевающе уставился на нее.

– Ты хочешь сказать, что ревнуешь меня к Одри? – спросил он.

– Нет, я не ревную тебя к ней. Я боюсь ее... Невиль, ты не знаешь, что представляет собой Одри.

– Это я-то не знаю... Мы прожили с ней восемь лет.

– Нет, ты не знаешь, – повторила Кей. – Не знаешь, что у нее на уме.

30 апреля

– Просто абсурд какой-то! – сказала леди Трессильян. Подложив под спину пару подушек, она поудобнее устроилась на кровати и обвела комнату возмущенным сверкающим взглядом. – Чистый абсурд! Невиль, должно быть, сошел с ума.

– Да, это кажется довольно странным, – сказала Мери Олдин.

У леди Трессильян был чеканный профиль и тонкий прямой нос, благодаря которому в минуты волнения она выглядела поразительно эффектно. В свои семьдесят лет она, несмотря на хрупкое здоровье, сохранила в целости силу и живость ума, которыми щедро одарила ее природа. Правда, она быстро уставала и порой подолгу лежала с полужакрытыми глазами, не проявляя никаких эмоций, однако после такого забытья она вдруг пробуждалась совершенно бодрой, все ее способности резко обострялись и язычок приобретал былую остроту и язвительность. Обложенная подушками, она гордо восседала в своей широкой кровати, стоявшей в углу спальни, и принимала гостей, как некая французская королева. Мери Олдин, дальняя родственница, давно жила в доме леди Трессильян, заправляя хозяйством и скрашивая досуг старой дамы. Эти две женщины отлично ладили друг с другом. Мери уже исполнилось тридцать шесть лет, однако по ее гладкому, спокойному лицу трудно было судить о возрасте. Такие лица обычно мало меняются с годами. Ей можно было дать как тридцать, так и сорок пять. У нее была хорошая фигура, благообразный вид, а в густых черных волосах белела серебряная прядь, которая придавала ей некую индивидуальность. Одно время это было модно, но у Мери эта светлая прядь была естественной и появилась лет двадцать назад.

Мери задумчиво читала письмо Невилля Стренджа, которое передала ей леди Трессильян.

– Да, – сказала она. – Все это кажется довольно странным.

– И тебе не удастся убедить меня, – сказала леди Трессильян, – что эта идея пришла в голову самому Невиллю! Кто-то явно надоумил его. Вероятно, его новая супруга!

– Кей?.. Вы думаете, идея принадлежала Кей?

– Что ж, это может быть вполне в ее духе. Современно и вульгарно. Если уж супруги не в состоянии договориться полюбовно и афишируют свои проблемы, доводя дело до развода, то они могли бы по крайней мере расстаться благопристойно. А вместо этого бывшая жена начинает

налаживать дружеские отношения со своей преемницей – на мой взгляд, это просто отвратительно. Молодежь ныне не имеет никаких моральных устоев!

– Я полагаю, это просто новое веяние, – сказала Мери.

– Пусть так, но я не желаю, чтобы это случилось в моем доме, – сказала леди Трессильян. – По-моему, я и так уже сделала все, что в моих силах, пригласив сюда это дурно воспитанное создание с кроваво-красными ногтями.

– Но она ведь жена Невилья.

– Вот именно. Поэтому я полагаю, что Метью одобрил бы меня. Он любил этого мальчика и всегда хотел, чтобы Невиль считал это место своим родным домом. И поскольку отказ принимать его жену мог привести к серьезной размолвке, я смирилась и пригласила ее сюда. А вот уж любить ее я совершенно не обязана... Невиль сделал плохой выбор... Ни образования, ни корней!

– Но она все-таки из приличной семьи, – успокаивающе заметила Мери.

– Гнилая ветвь! – резко сказала леди Трессильян. – Ее отца – помнишь, я рассказывала тебе? – выставили из всех клубов из-за карточных дел. Его счастье, что он вскоре после этого умер. А ее мать снискала дурную славу на Ривьере. Какое воспитание могла получить эта девочка! С такой матерью, с ее беспутной, отелльной жизнью! Там на курорте она и встретила Невилья на одном из теннисных кортов. Эта девица вцепилась в него мертвой хваткой и не успокоилась, пока не заставила уйти от жены, – а ведь он очень любил Одри... Да-да, Кей окружила его и женила на себе! Я считаю, что во всем виновата только она!

На губах Мери Олдин заиграла легкая усмешка. В данном случае леди Трессильян была особенно старомодна, во всем обвиняя женщин и оправдывая мужчин.

– Мне кажется, строго говоря, Невиль виноват ничуть не меньше, – мягко предположила она.

– Разумеется, и Невиль далеко не безгрешен, – согласилась леди Трессильян. – У него была очаровательная, любящая жена, которая, возможно, любила его даже слишком сильно. И тем не менее я убеждена, что он никогда не потерял бы голову, если бы не настойчивость этой девицы. Это она вознамерилась выйти за него замуж! Безусловно, мои симпатии всецело на стороне Одри. Я очень люблю ее.

Мери вздохнула.

– Да, все это обернулось массой проблем, – сказала она.

– Ты права. Я просто в растерянности. Одному богу ведомо, как поступить в подобных обстоятельствах. Метью любил Одри, так же как и я, и никто не станет отрицать, что она была для Невия прекрасной женой, хотя, возможно, жаль, что она не могла в полной мере делить с ним досуг и развлечения. Одри никогда не была сильна в спорте, да и не стремилась к этому. Сколько неприятностей доставляют разводы. Во времена моей молодости они были большой редкостью. Мужчины, разумеется, заводили романы на стороне, но это никак не отражалось на семейной жизни.

– Зато теперь такое случается довольно часто, – резковато сказала Мери.

– Да уж, сплошь и рядом. Ты рассуждаешь вполне здраво, моя милочка. Что толку вспоминать былые дни. Все изменилось, и девицы, подобные Кей Мортимер, без зазрения совести крадут чужих мужей, и никто даже не скажет о них дурного слова!

– За исключением людей вашего склада, дорогая Камилла!

– Я не в счет. Красотку Кей совершенно не волнует, одобряю я ее поведение или нет. Все ее мысли сводятся к поискам развлечений – она порхает по жизни беспечно, как мотылек. И Невиль привезет ее сюда когда пожелает, а я должна буду радушно принимать даже ее друзей... Хотя мне нет никакого дела до того манерного хлыща, который вечно вьется вокруг нее... Как бишь его имя?

– Тед Латимер?

– Да, да, мистер Латимер. Приятель ее веселых дней на Ривьере... Кстати, мне бы очень хотелось узнать, как он умудряется вести такой образ жизни.

– Вероятно, изворачивается всеми правдами и неправдами, – предположила Мери.

– Это было бы еще вполне прилично. Но боюсь, он живет за счет своей смазливой внешности. Не слишком подходящая компания для жены Невия! Меня раздражает его назойливость. Помнишь, как он приехал сюда прошлым летом и жил в отеле «Истерхед-Бей» все время, пока они гостили у нас.

Мери подошла к открытому окну. Дом леди Трессильян был расположен на вершине крутой скалы, возвышающейся над рекой Терн. На другом берегу реки недавно появился модный курорт Истерхед-Бей, включавший в себя полосу прекрасного песчаного пляжа, несколько современных коттеджей и громоздкий отель на мысу, фасад которого был обращен в сторону моря. А сам Солткрик был просто маленьким рыбацким селением, живописно раскинувшимся на склоне холма. Его

жители были старомодны, консервативны и с глубоким презрением поглядывали на Истерхед-Бей и его летних обитателей.

Отель «Истерхед-Бей» располагался почти напротив дома леди Трессильян, и Мери, пробежав взглядом по узкой полосе речной воды, прищурившись, смотрела сейчас прямо на это высокое здание, сверкающее своей крикливой новизной.

– Я рада, – сказала леди Трессильян, прикрывая глаза, – что Метью не увидел этого вульгарного сооружения. Пока он был жив, линию побережья еще не успели испортить.

Сэр Метью и леди Трессильян приехали в Галлс-Пойнт тридцать лет назад. Сэр Метью был страстным любителем морских прогулок; прошло уже девять лет с тех пор, как его лодка перевернулась и он утонул едва ли не на глазах у жены.

Все ожидали, что она продаст Галлс-Пойнт и уедет из Солткрика, но леди Трессильян обманула их ожидания. Она продолжала жить в своем доме, и единственной видимой реакцией на случившуюся трагедию было то, что она приказала убрать все лодки и разобрать эллинг. С тех пор в Галлс-Пойнте так и не появилось ни одной лодки, и гости при желании нанимали их на переправе, у одного из конкурирующих лодочников. – Может быть, мне написать Невилю, – предложила Мери с легкой нерешительностью, – и объяснить, что его намерения не совпадают с нашими планами?

– Я решительно не расположена мешать приезду Одри. Она всегда приезжает к нам в сентябре, и я не собираюсь просить ее менять свои планы.

– Вы заметили, Невиль пишет, что Одри... э-э... что она одобряет его идею. Что она будет рада встретиться здесь с Кей.

– Просто не могу в это поверить, – сказала леди Трессильян. – Невиль, как все мужчины, верит в то, во что хочет верить!

– Но он пишет, что сам разговаривал с ней об этом, – настаивала Мери.

– Господи, до чего же странные вещи происходят теперь на этом свете! Хотя, впрочем, если вспомнить историю...

Мери заинтригованно посмотрела на нее.

– ...и поведение Генриха Восьмого, – задумчиво продолжала леди Трессильян.

Вид у Мери был озадаченный.

Леди Трессильян помолчала, обдумывая свое последнее замечание.

– Видишь ли, дорогая, есть такое понятие, как совесть! И Генрих в свое время всячески старался внушить Екатерине, что их развод был

благоразумным решением. Невиль сознает, что поступил далеко не лучшим образом, и хочет как-то загладить свою вину и успокоить душу. Поэтому он старался убедить Одри в том, что у них могут быть самые хорошие отношения, что она может спокойно приехать сюда, встретиться с Кей, и тогда все будут довольны и счастливы.

– Не знаю, – задумчиво сказала Мери, – что-то меня смущает...

Леди Трессильян пристально взглянула на нее:

– О чем ты задумалась, дорогая?

– Меня удивляет сам стиль... – Она помолчала немного и затем продолжила: – Это письмо... Мне кажется, оно как-то *не похоже* на Невиль! Вы не думали, что по каким-то причинам Одри сама стремится к... к этой встрече?

– Чего ради? – резко сказала леди Трессильян. – После того как Невиль оставил ее, она переехала в Ректори к своей тетушке миссис Ройд. Ты же помнишь, она была совершенно подавлена. Одри и в обычные времена не отличалась особой живостью, а уж тогда стала просто как тень. Очевидно, это было для нее очень сильным потрясением. Она из породы тех спокойных, сдержанных людей, которые глубоко переживают и глубоко чувствуют.

Мери нервно сжала руки:

– Да, у нее глубокая и страстная натура. Она очень необычный человек во многих отношениях...

– Она много страдала... Сначала бракоразводный процесс. Потом женитьба Невилья на этой девице... Но мало-помалу Одри все же начала приходить в себя. Сейчас боль воспоминаний уже почти утихла, она стала прежней Одри. И ты хочешь убедить меня, будто она стремится разбередить старые раны?

– Невиль пишет, что она согласна, – с мягкой настойчивостью сказала Мери.

Старая дама с любопытством взглянула на нее:

– Что это ты так привязалась к словам Невилья? Может, ты сама хочешь, чтобы они встретились здесь?

Мери Олдин вспыхнула:

– Нет, конечно, нет.

– А уж не ты ли, милочка, – с легкой язвительностью сказала леди Трессильян, – подкинула Невилью эту идею?

– Какие глупости. И как вам только могла прийти в голову такая нелепая мысль?

– Ладно-ладно, не кипятись. И все-таки я ни за что не поверю, что это

была действительно его собственная идея. Подобные эксперименты совершенно не в его духе. – Она задумчиво помолчала, затем лицо ее вдруг прояснилось. – Что у нас завтра – первое мая, не так ли? Отлично, а третьего числа Одри приезжает к Дарлингтонам в Эсбенк. Оттуда до нас всего лишь двадцать миль. Напиши-ка ей письмецо и пригласи заехать к нам на ленч.

5 мая

– Миссис Стрендж, миледи.

Войдя в просторную спальню, Одри Стрендж пересекла комнату и остановилась возле массивной старинной кровати. Склонившись, она поцеловала старую даму и села в кресло, поставленное рядом с кроватью специально для нее.

– Как хорошо, что ты заехала навестить нас, моя дорогая, – сказала леди Трессильян.

– Я тоже рада вас видеть, – сказала Одри.

Облику Одри Стрендж была присуща некая бестелесность, неосязаемость. Она была среднего роста, с очень маленькими изящными руками и ногами. Белокурые, светло-пепельные волосы обрамляли бледное, почти бескровное лицо, которое лишь изредка окрашивалось легким румянцем. Широко расставленные ясные глаза были светло-серого цвета. Ее овальное личико с прямым аккуратным носиком имело правильные мелкие черты. Конечно, ее лицу недоставало красок, и поэтому при всей миловидности Одри нельзя было назвать красивой, однако, бесспорно и несомненно, в ее облике было нечто исключительно привлекательное, нечто такое, что невольно притягивало взгляды окружающих. Она казалась чуть ли не бесплотным духом и в то же время внушала уверенность, что этот дух может быть более живым и реальным, чем живой человек.

У нее был необычайно приятный, мелодичный голос, нежный и чистый, как звон серебряного колокольчика.

Одри поведала старой даме о текущих событиях, потом они немного поговорили, вспоминая общих знакомых, и наконец леди Трессильян перевела разговор в другое русло:

– Кроме удовольствия видеть тебя, моя милая, я пригласила тебя приехать еще и потому, что получила довольно странное письмо от Невия.

Одри внимательно посмотрела на нее. Ее распахнутые глаза были спокойны и безмятежны.

– Что же в нем странного? – спросила она.

– Он предлагает... В общем, я бы сказала, что его предложения совершенно абсурдны. Ему вдруг взбрело в голову приехать сюда вместе с Кей в сентябре. Он пишет, что ему было бы приятно, если бы между тобой и Кей завязались дружеские отношения, и что ты якобы одобрила его идею.

Она умолкла, вопросительно глядя на Одри.

– Почему его желание кажется вам столь абсурдным? – немного помедлив, спросила Одри мягким, спокойным голосом.

– Но, дорогая моя... неужели ты действительно хочешь этого?

Одри вновь нерешительно помолчала и затем тихо сказала:

– Понимаете, я думаю, что в конечном счете такие отношения вполне приемлемы.

– И ты действительно хочешь встретиться с Кей?

– В сущности, Камилла, мне просто кажется, это могло бы в какой-то мере... упростить нашу жизнь.

– «Упростить нашу жизнь»?! – недоуменно повторила леди Трессильян.

– Дорогая Камилла, – с особой мягкостью сказала Одри, – вы всегда были так добры. Уж если Невиль так хочет, чтобы...

– Мне безразлично, что хочет Невиль! – резко отрезала леди Трессильян. – Меня волнует, что хочешь ты?

На щеках Одри появился слабый румянец, напоминавший еле уловимую розоватость перламутровой морской раковины.

– Да, – сказала она. – Я... тоже хочу этого.

– Вот как... – с удивлением произнесла леди Трессильян. – Ну право, не знаю... – начала было она, но умолкла.

– Безусловно, дорогая, выбор остается за вами, – сказала Одри. – Это ваш дом и...

Леди Трессильян закрыла глаза.

– Я уже старуха, – сказала она. – И похоже, уже ничего не понимаю.

– Возможно, вы считаете, что мне лучше приехать в другое время. Если хотите, я вполне могу отложить свой приезд.

– Ты приедешь в сентябре, как всегда, – отрезала леди Трессильян. – И Невиль с Кей пусть тоже приезжают. Конечно, я стара, но полагаю, что, как любой живой человек, я еще смогу приспособиться к изменениям современной жизни. Все решено, и довольно об этом.

Она снова закрыла глаза. Через пару минут она приоткрыла веки и, пристально глянув на молодую женщину, сидевшую рядом с ней, сказала:

– Ты довольна?

Одри вздрогнула:

– О да, да. Благодарю вас.

– Милая моя, – сказала леди Трессильян, ее голос стал сердечным и взволнованным, – ты уверена, что это пойдет тебе на пользу? Ведь ты была так привязана к Невиллю... Зачем беречь старые раны?..

Одри сидела, опустив глаза, и задумчиво смотрела на свои маленькие руки в лайковых перчатках. Одна из них, как заметила леди Трессильян, судорожно сжала край кровати.

Наконец Одри подняла голову. Ее глаза были спокойны и безмятежны.

– Все это давно прошло, – сказала она. – Совсем прошло.

Леди Трессильян тяжело откинулась на подушки и вздохнула.

– Ладно, покончим с этим. Тебе лучше знать. Однако я устала, мне пора отдохнуть, дорогая. Ступай вниз. Мери ждет тебя. Передай там, чтобы прислали ко мне Баррет.

Баррет была старой верной служанкой леди Трессильян. Она вошла в спальню своей госпожи и обнаружила, что та обессиленно лежит на спине с закрытыми глазами.

– Видно, пора мне покидать этот мир, Баррет, и чем скорее, тем лучше, – тихо проговорила леди Трессильян. – Я уже ничего и никого не понимаю.

– Ах, не говорите так, миледи, вы просто устали.

– Да... устала. Убери-ка этот пуховик с ног и накапай тониизирующей микстуры.

– Неужели приезд миссис Стрендж так расстроил вас? Такая милая леди, но должна сказать, что ей тоже не помешало бы принять ваших капель. Она выглядит не слишком здоровой. Мне всегда кажется, что она видит то, чего другие не видят. Но у нее сильный характер. Она – как вы сказали бы – умеет подать себя.

– Ты совершенно права, Баррет, – согласилась леди Трессильян. – Да, да, это истинная правда.

– И она также не из тех, кого легко забывают. Я не удивилась бы, узнав, что мистер Невиль все еще думает о ней. Нынешняя миссис Стрендж, конечно, с виду очень красива, ничего не скажешь, но мисс Одри производит куда более глубокое впечатление, такие люди, как она, надолго остаются в памяти.

– Невиль просто дурак, – неожиданно усмехнувшись, сказала леди Трессильян, – если хочет свести вместе этих двух женщин. Он же первый пожалеет об этом!

Томас Ройд с трубкой во рту рассеянно следил за процессом сборов; ловкие руки его первоклассного малайского слуги аккуратно и быстро заполняли его дорожные чемоданы. Изредка он окидывал задумчивым взглядом раскинувшиеся за окном плантации. Целых шесть месяцев он не увидит эту землю, с которой за прошедшие семь лет почти сроднился.

Как странно будет вновь оказаться в Англии.

В дверь комнаты заглянул его партнер, Аллен Дрейк:

– Привет, Томас, как идут сборы?

– Уже все уложено.

– Пойдем-ка выпьем на дорожку. Счастливый ты, черт! Я просто сгораю от зависти.

Томас Ройд медленно вышел из спальни, молча присоединившись к своему, другу; надо отметить, что он был исключительно немногословным человеком. Друзья научились угадывать, что он думает, по тому, как он молчал.

Томас был довольно плотный мужчина с бесстрастным, серьезным лицом и внимательными, задумчивыми глазами. Ходил он немного боком, как краб. Такая походка была следствием травмы – во время одного из землетрясений его придавило дверью, – поэтому друзья, подшучивая, называли его крабом-отшельником. Его поврежденные правое плечо и рука были несколько ограничены в движениях, добавляя его виду некую искусственную напряженность, отчего у людей часто возникала мысль, что Томас постоянно испытывает то ли стеснительность, то ли неловкость, хотя в действительности подобные чувства были почти ему несвойственны.

Аллен Дрейк смешал напитки.

– Итак, – сказал он. – Доброй охоты!

Ройд ответил нечто неопределенное, что звучало примерно как:

– М-да... Гм...

Дрейк с любопытством взглянул на него.

– Флегматичен, как всегда, – заметил он. – Не представляю, как ты решился на это. Сколько лет ты не был дома?

– Семь... около восьми.

– Долгий срок. Удивляюсь, как ты не растерял все родственные связи.

– Может, и растерял.

– По твоей немногословности, друг мой, тебя всегда следовало бы

относить скорее к братьям нашим меньшим, нежели к человеческому роду! Ты как-нибудь спланировал свой отпуск?

– Ну... да, частично.

Его побронзовевшее под малайским солнцем невозмутимое лицо вдруг приобрело глубокий красновато-кирпичный оттенок.

– Видно, здесь замешана женщина! – оживляясь, удивленно воскликнул Аллен Дрейк. – Черт возьми, старина, да ты покраснел!

– Брось городить чепуху! – хрипловато сказал Томас Ройд и глубоко затаился, зажав зубами свою старенькую трубку.

Он побил все свои предыдущие рекорды, сам продолжив разговор.

– Вероятно, – сказал он, – там многое изменилось.

– Я до сих пор не пойму, почему ты все откладывал поездку домой, – заинтересованно сказал Дрейк. – А сейчас вдруг в одночасье решился.

Ройд пожал плечами:

– Просто считал, что такое, неожиданное, путешествие может оказаться более интересным. К тому же, сам знаешь, плохие новости из дому.

– Да, конечно, я забыл. Ведь твой брат погиб в автомобильной катастрофе.

Томас Ройд кивнул.

Дрейк подумал, что это все-таки очень странная причина для отмены поездки домой. Там, насколько ему известно, мать и вроде бы еще сестра. Несомненно, в такое время... И тут вдруг ему припомнилось, что Томас тогда отменил путешествие прежде, чем пришло известие о смерти его брата.

Аллен с любопытством взглянул на своего друга. Однако темная лошадка старина Томас!

– Ты хорошо ладил с братом? – спросил он, решив, что сейчас, по прошествии трех лет, он уже может задать такой вопрос.

– С Адрианом? Да нет, не особенно. У нас с ним было мало общего. Каждый шел своей дорогой. Он был адвокатом.

«Да, совсем другая жизнь, – размышлял Дрейк. – Адвокатская контора в Лондоне, деловые приемы, клубы... Зарабатывание денег посредством словесных поединков...» Он подумал, что Адриан Ройд, вероятно, был полной противоположностью молчуну Томасу.

– Твоя матушка ведь еще жива?

– Что? Да, родительница наша в добром здравии.

– Но, по-моему, у тебя есть еще сестра?

Томас отрицательно мотнул головой.

– Нет?.. А я думал, есть. Но кто же тогда на той фотографии...

– Не сестра, – пробубнил Томас, – дальняя родственница в некотором роде. Она осталась сиротой и росла вместе с нами.

И вновь легкий красноватый оттенок проступил сквозь бронзовую кожу.

«О-о! – подумал Дрейк. – Кажется, мы попали в точку!..»

– Она замужем? – спросил он.

– Была... Ее мужем был тот самый парень, Невиль Стрендж.

– А-а... Да, известная личность, он вроде бы изрядно преуспел в теннисе.

– Да, она развелась с ним.

«Все ясно, – сказал себе Дрейк. – Значит, ты спешишь домой к ней, чтобы попытать счастья».

Смилостивившись, он сменил тему разговора:

– А что ты думаешь насчет рыбалки или охоты?

– Сначала надо добраться до дома. Вообще-то я рассчитывал немного пожить в Солткрике, возможно, найму там лодку.

– Я знаю эти места. Очень живописная природа. Помню, там еще был милый старомодный отель.

– Да, «Балморал-Корт». Может, я там и остановлюсь или погощу у друзей. У них дом в Солткрике.

– Звучит заманчиво.

– М-да... Гм... Солткрик – приятное, тихое местечко. Ни сутолоки, ни шума.

– Да, да, – поддержал его Дрейк. – В таких местах никогда ничего не происходит.

– И все-таки это крайне досадно, – сказал старый мистер Тревис. – Уже двадцать пять лет я ежегодно отдыхаю в Лихеде в отеле «Морской». А в нынешнем году, можете себе представить, там собрались все перестроить. Расширить набережную или еще что-то в этом роде. Просто абсурд! Почему им так не терпится испортить такое прекрасное место на побережье?! В Лихеде всегда было свое особое очарование... Регентство – настоящее регентство.

Руфус Лорд утешающе сказал:

– Не стоит, однако, так переживать, я полагаю, можно подыскать еще что-нибудь в этом роде.

– Я даже не могу представить себе, что больше никогда не поеду в Лихед. Миссис Маккей, владелица «Морского», так чутко относилась ко всем моим требованиям. Из года в год я снимал одни и те же комнаты, и обслуживание там было неизменно безупречным. А уж кухня – выше всяческих похвал.

– А что, если вам попытаться счастья в Солткрике? Там есть довольно милый старомодный отель. «Балморал-Корт». И знаете, кто его содержит? Чета Роджерсов. Она раньше была кухаркой у старого лорда Маунтхеда... у него были лучшие обеды в Лондоне. Потом она вышла замуж за дворецкого, и теперь они стали владельцами этого отеля. Мне думается, это местечко придется вам по нраву. Тишина... Никаких джаз-бандов... и первоклассная стряпня и обслуживание.

– А это идея... Это решительно неплохая идея. Там есть застекленные балконы?

– Да. И застекленные террасы, и балконы. Можете выбрать солнце или тень по собственному усмотрению. Кстати, я мог бы вам дать кое-какие рекомендации относительно соседей, если желаете. Там живет старая леди Трессильян, ее дом буквально в двух шагах от отеля. Прелестный сад и дом, и сама она – замечательная женщина, несмотря на то что почти прикована к постели.

– Вы говорите о вдове судьи?..

– Именно так.

– Я знал Метью Трессильяна и, кажется, встречался и с ней. Обаятельная женщина... Хотя, конечно, с тех пор много воды утекло. Ведь Солткрик неподалеку от Сент-Лу? Я бывал у своих друзей в тех краях. Вы

знаете, я все больше склоняюсь к тому, что Солткрик именно то, что мне нужно! Надо будет написать в этот отель и оговорить все детали. Мне хотелось бы поехать туда на месяц, примерно с середины августа до середины сентября. Да, мне придется взять с собой шофера. Надеюсь, там есть гаражи для машин?

– Можете не сомневаться. «Балморал-Корт» вполне соответствует современным требованиям.

– Как вы знаете, мне противопоказаны прогулки в горы, и я предпочитаю жить не выше первого этажа. Хотя, вероятно, там есть и лифт.

– Конечно, там есть все удобства подобного рода.

– У меня складывается впечатление, – сказал мистер Тревис, – что ваше предложение разрешит все мои проблемы. К тому же я надеюсь иметь удовольствие возобновить знакомство с леди Трессильян.

28 июня

Кей Стрендж, одетая в шорты и канареечного цвета свитерок, сидела подавшись вперед и наблюдала за игроками. Шел полуфинал теннисного турнира в Сент-Лу, одиночные игры между мужчинами, и Невиль играл против молодого Меррика, которого считали восходящей звездой теннисного небосклона. Меррик, бесспорно, обладал блестящими способностями, но играл не слишком обдуманно и, случалось, бил наугад. Поэтому на сегодняшний день более опытные и расчетливые игроки могли еще его победить.

Сейчас шел как раз финальный сет игры, и счет пока был три – три.

Присев на скамью рядом с Кей, Тед Латимер прокомментировал небрежным, ироничным голосом:

– Любящая жена следит за продвижением своего мужа к победе!

Кей вздрогнула от неожиданности:

– О, как ты меня напугал! Я не заметила, когда ты появился.

– Я всегда с тобой. Пора тебе уже осознать это.

Тед Латимер, двадцатипятилетний молодой человек, обладал на редкость приятной внешностью, хотя чопорные старые полковники обыкновенно называли его «типичный даго».^[2]

У него была смуглая кожа, великолепный шоколадный загар, и, кроме всего прочего, он был замечательным танцором.

Его темные глаза могли быть очень выразительными, и он прекрасно владел своим голосом, как хороший актер. Кей познакомилась с ним, когда ей было пятнадцать лет.

Они вместе жарились под солнцем на пляжах Жан-ле-Пинса, танцевали и играли в теннис. Они стали больше чем приятелями, скорее их можно было назвать родственными душами.

Молодой Меррик подавал из левого угла. Ответный мяч Невилья – точный и сильный удар в противоположный угол – отбить было почти невозможно.

– У Невилья отличный удар слева, – заметил Тед. – Даже лучше, чем справа. А у Меррика удар слева слабоват, и Невилья понял это. Да, он знает, как прижать Меррика, и, думаю, сделает игру.

Этот гейм закончился со счетом четыре – три в пользу Стренджа.

Следующий гейм начинался с его подачи. Юный Меррик слишком разгорячился и бил как попало.

Пять – три.

– Молодец Невиль, – сказал Латимер.

Наконец юный спортсмен овладел собой. Его игра стала более расчетливой и осторожной. Он начал варьировать стиль и силу ударов.

– А парень-то с головой, – сказал Тед. – И скорость у него первоклассная. Должно быть, борьба будет интересной.

Меррику удалось сравнять счет: пять – пять. Потом каждый отыграл по два очка, и в итоге Невиль проиграл партию со счетом семь – девять.

Невиль, усмехаясь, подошел к сетке, сокрушенно покачивая головой. Соперники обменялись рукопожатиями.

– Юность говорит сама за себя, – бросил Тед. – Девятнадцать лет против тридцати трех. Но причина все же не в этом. Знаешь, Кей, я могу сказать тебе, почему Невиль никогда не станет чемпионом. Он слишком легко проигрывает.

– Чепуха!

– Нет, не чепуха! Невиль, черт его возьми, всегда в прекрасной форме. Но я никогда не видел, чтобы он расстроился, проиграв партию.

– Разумеется, – сказала Кей. – Таким людям это не свойственно.

– Нет, свойственно! Мы же видим их на соревнованиях. Теннисные звезды еще как переживают и еще как чертыхаются, загубив хоть один мяч. Но старина Невиль всегда готов с улыбочкой принять поражение. Пусть победит сильнейший, игра есть игра и так далее. Боже, как же я ненавижу это традиционное благообразное воспитание. Слава богу, что я никогда не посещал этих закрытых привилегированных школ.

Кей повернулась к нему:

– Тебе не кажется, что ты не слишком доброжелателен?

– Да, я просто злорадствую!

– Мне бы не хотелось, чтобы ты так ясно показывал свое отношение к Невиллю. Я знаю, что ты его недолюбливаешь.

– А с какой радости мне его любить? Он увел мою девушку, – сказал Тед, взглянув на Кей многозначительным взглядом.

– Я не могла быть твоей девушкой. Обстоятельства были против нас.

– Безусловно. Не было даже и года взаимного интереса между нами... даже легкого романчика.

– Заткнись. Я полюбила Невилля и вышла за него замуж...

– О да, чертовски выгодная партия! Это всем известно!

– Ты что, пытаешься разозлить меня?

Задавая этот вопрос, Кей повернула к нему голову. Он улыбнулся, и она, помедлив, улыбнулась в ответ.

– Как проходит лето, Кей?

– В общем, неплохо. Мы чудесно попутешествовали на яхте. Но я уже устала от всех этих теннисных дел.

– И как долго они будут продолжаться? Еще месяц?

– Около того. А потом, в сентябре, мы поедем на две недели в Галлс-Пойнт.

– Я остановлюсь в отеле «Истерхед-Бей», – сказал Тед. – Я уже зарезервировал номер.

– Да уж, там соберется премиленькая компания! – сказала Кей. – Мы с Невилем, его бывшая жена да еще какой-то малайский колонист, решивший навестить родные пенаты.

– Что ж, похоже, скучать не придется!

– Кроме того, встречать нас, естественно, будет та безвкусная бедная родственница. Как же она суетится вокруг этой противной старухи... А не получит ни пенни, ведь все денежки достанутся нам с Невилем.

– Возможно, – предположил Тед, – она не знает об этом?

– Вот было бы забавно! Тогда ее ждет хорошенький сюрприз, – ответила Кей.

Но вид у нее был рассеянный, она уже явно думала о другом. Опустив глаза, Кей вертела в руках теннисную ракетку.

– Ох, Тед! – вдруг сказала она, затаив дыхание.

– В чем дело, моя дорогая?

– Даже не знаю... Просто порой... мне делается страшно! Я вдруг начинаю чего-то бояться... Просто поджилки трясутся.

– Это не похоже на тебя, Кей.

– Да, правда, и все же... Ладно, – она взглянула на него с какой-то задумчивой, неопределенной улыбкой, – в любом случае ты ведь будешь рядом в отеле «Истерхед-Бей».

– Да, милая, все согласно плану.

Они расстались, и Кей отправилась к раздевалке встречать Невиля.

– Я заметил, что прибыл твой дружок, – сказал он.

– Тед?

– Да, твой верный пес... Хотя он больше напоминает кого-то из пресмыкающихся, возможно, ручную ящерицу.

– Тебе он не нравится, да?

– О, я ничего не имею против него. Если он развлекает тебя, то можешь таскать его с собой на поводке, – небрежно произнес он, пожав плечами.

– Мне кажется, ты ревнуешь.

- К Латимеру? – Его удивление было искренним.
- Тед может быть очень привлекательным.
- Я не сомневаюсь в его способностях. У него гибкая натура и южноамериканский шарм.
- Ты и вправду ревнуешь.
- Невиль слегка сжал ее руку и добродушно улыбнулся:
- Нет, моя королева, ничего подобного. Ты можешь иметь сколько угодно прирученных воздыхателей, заводи хоть целую свиту, если пожелаешь. Я вступил во владение неким имуществом, а такое владение, как говорится, почти равносильно праву на него.
- Ты слишком самоуверен, – слегка надув губки, сказала Кей.
- Ничуть. От судьбы не уйдешь. Нам суждено было встретиться. Ее величество Судьба сама свела нас с тобой. Ты помнишь нашу встречу в Каннах, а потом я отправился в Эсторил и вновь увидел там очаровательную Кей. Ты была первым человеком, вышедшим мне навстречу! Тогда-то я и понял, что это судьба, – а от нее не уйдешь!
- Ну, возможно, не совсем судьба... – сказала Кей. – Надо признаться, я немного помогла ей!
- Что значит помогла?
- То и значит! Видишь ли, дорогой, я слышала, как ты сказал в Каннах, будто собираешься в Эсторил, поэтому я провела соответствующую работу с мамулей и заставила ее все организовать... Вот почему первым человеком, которого ты увидел, приехав туда, была Кей!
- На лице Невиля появилось какое-то странное выражение.
- Ты никогда не говорила мне об этом прежде, – задумчиво сказал он.
- Да, незачем тебе было знать о моем участии. Это могло бы сыграть на руку твоему тщеславию! Однако я всегда умело планировала свою жизнь. Под лежащий камень вода не течет! Человек должен сам устраивать свою судьбу! Ты иногда называешь меня глупышкой... Но в определенном смысле я очень даже не глупа. Я всегда добиваюсь того, чего хочу. Иногда мои планы заходят довольно далеко, и я вполне целенаправленно их осуществляю.
- Да, должно быть, в твоей очаровательной головке идет напряженная работа ума.
- Тебе бы только насмеяться.
- Похоже, я совершенно не знал женщину, на которой женился... – вдруг сказал Невиль с острой горечью в голосе. – Но картина начинает проясняться. Судьбу зачеркиваем – пишем Кей!
- Надеюсь, ты не расстроился, Невиль?

– Нет... конечно, нет, – довольно рассеянно сказал Невиль. – Я только думаю...

10 августа

Лорд Корнелли, известный своими чудачествами и богатством, сидел за громадным письменным столом, который был его особой гордостью и удовольствием. Это удовольствие обошлось ему в кругленькую сумму, и вся обстановка его приемной была под стать этому мастодонту. Комната производила потрясающее впечатление, слегка подпорченное, правда, неизбежным добавлением самого лорда Корнелли – бесцветного пухленького человечка почти карликового роста, который крайне смехотворно смотрелся за этим великанским столом.

Неожиданно и тихо на фоне этого делового великолепия лондонского Сити появилась белокурая секретарша, вполне гармонизировавшая с роскошной обстановкой приемной.

Мягко ступая по паркету, она проплыла к столу и положила визитную карточку перед великим деятелем.

Лорд Корнелли вперил в нее свой взгляд:

– Мак-Виртер?.. Мак-Виртер? Кто это такой? Никогда не слышал о нем. Ему было назначено?

Белокурая секретарша напомнила ему, по какому поводу пришел посетитель.

– Ах да, Мак-Виртер! Я вспомнил этого бедолагу! Отлично! Зовите. Немедленно пригласите его ко мне.

Лорд Корнелли радостно хихикнул. Он был в прекрасном настроении.

Откинувшись на спинку кресла, он внимательно взглянул на угрюмого, не улыбкающего человека, которого пригласил для делового разговора:

– Итак, вы – мистер Мак-Виртер? Ангус Мак-Виртер?

– Да, сэр, – неохотно выдавил Мак-Виртер. Он стоял в напряженной позе, расправив плечи, без тени улыбки на лице.

– Вы ведь работали у Герберта Клея? Я прав, не так ли?

– Да.

Лорд Корнелли опять хихикнул:

– Я знаю вашу историю. Клею пришлось восстанавливать водительские права только из-за того, что вы отказались подтвердить, что он не превысил скорость! Ох и сердит же он был! – Пофыркивающие смешки стали громче. – Он поведал нам обо всем в ресторане «Саввой». «Проклятый тупоголовый шотландец!» – так он вас окрестил. И так далее и

тому подобное. И знаете, о чем я подумал тогда?

– Не имею ни малейшего представления.

Тон Мак-Виртера был крайне сдержанным. Но лорд Корнелли не обратил на это никакого внимания. Он наслаждался собственными воспоминаниями.

– Тогда я сказал себе: «Вот с таким парнем можно иметь дело! Этот человек честен и неподкупен!» Вам не придется идти против совести, работая со мной. Я деловой человек, но играю в открытую. И я пытаюсь найти в этом мире честных людей... И надо вам сказать, их чертовски мало!

Маленький пэр залился кудахтающим резким смехом, его пронизательное обезьяноподобное личико сморщилось в веселой причудливой гримасе. Мак-Виртер стоял с бесстрастным видом, на лице его не отразилось и тени удовольствия.

Лорд Корнелли закончил смеяться. Его лицо стало серьезным и настороженным.

– Если вы хотите получить работу, Мак-Виртер, то я могу предоставить ее вам.

– Да, я бы хотел найти работу, – сказал Мак-Виртер.

– Это ответственное дело. Для него требуется работник высокой квалификации... И вы как раз подходите. Я искал именно такого специалиста. И кроме того, человека, которому мог бы доверять... полностью доверять.

Лорд Корнелли молчал, ожидая ответа. Мак-Виртер не проронил ни слова.

– Так как же, молодой человек, мне необходимо знать, могу ли я полностью положиться на вас?

– Если я отвечу, что, разумеется, можете, – сухо заметил Мак-Виртер, – то это ничего не прибавит к вашим знаниям.

Лорд Корнелли рассмеялся:

– Да, действительно. Вы именно тот человек, которого я искал. У вас есть хоть какое-нибудь представление о Южной Америке?

Он углубился в детали. Полчаса спустя Мак-Виртер стоял на тротуаре, пытаясь поверить в то, что неожиданно получил интересную и исключительно хорошо оплачиваемую работу... работу, которая, ко всему прочему, открывала перед ним большие перспективы.

Судьба, похоже, сменила гнев на милость и решила ему улыбнуться. Однако у него пока не было желания улыбнуться ей в ответ. Мак-Виртер не испытывал никакого ликования, хотя когда он начал перебирать в уме

только что закончившийся разговор, то его природное чувство юмора пробудилось и позволило ему изрядно позабавиться. Была некая непреклонная божественная справедливость в том, что резкая обличительная речь его бывшего шефа предоставила ему возможность получить гораздо более интересную работу.

Похоже, что он просто счастливчик. Удача сама приплыла к нему в руки! Ему не пришлось даже пальцем пошевелить. Конечно, он понимал, что надо будет подыскать какую-то работу, чтобы прокормить себя, но не испытывал никакой радости, а тем более вдохновения, представляя себе эти методичные, каждодневные поиски. Семь месяцев назад он пытался уйти из жизни; ему помешала случайность, чистая случайность, однако он не испытывал особой благодарности к своим спасителям. По правде говоря, сейчас он уже не имел желания покончить с собой. То был, слава богу, пройденный этап. Он сознавал, что человек не может хладнокровно пойти на самоубийство. Для этого нужно особое внутреннее состояние – отчаяние, горе, безысходная тоска или страсть. Человек не может покончить с собой только потому, что жизнь представляется ему замкнутым кругом скучных и безрадостных событий.

В общем и целом он был даже рад тому, что ему предстояло уехать из Англии. В конце сентября он отправится в Южную Америку. А пока в течение нескольких недель он должен будет заниматься сборами багажа и досконально изучить все тонкости предстоящей сложной работы.

Но перед отъездом у него, возможно, будет неделя отдыха. И Мак-Виртер пока не решил, как ему распорядиться этой неделей. Остаться ли в Лондоне? Или куда-нибудь съездить?

Он вяло размышлял на эту тему, и неожиданно на ум ему пришла одна интересная мысль. Солткрик?!

«Пожалуй, мне явно хочется туда съездить», – сказал сам себе Мак-Виртер.

Ему подумалось, что это может быть на редкость интересная поездка.

19 августа

– И мой отпуск летит к чертям, – с отвращением сказал суперинтендант Баттл.

Миссис Баттл была разочарована, но, как жена офицера полиции, она давно научилась философски относиться к подобным разочарованиям.

– Ну что ж, – сказала она, – ничего не поделаешь. По крайней мере я надеюсь, это будет интересный случай?

– Не особенно, как ты могла заметить, – сказал суперинтендант Баттл. – Им заинтересовалось министерство иностранных дел. Вокруг нас будет вечно крутиться стайка лощеных молодцов. Мы и слова не сможем сказать без их ведома. Думаю, это дело будет замято и ничье доброе имя не пострадает. Однако подобные преступления я не храню в копилке моей памяти. Было бы глупо даже рассказывать о них.

– Мы можем отложить наш отпуск. Мне кажется... – задумчиво начала было миссис Баттл, но муж решительно прервал ее:

– Ни в коем случае. Ты вместе с девочками, как и было запланировано, поедешь в Бритлингтон – комнаты были заказаны еще в марте, – жаль упускать такую возможность. А я тоже как-нибудь устроюсь. Знаешь, я подумал, что, когда эта шумиха утихнет, мы с Джимом прекрасно отдохнем недельку у моря.

Инспектор Джеймс Лич, а попросту Джим, был племянником суперинтенданта Баттла.

– Солткрик и отель «Истерхед-Бей» находятся совсем близко от Солтингтона, – продолжал он. – Там прекрасный морской воздух, и мы еще успеем немного поплавать.

– Скорее всего, – усмехнувшись, сказала миссис Баттл, – он втянет тебя в какую-нибудь историю!

– Какие могут быть истории в этом славном местечке в такое время года? Разве только какая-нибудь женщина стащит пару монет на рынке. И в любом случае мы с Джимом отлично поладим, он сам вполне сможет разобраться в любой ситуации.

– Ну ладно, – сказала миссис Баттл, – возможно, все кончится хорошо, однако мне от этого мало радости.

– Господь посылает напасти, чтобы испытать нас, – утешил ее суперинтендант Баттл.

Беляночка и Розочка

Выйдя из поезда, Томас Ройд заметил на перроне Мери Олдин, которая приехала в Солтингтон его встретить.

Он лишь смутно помнил ее и сейчас, увидев вновь, был приятно удивлен, отметив уверенную и доброжелательную манеру общения.

– Как я рада видеть вас, Томас, – сказала она, с ходу называя его просто по имени. – Давненько вы не бывали в наших краях.

– Я очень благодарен вам за то, что вы пригласили меня погостить. Надеюсь, я не слишком обременю вас.

– Совсем нет. Напротив. Мы с нетерпением ждали вашего приезда. Это ваш носильщик? Скажите ему, чтобы отнес вещи к машине. Она стоит прямо в конце перрона.

Все чемоданы были уложены в «Форд». Мери села за руль, и Ройд устроился рядом с ней на переднем сиденье. Они отъехали от станции, и Томас отметил, что она опытный водитель. Мери ловко и осторожно вела машину по улицам, уверенно меняя скорость и обгоняя излишне медлительных водителей.

Солткрик находился в семи милях от Солтингтона. Когда они выехали из этого маленького ярмарочного городка на проселочную дорогу, Мери Олдин вновь вернулась к разговору о важности его визита:

– Знаете, Томас, я действительно расцениваю ваш приезд как подарок судьбы. Вы появились очень своевременно. У нас там создалась довольно напряженная ситуация, и посторонний человек... или, вернее, новый гость как раз то, что нужно.

– Какие-то неприятности?

Его тон, как обычно, был достаточно равнодушным, почти небрежным. Казалось, он задал этот вопрос скорее из вежливости, чем из интереса. Такое отношение еще больше расположило к нему Мери Олдин. Ей ужасно хотелось поговорить с кем-нибудь, но лучше всего с тем, кто не проявлял излишней заинтересованности.

– Да, – сказала она, – у нас создалась довольно сложная обстановка. Вы, вероятно, знаете, что Одри сейчас здесь?

Она помедлила, ожидая подтверждения, и Томас Ройд кивнул в ответ.

– Но кроме того, приехал и Невиль со своей новой женой.

Брови Томаса поползли вверх. Через минуту-другую он сказал:

– Какая неловкость, однако!

– Вот именно. Это была идея Невиль.

Она сделала паузу. Ройд не произнес ни слова, но Мери, словно почувствовав ток молчаливого недоверия, исходивший от него, повторила более решительно:

– Да, все это затеял Невиль.

– Но зачем?

Она на мгновение оторвала руки от руля и воскликнула:

– О, вероятно, всему виной современные веяния! Полное взаимопонимание и доброжелательность. Приятельские отношения в любовном треугольнике. Нечто в этом роде. Но вы знаете, я не думаю, что подобные планы легко осуществимы.

– Вы правы, – задумчиво сказал он и спросил: – Что собой представляет его новая жена?

– Кей? С виду, конечно, очень симпатичная. Просто красотка. И, разумеется, совсем юная.

– И Невиль сильно увлечен ею?

– О да. Они ведь женаты пока всего лишь год.

Томас Ройд, медленно повернув голову, взглянул на нее, на губах его заиграла легкая улыбка. Мери поспешно добавила:

– Нет, я не хотела сказать, что все это ненадолго...

– Продолжайте дальше, Мери. По-моему, у вас уже сложилось определенное мнение.

– Естественно. Нельзя не заметить, что они, в сущности, имеют очень мало общего. Взять, к примеру, их друзей... – Она нерешительно умолкла.

– Насколько мне известно, он познакомился с ней на Ривьере? Я не особенно в курсе. Знаю только несколько фактов из письма моей матери.

– Да, в первый раз они встретились в Каннах. Невиль, конечно, увлекся ею, но мне кажется, что у него и прежде бывали увлечения. Возможно, какие-то легкие романы. Я по-прежнему считаю, что если бы это зависело только от него, то до развода дело не дошло бы. Он очень любил Одри, вы ведь и сами знаете.

Томас кивнул.

– Не думаю, – продолжала Мери, – что он хотел разрушить свой брак... Я уверена, что это не так. Но эта девица была настроена крайне решительно. Она не успокоилась, пока не заставила его оставить свою жену... Какой мужчина устоит против юной красотки? И разумеется, это льстило его самолюбию...

– Она что, по уши влюбилась в него?

– Да, полагаю, это вполне подходящее определение.

В голосе Мери слышались нотки сомнения. Она покраснела, заметив вопросительный взгляд Томаса.

– Что-то я разошлась! Знаете, вокруг нее постоянно крутится один молодой человек довольно приятной наружности... Но я бы сказала, что в нем есть что-то от жиголо... Порой я просто поражаюсь, почему Невиль его терпит, ведь он отлично видит, что стоит за такой дружбой. Кстати, эта девица, как я подозреваю, и гроша за душой не имеет.

Мери умолкла, лицо ее было довольно смущенным. Томас Ройд с философским видом пробурчал в ответ свое обычное:

– Гм... М-да...

– Однако, – заметила Мери, – возможно, я слишком пристрастна. Эта девушка из тех красоток, которых называют обольстительницами... И, вероятно, она невольно пробуждает злобные инстинкты в незамужних женщинах среднего возраста.

Ройд задумчиво взглянул на нее, но на его бесстрастном лице не отразилось никакой видимой реакции на ее слова. Помедлив пару минут, он сказал:

– Но что именно беспокоит вас в сложившейся ситуации?

– В сущности, я абсолютно не знаю, что именно! Понимаете, я просто чувствую, что происходит нечто очень странное. Разумеется, мы прежде всего посоветовались с Одри. И она, казалось, не имела ничего против встречи с Кей и в целом всячески приветствовала эту идею. Она была даже рада. Никто не мог бы вести себя более любезно и доброжелательно. Конечно, Одри всегда отличалась прекрасными манерами. И сейчас ее поведение по отношению к ним обоим просто безукоризненно. Уж вам-то должно быть известно, какая она сдержанная и скрытная. Никогда не поймешь, о чем она думает, что чувствует на самом деле. Но, честно говоря, я не верю, будто вся эта ситуация ей по нраву.

– Я не вижу причин для беспокойства, – сказал Ройд и добавил с некоторой задержкой: – В конце концов, прошло уже три года.

– Разве такие люди, как Одри, могут забыть?... Ведь она очень любила Невилля.

Томас Ройд беспокойно поерзал на сиденье.

– Ей всего лишь тридцать два. Вся жизнь впереди.

– Да, да, это я понимаю. Но она очень переживала. Ее нервы были совершенно расстроены, вы же знаете.

– Знаю, мать писала.

– О, ваша матушка, как мне кажется, очень добрая женщина, она позаботилась об Одри. И кроме того, это помогло ей отвлечься от

собственного горя. Я имею в виду смерть вашего брата. Мы все были очень огорчены.

– Да. Бедняга Адриан. Он слишком любил лихачить.

На какое-то время разговор оборвался. Мери вытянула руку, показывая, что она собирается свернуть на дорогу, спускавшуюся с холма к Солткрику.

Вскоре, когда они уже мягко ехали вниз по извилистой проселочной дороге, она сказала:

– Томас, вы ведь очень хорошо знаете Одри?

– Не уверен. Последние десять лет мы почти не виделись.

– Да, конечно, но вы ведь знаете ее с детства. Она была вам с Адрианом почти как сестра?

Он кивнул.

– Замечали вы в ней... скажем, какую-то психическую неуравновешенность? Возможно, это слишком сильно сказано, в общем, я имею в виду повышенную нервозность в определенных случаях. Понимаете, у меня создалось такое впечатление, что сейчас с ней творится что-то неладное. С одной стороны, она совершенно бесстрастна и ее поведение подчеркнуто и как-то неестественно безукоризненно... Но я порой со страхом думаю о том, что скрывается за этим внешним спокойствием. Мне кажется, она живет в постоянном внутреннем напряжении, словно чем-то очень сильно подавлена. И я совершенно не представляю, что это может быть. Однако я почти уверена, это очень болезненно для нее. Какое-то чувство терзает ее душу! Я беспокоюсь за нее. Конечно, я понимаю, обстановка в нашем доме сложилась крайне нездоровая, просто взрывоопасная. Мы все нервничаем и вздрагиваем на каждом шагу. Но я не знаю, с чем это связано. И иногда, Томас, мне делается просто страшно.

– Страшно? – Его спокойный, удивленный голос подействовал на нее немного успокаивающе.

– Возможно, мои слова прозвучат нелепо, – с нервным смешком продолжала она. – Но именно поэтому я так рада вашему приезду. То есть, возможно, ваше появление поможет как-то разрядить обстановку. Ну вот мы и прибыли.

Машина сделала последний поворот. Галлс-Пойнт был построен на вершине скалы, возвышающейся над рекой. С двух сторон отвесные склоны уходили прямо в воду. Слева от дома располагались сад и теннисный корт. Гараж был современным и поэтому находился чуть дальше за домом на другой стороне дороги.

– Я поставлю машину в гараж и присоединюсь к вам, – сказала Мери. – А пока Харстолл позаботится о вас.

Харстолл, пожилой дворецкий, уже спустился с крыльца и с радостью приветствовал Томаса как старого друга:

– Очень рад видеть вас вновь, мистер Ройд, после стольких лет. И ее милость также с нетерпением ждет вас. Сэр, мы приготовили для вас комнату в восточном крыле. Думаю, вы найдете всех в саду. Или, возможно, вы хотите освежиться с дороги?

Томас отрицательно покачал головой. Он прошел через гостиную к застекленной двери, выходявшей прямо на балкон.

На балконе было не слишкомлюдно, Томас заметил лишь две одинокие женские фигуры. Одна сидела на перилах каменной балюстрады и смотрела на реку. А вторая наблюдала за первой.

Первая была Одри, а вторая, подумал он, должно быть, Кей Стрендж. Она не знала, что за ней наблюдают, и поэтому даже не пыталась скрывать свои чувства. Томаса Ройда, возможно, нельзя было назвать слишком проницательным в отношении женщин, но он не мог не заметить, что Кей Стрендж взирает на Одри с откровенной неприязнью.

А Одри равнодушно смотрела на реку и, казалось, вообще не замечала присутствия другой женщины.

Томас не видел Одри последние семь лет, и сейчас он с особым вниманием вглядывался в ее черты. Изменилась ли она и если да, то что нового появилось в ее облике?

В итоге он решил, что изменения определенно есть. Она стала тоньше, бледнее и выглядела еще более воздушной и бесплотной... Но в ней появилось и нечто новое... Нечто такое, что Томас пока не мог точно определить. Она держалась очень напряженно, словно сдерживала какие-то сильные чувства, и поэтому следила за каждым своим движением. Но при этом с тем же напряженным вниманием осознавала все, что происходит вокруг нее. Такое впечатление, подумал Томас, что она хранит какую-то тайну и изо всех сил старается не выдать ее. Однако какие у нее могут быть тайны? У него были довольно скудные сведения о том, что происходило с ней в последние несколько лет. Но, зная некоторые факты, Томас был готов увидеть на ее лице признаки печали и утраты... Однако лицо ее явно скрывало нечто большее. Одри напоминала ребенка, который изо всех сил старается скрыть что-то от взрослых, но его напряженно сжатый кулачок выдает, что там спрятано какое-то сокровище.

Затем внимание Томаса переключилось на другую женщину – новую жену Невиля Стренджа. Да, Мери Олдин была права, Кей действительно

красавица. Однако, похоже, она довольно опасная особа. Томас Ройд подумал: «Не хотел бы я увидеть ее возле Одри с ножом в руке...» Одно непонятно, почему она так ненавидит бывшую жену Невилья? Ведь между ними давно все кончено и в настоящее время Одри никоим образом не мешает их супружескому счастью.

Невиль Стрендж вышел из-за угла дома и поднялся на балкон. Он выглядел разгоряченным и держал в руке какой-то журнал.

– Я принес вам «Иллюстрированное обозрение», – сказал он. – Больше ничего не привезли...

Реакция двух женщин была практически одновременной. Кей сказала:

– О, чудесно, дай мне посмотреть его. – А Одри, поглощенная своими мыслями, не поворачивая головы, почти машинально протянула руку.

Невиль остановился посередине между двумя дамами, не зная, как ему поступить. На лице его отразилось легкое замешательство. Он хотел что-то сказать, но Кей опередила его.

– Невиль, я хочу посмотреть журнал! – воскликнула она с истерической ноткой в голосе. – Дай мне! Дай же, Невиль.

Одри Стрендж, вздрогнув, повернула голову в ее сторону.

– О, извини, – тихо проговорила она с едва заметным смущением. – Я думала, ты обращаешься ко мне, Невиль.

Томас Ройд заметил, что шея Невилья Стренджа приобрела кирпично-красный оттенок. Сделав три быстрых шага в сторону Одри, он протянул ей журнал. Ее смущение заметно возросло, и она нерешительно сказала:

– О нет...

Внезапно оттолкнувшись, Кей отъехала от балюстрады вместе со стулом и, резко поднявшись, стремительно направилась к дому. Ройд не успел отойти в сторону, и она слепо столкнулась с ним в дверях гостиной.

От неожиданности она отступила назад и удивленно посмотрела на него. Томас пробормотал извинения, он понял, почему она не увидела его, – ее глаза блестели от слез... гневных слез, как ему показалось.

– Привет, – сказала она. – Вы кто? А-а... Наверное, вы малайский гость!

– Да-да, – сказал Томас. – Я ваш малайский гость.

– Боже, как бы мне хотелось оказаться сейчас в Малайе! – воскликнула Кей. – Где угодно, только не здесь! Как же я ненавижу этот противный, мерзкий дом! Я ненавижу всех его обитателей!

Эмоциональные сцены всегда вызывали у Томаса чувство неловкости. Он настороженно приглядывался к Кей и нервно выдавил свое обычное:

– М-да... Гм...

– Им следует быть поосторожнее, – продолжала Кей, – иначе я могу убить кого-нибудь! Или Невилля, или эту кисломолочную мадам!

Она проскользнула мимо него в гостиную и вышла в холл, сильно хлопнув дверью.

Томас Ройд неподвижно стоял на месте, размышляя, как ему поступить, но был рад, что юная миссис Стрендж удалилась. Он стоял и смотрел на дверь, которой она хлопнула с такой яростью. В этой новоявленной миссис явно было что-то от тигрицы.

Невиль Стрендж остановился в проеме балконной двери, загородив собой свет. Дыхание его было слегка учащенным.

– О-о!.. Ройд, приветствую тебя. Не знал, что ты уже приехал. Скажи, ты не видел мою жену?

– Она прошла здесь минуту назад, – ответил Томас. Невиль, в свою очередь, проследовал через гостиную и скрылся за дверью. Вид у него был определенно рассерженный.

Томас Ройд медленно вышел на балкон. Походка его была легкой. Ему оставалось сделать несколько шагов, когда Одри повернула голову.

Он увидел, как удивленно распахнулись ее глаза, как дрогнули и раскрылись губы. Она соскользнула с перил и шагнула ему навстречу, протягивая руки.

– О Томас! – сказала она. – Милый Томас! Как я рада, что ты приехал!

Мери Олдин появилась возле балконной двери как раз в тот момент, когда маленькие белые руки Одри исчезли в загорелых руках Томаса и он склонился перед ней в приветственном полупоклоне. Заметив на балконе эту парочку, Мери остановилась, немного понаблюдала за ними. Затем она тихо развернулась и ушла обратно в дом.

Поднявшись на второй этаж, Невиль нашел Кей в ее спальне. Единственная большая спальня в этом доме с широкой двухспальной кроватью принадлежала леди Трессильян. Заезжавшим в гости супружеским парам обычно предоставлялись две смежные спальни с маленькой общей ванной комнатой. Такие небольшие изолированные апартаменты находились в западном крыле дома.

Невиль Стрендж не стал задерживаться в своей комнате, а прошел прямо к жене. Кей лежала на кровати, уткнувшись головой в подушку. Подняв заплаканное лицо, она гневно выкрикнула:

– Явился все-таки? Какое счастье! Решил проявить внимание.

– Из-за чего, собственно, весь этот шум, Кей? По-моему, ты совсем помешалась.

Голос у Невилья был тихий и спокойный, но крылья его носа напряженно расширились, выдавая сильное внутреннее раздражение.

– Почему ты отдал журнал ей, а не мне?

– О господи, Кей, ты ведешь себя как ребенок. Устроить скандал из-за несчастного маленького еженедельника.

– Да, потому что ты отдал его ей, а не мне, – упрямо повторила Кей.

– Ну и что особенного? Неужели это так важно?

– Да, очень важно.

– Я не понимаю, что с тобой случилось. Мы ведь не у себя дома, и ты не должна закатывать истерики по любому поводу. Неужели ты не знаешь, как надо вести себя в обществе?

– Почему ты отдал его Одри?

– Потому, что она хотела его посмотреть.

– Так же как и я, а я, между прочим, твоя жена.

– Вот именно. Элементарная вежливость побудила меня отдать этот журнал старшей женщине, с которой я не связан супружескими узами.

– Она намеренно обидела меня. Она хотела показать свое превосходство, и ей это с твоей помощью удалось.

– Ты говоришь как глупый, ревнивый ребенок. Ради бога, постарайся сдерживать свои эмоции и вести себя на людях прилично!

– Кажется, ты хочешь поставить ее мне в пример?

– Уж во всяком случае, – холодно сказал Невиль, – Одри умеет вести себя. И никогда не выставляет напоказ свое дурное настроение.

– Она настраивает тебя против меня! Она ненавидит меня и стремится отомстить.

– Послушай, Кей, может, ты прекратишь разыгрывать мелодраму? Не будь идиоткой! Я по горло сыт твоими выходками.

– Тогда давай уедем отсюда! Уедем завтра же! Я ненавижу это место!

– Но мы прожили здесь только четыре дня.

– Более чем достаточно! О Невиль, давай уедем, прошу тебя.

– Послушай хорошенько, дорогая, что я скажу тебе. Больше я не буду возвращаться к этому разговору. Мы приехали в Галлс-Пойнт на две недели, и я не намерен уехать отсюда ни на день раньше.

– Ах так? – сказала Кей. – Тогда ты сильно пожалеешь об этом. И ты, и твоя драгоценная Одри, которой ты так восхищаешься!

– При чем тут восхищение? Я просто считаю, что Одри исключительно приятный и доброжелательный человек, с которым я обошелся по-свински. А она была настолько великодушна, что простила мне все грехи.

– Вот тут ты как раз ошибаешься, – сказала Кей, поднимаясь с кровати. Ее ярость уже утихла. Она говорила спокойно, почти хладнокровно. – Одри не простила тебя, Невиль. Пару раз я видела, как она смотрит на тебя... Взгляд был отнюдь не доброжелательным, хотя, конечно, я не знаю, что у нее на уме... По ее лицу никогда не скажешь, о чем она думает.

– Мне очень жаль, – сказал Невиль, – что такие люди встречаются довольно редко.

– Это камешек в мой огород? – В ее голосе опять послышались угрожающие нотки.

– Ну ведь ты не слишком сдержанна в проявлении своих чувств! Все твои капризы или вздорные мысли, приходящие тебе в голову, тут же выплескиваются наружу. Ты ведешь себя просто глупо и ставишь меня в неловкое положение!

– Отлично! Ты еще не закончил свои нравоучения? – ледяным тоном спросила она.

– Мне очень жаль, – спокойно и холодно сказал он, – если ты думаешь, что я несправедлив к тебе. Но все, что сказал, – чистая правда. Самообладания у тебя не больше, чем у ребенка.

– А ты никогда не выходишь из себя, не так ли? Всегда такой сдержанный и благовоспитанный – истинный джентльмен! Похоже, у тебя вообще нет никаких чувств. Ты просто рыба, хладнокровная, скользкая рыба! Ты не способен даже разозлиться по-настоящему! Почему ты не наорал на меня, не отругал и не послал меня к дьяволу?

Невиль вздохнул. Его плечи устало поникли.

– О боже! – сказал он и, развернувшись, вышел из комнаты.

– Время не изменило тебя, Томас Ройд, – сказала леди Трессильян. – Ты выглядишь так же, как в семнадцать лет. Тот же совиный взгляд. И вероятно, не более разговорчив, чем в прежние времена. Я права?

– В общем, да, – рассеянно сказал Томас. – Дара красноречия у меня нет.

– Не то что Адриан. Твой брат был очень остроумным и приятным собеседником.

– Может, поэтому я и вырос молчуном. Всегда предоставлял возможность поговорить ему.

– Да, бедный Адриан. Он мог бы далеко пойти.

Томас кивнул.

Леди Трессильян сменила тему. Томас был приглашен к ней на аудиенцию. Обычно она предпочитала беседовать с гостями тет-а-тет. Это меньше утомляло ее и позволяло лучше сосредоточить внимание.

– Ты провел в нашем доме уже двадцать четыре часа, – сказала она. – Как тебе понравилась сложившаяся ситуация?

– Ситуация?

– Не прикидывайся идиотом! У тебя плохо получается. Ты все отлично понимаешь. Я говорю о нашем любовном треугольнике, об этой троице, собравшейся под моей крышей.

– Похоже, у них не все гладко, – осторожно сказал Томас.

– Признаюсь тебе, мой дорогой, мне это даже нравится, – с усмешкой сказала леди Трессильян. – Я была против этой встречи. И разумеется, сделала все возможное, чтобы предотвратить ее. Но Невиль был упрям как черт. Он упорно хотел свести своих дам вместе. И как говорится, что посеешь, то и пожнешь.

Томас Ройд, стараясь скрыть легкое замешательство, откинулся на спинку кресла.

– Как-то все это странно, – задумчиво произнес он.

– Что именно? – резко сказала леди Трессильян.

– Никогда бы не подумал, что Стрендж пойдет на такое, мне казалось, что он человек совершенно иного склада.

– Неужели тебе тоже так показалось? Ты просто высказал мои мысли. Это совершенно нехарактерно для Невилля. Невиль, как большинство мужчин, обычно старался избегать любых сложностей и возможных

неприятностей. У меня возникло подозрение, что сам Невиль не мог бы придумать подобное... Но с другой стороны, мне совершенно непонятно, кто мог подкинуть ему эту идею. – Она немного помедлила и спросила чуть более напряженным голосом: – Может быть, Одри?

– Нет-нет, только не Одри, – немедленно откликнулся Томас.

– И я едва ли поверю, будто это была идея нашей злополучной красотки Кей. Если только она не обладает гениальными актерскими способностями. Ты знаешь, Томас, в последнее время я начала даже сочувствовать ей.

– Вы ведь не слишком любите ее?

– Ты прав, она кажется мне пустоголовой и совершенно невоспитанной девицей. Но как я сказала, мне стало жаль ее. Она мечется, как долгоножка, попавшая в круг света. Похоже, она почувствовала опасность, но не знает, какое оружие надо пустить в ход. Она злится, выходит из себя, грубит и капризничает, но подобные выходы менее всего могут тронуть такого человека, как Невиль.

– Мне кажется, в данной ситуации Одри находится в самом сложном положении.

Леди Трессильян бросила на него пронизательный взгляд:

– Ты всегда любил Одри, да, Томас?

– Видимо, да, – ответил он совершенно невозмутимо.

– С детства?

Он кивнул.

– А потом явился Невиль и увел ее у тебя из-под носа?

Томас беспокойно поерзал в кресле.

– Вполне естественно, – ответил он. – Я всегда знал, что у меня нет шансов.

– Значит, капитулировал без боя, – сказала леди Трессильян.

– Я был всего лишь верным псом.

– Послушной, обездвиженной лошадкой.

– Одри относится ко мне только как к доброму старому другу!

– Верный Томас – ведь это было твое прозвище, не так ли?

Он улыбнулся, словно ее замечание вызвало в памяти времена детства.

– Даже смешно, – сказал он. – Как давно я не слышал этих слов.

– Сейчас это может сослужить тебе хорошую службу, – сказала леди Трессильян.

Томас внимательно посмотрел на нее, и она ответила ему очень выразительным и вполне определенным взглядом.

– Одри пришлось много пережить, – сказала она. – И я полагаю, что

теперь она сможет по достоинству оценить такое качество, как верность. Твоя бескорыстная любовь и преданность, Томас, возможно, будут вознаграждены.

Томас Ройд сидел, опустив глаза, и вертел в руках свою трубку.

– В надежде на это, – сказал он, – я и приехал домой.

– Наконец-то мы все собрались, – сказала Мери Олдин.

Харстолл, старый дворецкий, вышел из столовой и вытер пот со лба. Когда он появился в кухне, миссис Спайзер, кухарка, обратила внимание на странное выражение его лица.

– По-моему, со мной действительно творится что-то неладное, – сказал Харстолл. – Я не знаю, чем это объяснить. Словом, все, что говорят и делают в этом доме в последние дни, как мне кажется, имеет какой-то совершенно иной внутренний смысл, отличный от прямого значения. Вы понимаете, что я имею в виду?

Миссис Спайзер, похоже, была несколько озадачена его словами, поэтому Харстолл продолжал:

– Вот, например, сейчас, когда все они сели ужинать, мисс Олдин сказала: «Наконец-то мы все собрались». А у меня перед глазами возникла странная картина. Я представил себе дрессировщика, который загнал в клетку диких животных и запер их на замок. У меня вдруг возникло тревожное ощущение, словно все мы пойманы в какую-то ловушку.

– Да бог с вами, мистер Харстолл! – воскликнула миссис Спайзер. – Должно быть, у вас несварение желудка, просто съели что-нибудь не то.

– Мое пищеварение тут ни при чем. Мне кажется, у всех в этом доме уже начинают сдавать нервы. Вот недавно хлопнула входная дверь, и миссис Стрендж, *наша* миссис Стрендж, мисс Одри, вздрогнула, как будто ее подстрелили. И кроме того, это постоянное напряженное молчание. Все они очень странно ведут себя. Сначала все долго молчат, словно почему-то боятся заговорить, а потом вдруг заговорят все разом, причем нормальной беседой это не назовешь – просто каждый высказывает первое, что пришло ему в голову.

– Да, это любого приведет в недоумение, – сказала миссис Спайзер.

– Две миссис Стрендж в одном доме. Я подозреваю, что вся нервотрепка именно из-за этого.

В гостиной повисла та напряженная тишина, которую описывал Харстолл.

Явно через силу Мери Олдин сказала, взглянув на Кей:

– Я пригласила вашего друга, мистера Латимера, прийти к нам на ужин завтра вечером.

– О, отлично, – сказала Кей.

– Латимер? Значит, он уже прибыл в наши края? – спросил Невиль.

– Да, он остановился в отеле «Истерхед-Бей», – сказала Кей.

– Кстати, можно выбрать вечерок и отужинать в ресторане отеля. До скольких работает переправа? – спросил Невиль.

– До половины второго, – ответила Мери.

– Полагаю, там принято устраивать танцевальные вечера?

– Да, и они пользуются большой популярностью среди отдыхающих, в зале обычно собирается человек сто, если не больше, – заметила Кей.

– Думаю, твоего друга такое столпотворение не слишком обрадует, – сказал Невиль, обращаясь к Кей.

Мери быстро сказала:

– Кстати, на той стороне чудесные пляжи. И погода стоит такая теплая, что мы вполне можем в один из дней переправиться на тот берег и позагорать в Истерхеде.

– Я собираюсь завтра нанять лодку и выйти в море, – тихим голосом сказал Томас Ройд, обращаясь к Одри. – Не хочешь ли ты составить мне компанию?

– С удовольствием.

– Отличная идея, – сказал Невиль, – мы все можем отправиться на морскую прогулку.

– Мне казалось, ты говорил, что хочешь завтра поиграть в гольф, – заметила Кей.

– По такому случаю я готов отложить игру. Помахать клюшкой можно в любой другой день.

– Крайне прискорбно! – сказала Кей.

Невиль подхватил с доброй усмешкой:

– О да, гольф – прискорбная игра.

Мери поинтересовалась, играет ли Кей в гольф.

– Да, но не особенно хорошо, – ответила Кей.

– О, она была бы отличным игроком, – заметил Невиль, – если бы немного потренировалась. У нее от природы хороший мах.

– А вы играете во что-нибудь? – спросила Кей, взглянув на Одри.

– Почти нет. Я немного играла в теннис. Но честно говоря, игрок из меня никудышный.

– Одри, а ты по-прежнему любишь играть на фортепиано? – спросил Томас.

– Сто лет не садилась, – сказала она, отрицательно покачав головой.

– Помню, раньше ты играла довольно хорошо, – заметил Невиль.

– Мне казалось, Невиль, что ты не любишь музыку, – вставила Кей.

– Я просто мало что в ней понимаю, – рассеянно сказал Невиль. – Но меня всегда поражало, как Одри умудряется взять октаву. Ведь у нее такие маленькие ручки.

Он проследил взглядом за ее руками. Как раз в этот момент Одри положила на стол нож и вилку, закончив с десертом.

– Наверное, благодаря тому, что у меня очень длинные мизинцы, – слегка покраснев, быстро сказала она.

– Тогда у вас, должно быть, эгоистичная и корыстная натура, – заявила Кей. – У бескорыстных людей обычно короткие мизинцы.

– Неужели правда? – спросила Мери Олдин. – Тогда, значит, я не эгоистична. Посмотрите, мои мизинцы совсем крохотные.

– Думаю, в отношении вас это чистая правда, – заметил Томас Ройд, задумчиво посмотрев на нее.

Она покраснела и быстро предложила:

– Давайте сравним наши пальцы. Интересно, кто из нас самый бескорыстный? Мои короче, чем твои, Кей. Но Томас, по-моему, победит меня.

– Вероятно, я окажусь самым бескорыстным из вас, – сказал Невиль. – Посмотрите. – Он поднял руку, расставив пальцы.

– Да, конечно, на левой руке у тебя очень короткий мизинец, – заметила Кей, – зато на правой – гораздо длиннее. По левой руке можно судить, что тебе было дано от рождения, а правая показывает, что с тобой сделала жизнь. То есть по природе своей ты был бескорыстным, однако с годами, дорогой, приобрел противоположные качества.

– Так ты умеешь предсказывать судьбу, Кей? – спросила Мери Олдин. Она протянула ей свою руку ладонью вверх. – Гадалки говорили мне, что я дважды выйду замуж и у меня будет трое детей. Похоже, мне следует поторопиться!

– Нет, – уверенно сказала Кей, – эти маленькие линии означают путешествия, дети тут ни при чем. То есть у вас впереди три морских круиза.

– Ну это тоже не слишком правдоподобно, – сказала Мери Олдин.

– Вы мало путешествовали? – спросил Томас Ройд.

– О да, мои редкие вылазки из дома вряд ли можно назвать путешествиями.

Он услышал скрытое сожаление в ее голосе.

– А вы бы хотели этого?

– Больше всего на свете.

Томас в своей обычной медлительной манере подумал о том, что

представляет собой ее жизнь. Изо дня в день она ухаживает за старухой. Всегда спокойная, тактичная и при этом еще и отличная домоправительница.

– Вы давно живете у леди Трессильян? – с интересом спросил он.

– Около пятнадцати лет. Я переехала к ней после того, как умер мой отец. В последние годы перед смертью он стал совсем беспомощным и был прикован к постели, – сказала она. И затем, предчувствуя его следующий вопрос, добавила: – Мне тридцать шесть лет. Ведь вы об этом хотели спросить, не так ли?

– Честно говоря, я удивлен, – признался он. – Знаете, по вашему виду очень трудно судить о возрасте.

– Однако ваши слова звучат двусмысленно!

– Возможно. Но я хотел сделать вам комплимент.

Унылый, задумчивый взгляд Томаса рассеянно блуждал по ее лицу. Мери не испытывала никакого смущения. Он определенно не старался как-то оценить ее – в его взгляде был просто искренний и задумчивый интерес. Заметив, что Томас смотрит на ее волосы, Мери коснулась рукой белой пряди.

– Эта прядь появилась у меня лет двадцать назад, – пояснила она.

– Мне она нравится, – коротко сказал Томас. Он продолжал рассматривать ее.

Наконец она сказала с легкой усмешкой в голосе:

– Ну и каков же вердикт?

Бронзово-загорелое лицо Томаса покрылось едва заметной краской смущения.

– О, простите, я проявил бестактность, так пристально разглядывая вас. Я просто размышлял о том... какая вы есть на самом деле. Извините меня.

– Ради бога, – поспешно сказала Мери и встала из-за стола. Направляясь в гостиную, она взяла под руку Одри и сообщила, обращаясь ко всем присутствующим: – Кстати, завтра к нам на ужин придет также мистер Тревис.

– Кто это? – спросил Невиль.

– Он привез рекомендательное письмо от Руфуса Лорда. На редкость интересный старый джентльмен. Он остановился в «Балморал-Корте». Насколько я поняла, у него слабое сердце, и на вид он, конечно, слаб и немощен. Но его умственные способности великолепны, и он был знаком со множеством интересных людей. По-моему, он был адвокатом или барристером, точно не помню.

– Какая скучища, – с досадой бросила Кей, – сюда едут одни старики.

Она стояла посреди комнаты, освещенная ярким светом люстры. Взгляд Томаса медленно скользил по комнате, и, когда Кей попала в поле его зрения, он начал разглядывать ее с тем же задумчивым интересом, с которым относился к любому предмету, случайно попавшемуся ему на глаза.

Томаса вдруг поразила ее дерзкая и вызывающая красота. Буйство цвета, полнокровная и торжествующая жизненная сила. Он перевел взгляд на Одри, бледную, как мотылек, в своем серебристо-сером платье.

Он улыбнулся собственным мыслям и пробормотал:

– Беляночка и Розочка.

– Что вы сказали? – спросила стоявшая рядом с ним Мери Олдин.

Томас повторил сказанное и добавил:

– Помните эту старую сказку?..

Мери Олдин сказала:

– О да, вы подыскивали меткое сравнение.

Мистер Тревис, смакуя, потягивал портвейн. На редкость приятное вино. Очень тонкий вкус. И ужин, надо отдать должное, был отлично приготовлен и сервирован. Очевидно, у леди Трессильян нет никаких проблем с прислугой.

Дом также содержится в прекрасном порядке, несмотря на то что хозяйка практически прикована к постели.

Жаль только, что дамы, как в былые времена, не удаляются в гостиную, когда выносят портвейн. Однако, возможно, он излишне привязан к старомодным традициям... Наверное, у этих молодых людей уже сложились свои собственные обычаи.

Его задумчивый, спокойный взгляд остановился на ослепительно прекрасной молодой женщине, которая была женой Невилля Стренджа. Сегодня она выглядела просто великолепно. Это был явно ее вечер. Яркая, сияющая красота Кей подчеркивалась живым светом свечей. Тед Латимер сидел рядом, склонив к ней свою прилизанную темноволосую голову. Он отлично подыгрывал ей. Сегодня она чувствовала себя совершенно неотразимой и счастливой.

Один вид такой неукротимой жизненной силы согрел старые кости мистера Тревиса.

Молодость... В сущности, это была всего лишь молодость!

Неудивительно, что мужчина потерял голову и оставил свою первую жену. Одри сидела рядом. Очаровательное создание, настоящая леди... Но именно таких женщин зачастую и оставляют мужья, подумал мистер Тревис, вспоминая свою многолетнюю адвокатскую практику.

Он мельком взглянул на Одри. Склоненная головка, взгляд устремлен в тарелку. Что-то в этой полной неподвижности позы вдруг поразило мистера Тревиса. Он пригляделся к ней более внимательно. Интересно, подумал он, где витают ее мысли? Красиво уложенные, поднятые вверх волосы позволяли видеть ее маленькую и изящную ушную раковину.

Слегка вздрогнув, мистер Тревис вышел из состояния задумчивости, заметив, что почти все уже перешли в гостиную. Он поспешно поднялся из-за стола.

В гостиной Кей Стрендж направилась прямо к граммофону и поставила запись с танцевальной музыкой.

– Я уверена, мистер Тревис, что вы не любите джаз, – извиняющимся

тоном сказала Мери Олдин.

– Отчего же, порой я с удовольствием слушаю его, – неискренне, но вежливо ответил мистер Тревис.

– Позже, если пожелаете, мы можем сыграть в бридж, – предложила она. – Но сейчас нет смысла начинать роббер. Я знаю, что леди Трессильян скоро пригласит вас к себе, она с нетерпением ждет часа, когда сможет поболтать с вами.

– Я полагаю, мы с ней взаимно порадуем друг друга. А что, леди Трессильян никогда не присоединяется к вам за ужином?

– Нет, иногда мы спускаем ее вниз в инвалидной коляске. У нас даже есть специальный лифт для такого случая. Но сегодня она предпочла свою собственную комнату. Там она может поговорить с избранными людьми, призывая их к себе на аудиенцию, как королева.

– Очень тонко сказано, мисс Олдин. Я всегда замечал эти королевские черты в облике и манерах леди Трессильян.

Кей медленным ритмичным шагом вышла на середину комнаты.

– Невиль, отставь к стене этот столик, – сказала она.

Ее голос был властным и уверенным. Глаза сияли, и на раскрывшихся губах блуждала легкая улыбка.

Невиль послушно переставил стол. Затем он повернулся и сделал шаг в сторону жены, но Кей, намеренно не обратив на него внимания, протянула руку Теду Латимеру:

– Тед, давай потанцуем.

Рука Теда незамедлительно обвилась вокруг ее талии. Они танцевали, легко и изящно кружась по комнате, их движения были точны и слаженны. Зрелище было просто замечательное.

– Э-э... вполне профессионально, – пробормотал мистер Тревис.

Мери Олдин слегка скривилась от этих слов, хотя, безусловно, мистер Тревис просто высказал свое восхищение танцем, не имея никакой задней мысли. Она взглянула на его маленькое мудрое лицо с несколько скошенным подбородком. Вид у него был явно отсутствующий, – казалось, он следил лишь за полетом собственных мыслей, которые витали где-то далеко.

Невиль нерешительно постоял на месте и направился к Одри, которая стояла у окна:

– Потанцуем, Одри?

Его тон был спокойным, немного суховатым. Казалось, его побудила сделать это предложение обычная вежливость. Одри задумалась на мгновение и затем, кивнув, шагнула навстречу.

Мери Олдин сделала несколько общих замечаний, на которые мистер Тревис не ответил. Он обладал острым слухом и в том, что касается вежливости, был просто педантом. И Мери поняла, что поглощенность собственными мыслями на время сделала его глухим. Она не могла толком понять, то ли он следит за танцорами, то ли смотрит в другой конец комнаты, где в одиночестве сидел Томас Ройд.

Слегка тряхнув головой, мистер Тревис сказал:

- Извините меня, моя милая леди, вы что-то сказали?
- Пустяки, просто что стоит необычайно теплый сентябрь.
- Да, вы правы. Народ здесь, как мне сказали в отеле, уже молит о дожде.
- Я надеюсь, вы хорошо устроились?
- О да, хотя должен заметить, что вначале я немного расстроился, когда выяснилось...

Не договорив фразу, мистер Тревис оглянулся на танцующие пары.

Одри остановилась и сняла руку с плеча Невилля.

– О, извини, пожалуй, сейчас слишком жарко для танцев, – сказала она с тихим смехом.

Она направилась к открытой балконной двери и вышла из гостиной на воздух.

– Ну иди же скорей за ней, недотепа, – пробормотала Мери. Она не рассчитывала, что кто-то может услышать ее тихий шепот, но мистер Тревис явно понял, что она сказала, поскольку повернулся и с удивлением взглянул на нее.

Она залилась краской и смущенно рассмеялась.

– Я нечаянно высказала свои мысли вслух, – огорченно сказала она. – Но право, его медлительность раздражает меня. Он такой несообразительный.

– Мистер Стрендж?

– О нет, не Невиль, Томас Ройд.

Томас Ройд успел только повернуться в сторону балкона, но быстрый Невиль, после легкого колебания, первым последовал за Одри.

В глазах мистера Тревиса загорелся огонек интереса; он, очевидно, сосредоточенно размышлял о чем-то, поглядывая на распахнутую балконную дверь. Затем его внимание вновь привлекли танцующие.

– Превосходно танцует этот молодой мистер... Латимер, так, вы сказали, его имя?

– Да, Эдвард Латимер.

– Ах да, Эдвард Латимер. Как я подозреваю, он старый друг миссис

Стрендж?

– Вы правы.

– И чем же занимается в жизни этот исключительно... э-э... живописный молодой джентльмен?

– Честно говоря, я совершенно не представляю себе рода его занятий.

– Разумеется, – сказал мистер Тревис, умудрившись сделать это безобидное слово на редкость выразительным и ироничным.

– Он остановился в отеле «Истерхед-Бей», – добавила Мери.

– Славно, славно, – сказал мистер Тревис и, немного помолчав, продолжил с какой-то мечтательной задумчивостью: – Довольно интересная форма головы – редкий угол наклона от макушки к шее, – конечно, волосы не позволяют оценить этого в полной мере, но все-таки череп определенно необычный. – Сделав очередную паузу, он добавил еще более мечтательно: – Знаете, последнего мужчину, которого я видел с таким черепом, приговорили к десяти годам каторжных работ за жестокое нападение на одного пожилого ювелира.

– О боже! – воскликнула Мери. – Я надеюсь, вы не имеете в виду...

– Ну что вы, как можно, – мягко сказал мистер Тревис. – Вы совершенно неверно меня поняли. У меня и в мыслях не было обидеть вашего гостя. Я просто хотел подчеркнуть, что жестокие и беспощадные преступники порой бывают исключительно обаятельными и представительными молодыми людьми. Странно, но факт. – Он ласково улыбнулся ей.

Мери сказала:

– Вы знаете, мистер Тревис, мне кажется, я немного боюсь вас.

– Какие глупости, милая леди.

– Однако так оно и есть. По-моему, у вас такое острое зрение, что вы... видите человека насквозь.

– О, мои глаза, – самодовольно сказал мистер Тревис, – острые, как в молодости. – Он помолчал и добавил: – Правда, в данный момент я не могу решить, радоваться мне этому или печалиться.

– Отчего же тут печалиться?

Мистер Тревис с сомнением покачал головой:

– Порой это возлагает на нас дополнительную ответственность. Можно оказаться в довольно щекотливом положении, из которого не так легко выбраться. Да, трудно бывает найти верный путь.

Харстолл вошел в гостиную, неся кофейный поднос.

Предложив кофе Мери и старому адвокату, он прошел по комнате к Томасу Ройду. Затем, по указанию Мери, поставил поднос на низенький

столик и удалился.

Кей, продолжая танцевать с Тедом, воскликнула:

– Мы должны закончить танец!

– Я отнесу кофе Одри, – сказала Мери.

Она взяла чашку и направилась к балконной двери. Мистер Тревис сопровождал ее. Она задержалась на пороге, и он, остановившись за ее спиной, окинул взглядом балкон.

Одри сидела на перилах в углу балюстрады. В ясном лунном сиянии ее красота проявилась в истинном свете. Возможно, ей не доставало цвета, но красота линий была безупречной. Изящный овал лица, мягкая линия подбородка и губ, поистине очаровательная форма головы и маленького прямого носа. Эта красота останется с ней, даже когда Одри Стрендж превратится в старуху. Плоть в данном случае не имела значения, вся прелесть заключалась в изящном и гармоничном строении костей. Ее серебристое, поблескивающее платье подчеркивало эту утонченную красоту. Она сидела совершенно неподвижно, и Невиль стоял неподалеку, глядя на нее.

– Одри... – сказал Невиль, приближаясь к ней.

Она резко повернула голову и, коснувшись рукой уха, легко спрыгнула на каменный пол.

– О, моя сережка! – воскликнула она. – Должно быть, я потеряла ее здесь.

– Где? Давай я поищу.

Они оба в замешательстве склонились к перилам, неловко столкнувшись во время поисков. Одри хотела выпрямиться, но не смогла.

– Осторожно, подожди секунду, – сказал Невиль, – твои волосы зацепились за пуговицу моего обшлага. Стой спокойно.

Она стояла совершенно неподвижно, пока он теребил свою пуговицу.

– О-о-о!.. Ты вырвешь мне все волосы... Какой же ты неуклюжий, Невиль. Давай побыстрее.

– Извини, я... я оказался таким неловким.

Лунный свет был достаточно ярок, и двое наблюдателей у балконной двери отлично видели, как дрожали руки Невиля, когда он пытался высвободить запутавшуюся прядь этих серебристо-пепельных волос.

Но и Одри тоже дрожала, словно вдруг холод пробрал ее до костей.

Мери Олдин нервно оглянулась, услышав за своей спиной тихий голос:

– Извините...

Томас Ройд проскользнул мимо них на балкон.

– Может, тебе помочь, Невиль? – спросил он.

Невиль наконец справился со своей задачей, и Одри смогла выпрямиться.

– Все в порядке, я отцепил.

Лицо Невилья было довольно бледным.

– Ты замерзла, Одри, – сказал Томас. – Пойдем выпьем кофе.

Она пошла в гостиную, взяв его под руку, а Невиль, оставшись на балконе, устремил взгляд в морскую даль.

– Я хотела вынести тебе кофе, – сказала Мери, – но, наверное, лучше выпить его в доме.

– Да, – согласилась Одри, – по-моему, ты права.

Все вернулись в гостиную. Тед и Кей уже закончили танец.

Дверь из холла открылась, и в комнату вошла высокая сухопарая женщина, одетая в черное.

– Леди Трессильян передает всем наилучшие пожелания, – почтительно сказала она. – Ее милость была бы рада принять у себя мистера Тревиса.

Леди Трессильян встретила мистера Тревиса с очевидным удовольствием.

Обменявшись приветствиями, они погрузились в поток приятных воспоминаний, возвращая из небытия имена общих друзей и знакомых.

Получасовая беседа пролетела как один миг.

– Ах, – сказала леди Трессильян с глубоким удовлетворенным вздохом. – Я испытала истинное наслаждение! Сколько неизъяснимой прелести таится в обмене сплетнями и в обсуждении старых скандалов!

– Да, – согласился мистер Тревис, – капля злой иронии добавляет особый вкус к жизни.

– Кстати, – сказала леди Трессильян, – что вы думаете о нашем варианте извечного треугольника?

Благоразумный мистер Тревис выглядел озадаченным:

– Э-э... какого треугольника?

– Только не говорите мне, что вы ничего не заметили! Невиль и две его жены.

– А, вы об этом! Что ж, нынешняя миссис Стрендж – исключительно привлекательная молодая особа.

– Так же как и Одри, – заметила леди Трессильян.

– Несомненно, и у нее есть свой шарм, – согласился мистер Тревис.

Леди Трессильян воскликнула:

– Неужели вы хотите сказать, что можете понять мужчину, оставившего Одри – обаятельную, умную женщину с редкостными достоинствами – ради этой пустышки Кей?

– Прекрасно могу понять, – спокойно отвечал мистер Тревис. – Это случается сплошь и рядом.

– Отвратительно. Если бы я была мужчиной, то уже через неделю мне бы захотелось сбежать от этой Кей, она ужасно утомительна. Да уж, я никогда не пожелала бы себе совершить подобную глупость.

– И это также случается довольно часто. Такие внезапные безрассудные и страстные увлечения, – с абсолютно бесстрастным лицом констатировал мистер Тревис, – редко бывают долговечны.

– И что же случается потом? – тревожно спросила леди Трессильян.

– Обычно, – сказал мистер Тревис, – э-э... партнеры мирно расходятся. Очень часто за первым следует второй развод. И затем мужчина, если

находит родственную душу, вступает в третий брак.

– Абсурд! Возможно, некоторые из ваших клиентов были мормонами, но Невиль не таков!

– Кстати, бывают случаи, когда происходит воссоединение бывших супругов.

Леди Трессильян вскинула голову:

– О нет, только не это! Одри слишком горда.

– Вы так полагаете?

– Я уверена. И не качайте своей головой с таким глубокомысленно подозрительным видом!

– Насколько подсказывает мне жизненный опыт, – мягко возразил мистер Тревис, – там, где дело касается любви, гордость у женщин стоит на последнем месте. Она проявляется обычно на словах, но не в действиях.

– Вам не понять Одри. Она очень любила Невилья. Возможно, даже чересчур сильно любила. После того как он оставил ее ради этой девицы... Хотя я не могу возложить всю вину только на него, – эта девица вцепилась в него мертвой хваткой, а вы знаете, каковы мужчины! Так вот, после этого Одри никогда больше не захочет связываться с ним...

Мистер Тревис мягко кашлянул.

– И однако, – сказал он, – она здесь.

– Это совсем другое дело, – раздосадованно сказала леди Трессильян. – Я не претендую на понимание подобных современных веяний. Мне кажется, что она приехала только для того, чтобы показать, что прошлое больше не властно над ней и что былая любовь давно забыта.

– Вполне вероятно, – согласился мистер Тревис, поглаживая подбородок. – Она определенно могла до некоторой степени убедить себя в этом.

– Вы подразумеваете, – сказала леди Трессильян, – что она, возможно, еще тоскует по Невилью и мечтает восстановить отношения? О нет! Мне даже в голову не пришло бы такое.

– Однако все возможно, – заметил мистер Тревис.

– Я не потерплю, – резко сказала леди Трессильян. – Я не потерплю подобного в моем доме.

– Но ведь вам беспокойно, не так ли? – проницательно спросил мистер Тревис. – Атмосфера явно напряжена. Я сразу это почувствовал, она просто взрывоопасна.

– Значит, вы заметили? – отрывисто спросила леди Трессильян.

– Да, и должен признаться, был немного озадачен. Все в доме стараются скрывать свои истинные чувства, но у меня создалось

впечатление, будто кто-то сидит на бочке с порохом и взрыв может произойти в любую минуту.

– Перестаньте говорить, как Гай Фокс,^[3] и объясните, что вы имеете в виду, – потребовала леди Трессильян.

– В сущности, я сам пребываю в некоторой растерянности и могу строить лишь туманные предположения. Но поверьте моему чутью, волны напряжения исходят из одного источника! Если бы его можно было изолировать... Но пока слишком многое остается неясным.

– У меня нет никакого желания просить Одри уехать, – задумчиво сказала леди Трессильян. – Насколько я могла заметить, она прекрасно вела себя в самых щекотливых ситуациях. Она исключительно вежлива, но отчужденна. Я считаю ее поведение безупречным.

– О, бесспорно, – сказал мистер Тревис. – Бесспорно, и все же как раз это, по-моему, оказывает наиболее осязаемое влияние на молодого Невиль Стренджа.

– Вы правы, Невиль ведет себя не слишком достойно, – сказала леди Трессильян. – Надо будет поговорить с ним. Однако не могу же я выгнать его из дома. Метью относился к нему чуть ли не как к родному сыну.

– Я знаю.

Леди Трессильян вздохнула.

– Вы знаете, что Метью утонул здесь? – спросила она, понижая голос.

– Да.

– Все мои знакомые удивлялись, почему я осталась в этом доме. Глупо с их стороны. Ведь здесь я всегда ощущаю, что Метью где-то рядом со мной. Этот дом наполнен воспоминаниями. В любом другом месте я чувствовала бы себя одинокой и чужой. – Она немного помедлила и продолжала: – Первое время я надеялась, что недолго задержусь в этом мире и присоединюсь к нему. Особенно когда мое здоровье начало сдавать. Но похоже, мне суждено жить, превращаясь в старую развалину... Я точно ветхие ворота, которые скрипят, скрипят, да никак не рухнут. – Она сердито взбила подушку. – И признаюсь вам, это совсем меня не радует! Я всегда надеялась, что, когда пробьет мой час, я смогу уйти быстро и тихо, что встречу со смертью лицом к лицу, а не буду ждать, как она постепенно и неумолимо подкрадывается ко мне и дышит в спину. Эта ужасная болезнь заставляет меня терять одно достоинство за другим. Я становлюсь все более беспомощной... все более зависимой от людей!

– Но очень преданных людей, я уверен. Мне показалось, что у вас очень преданная и почтительная служанка.

– Баррет? Та, что пригласила вас ко мне? О да, она – утешение моей

жизни! Она, как старая стальная алебарда, будет вечно предана мне. Мы прожили вместе целую жизнь.

– И кроме того, должен заметить, вам повезло, что с вами живет такой человек, как Мери Олдин.

– Ваша правда. С Мери мне тоже очень повезло.

– Она ваша родственница?

– Да, дальняя родственница. Одно из тех бескорыстных созданий, которым суждено приносить свою жизнь в жертву ради благополучия других. Сначала она ухаживала за больным отцом... Умный был человек, но чертовски требовательный. Когда он умер, я упростила ее переехать ко мне, и я благословляю тот день, когда она появилась в моем доме. Вы не представляете, какими ужасными особами зачастую бывают компаньонки. Бесполезные, нудные создания. Можно сойти с ума только от их тупости. Они и становятся-то компаньонками, потому что больше ни на что не способны. А Мери просто чудо, интеллигентная, начитанная женщина. У нее исключительные способности и, знаете, такой цепкий мужской ум. Познания ее достаточно обширны и глубоки. С ней можно поговорить на любую тему. Но ее достоинства не ограничиваются умными разговорами, она к тому же прекрасно управляется с домашними делами. Ей удается содержать дом в полном порядке, и слуги вполне довольны ее правлением. Она разрешает все ссоры, не любит интриг. Уж не знаю, как она всех усмиряет, но полагаю, очень тактично.

– Давно она живет с вами?

– Лет двенадцать... или даже больше. Тринадцать-четырнадцать, что-то около этого. Она стала моим главным утешением на старости лет. Настоящий подарок судьбы.

Мистер Тревис рассеянно кивнул.

Леди Трессильян, следя за ним сквозь полузакрытые веки, вдруг сказала:

– В чем дело? Вы чем-то сильно обеспокоены?

– Пустяки, – ответил мистер Тревис. – Чистые пустяки. А у вас острый взгляд.

– Мне всегда нравилось изучать людей, – сказала леди Трессильян. – У Метью довольно часто случались проблемы, но мне не надо было дважды смотреть на него, чтобы понять, что он чем-то расстроен или обеспокоен. – Она вздохнула и откинулась на подушки. – А сейчас, мой друг, я должна с вами проститься. – Это был исключительно царственный жест, словно королева-мать отпускала своих придворных. – Я очень устала. Но вы подарили мне прекрасный, удивительный вечер. Заходите поболтать со

мной. Я буду ждать вас.

– Благодарю за эти добрые слова и с радостью воспользуюсь дарованной привилегией. Простите великодушно, если я был слишком болтлив и утомил вас.

– О, ничего подобного. Просто последнее время усталость наваливается на меня совершенно неожиданно. Прошу вас, прежде чем уйти, позвоните в этот колокольчик.

Мистер Тревис осторожно дернул за шнур колокольчика, заканчивавшийся большой пушистой кистью.

– Историческая ценность, – заметил он, – однако прекрасно сохранилась.

– Мой колокольчик? Да. Новомодные звонки не для меня. Они то и дело выходят из строя, а ты продолжаешь давить на кнопку, напрасно ожидая отклика! А уж эта вещь никогда не подведет. Он звонит наверху в комнате Баррет, колокольчик висит у нее над кроватью, поэтому она является ко мне незамедлительно. А если почему-то задерживается, то я вскоре повторяю свой вызов.

Выйдя в коридор, мистер Тревис услышал тихий звон, доносившийся откуда-то сверху, и понял, что леди Трессильян позвонила еще раз. Он поднял голову и заметил проволоку, протянутую по потолку. Баррет поспешно спускалась с верхнего этажа и, пройдя мимо него, скрылась в спальне своей госпожи.

Мистер Тревис медленно сходил по ступеням, решив не пользоваться маленьким лифтом, а совершить нисхождение самостоятельно. Его задумчивое лицо приобрело выражение хмурой нерешительности.

Вся компания по-прежнему была в гостиной, и, когда мистер Тревис вошел в комнату, Мери Олдин сразу же предложила сыграть в бридж, однако мистер Тревис вежливо отказался, сославшись на то, что скоро он собирается покинуть сей гостеприимный дом.

– Видите ли, – сказал он, – мой отель одно из тех старомодных заведений, в которых принято возвращаться до полуночи.

– Ну, до полуночи еще далеко. Пока только половина одиннадцатого, – заметил Невиль. – У вас ведь не запирают двери, я надеюсь?

– О нет. На самом деле я сомневаюсь, что они вообще запирают дверь на ночь. Ее закрывают в девять часов, но для того чтобы войти, надо просто повернуть ручку. Мне кажется, что люди в этом местечке поступают крайне беспечно, хотя, вероятно, они полагаются на честность местного населения.

– Да, в дневное время здесь уж точно никто не запирает двери, –

сказала Мери. – Наши открыты нараспашку весь день, но на ночь мы их запираем.

– Что представляет собой «Балморал-Корт»? – спросил Тед Латимер. – С виду это малопривлекательное массивное здание напоминает только о строгой викторианской чопорности.

– Да, действительно, – сказал мистер Тревис. – Внутри оно соответствует всем требованиям викторианского комфорта. Превосходная кухня, отличная мебель, вместительные викторианские платяные шкафы, великолепные ваннные комнаты, облицованные красным деревом.

– Мне показалось, вы сказали, что в первый момент вам что-то там не понравилось, – припомнив недавний разговор, заметила Мери.

– Ах да. Я предусмотрительно послал письмо и зарезервировал для себя две комнаты на нижнем этаже. Знаете ли, у меня слабое сердце, и лестницы мне решительно противопоказаны. Но когда я приехал, то, к своей досаде, обнаружил, что мои комнаты заняты. Вместо них мне предложили двухкомнатные апартаменты на верхнем этаже. Я высказал свое огорчение по этому поводу, но оказалось, что один из почтенных постояльцев этого отеля, который должен был уехать в Шотландию, заболел и не смог освободить мои комнаты.

– Наверное, это мистер Лукан, – предположила Мери.

– Да, по-моему, они говорили именно о нем. В силу сложившихся обстоятельств я предпочел согласиться с их предложением. К счастью, в нашем отеле есть отличный автоматический лифт, поэтому я, в сущности, не испытываю никаких неудобств.

– Тед, почему ты не захотел остановиться в «Балморал-Корте»? – спросила Кей. – Ведь он расположен гораздо ближе к нашему дому.

– О, я не думаю, что мне подошел бы отель такого типа.

– Вы совершенно правы, мистер Латимер, – заметил мистер Тревис. – Вряд ли он соответствует вашему стилю жизни.

Почему-то Тед Латимер вдруг вспыхнул.

– Не понимаю, что вы хотели этим сказать, – резким голосом произнес он.

Мери Олдин, осознав некоторую неловкость, поспешила перевести разговор на свежие газетные сообщения:

– Вы помните статью о чемоданных кражах в одном из кентских городков? Насколько я поняла, – сказала она, – полиция задержала виновного.

– Это уже второй человек, которого они задерживают, – заметил Невиль. – Надеюсь, на сей раз они не ошиблись.

– Они ничего не смогут доказать, даже если он виновен, – сказал мистер Тревис.

– Недостаточно улик? – спросил Ройд.

– Да.

– Однако я думала, –插入了 Кей, – что полиция всегда находит улики в конце концов.

– Далеко не всегда, миссис Стрендж. Вы были бы удивлены, узнав, как много преступников, избежав наказания, разгуливает на свободе.

– Вы хотите сказать, их не смогли разоблачить?

– Такое тоже бывает, но я говорю о другом. Возьмем, к примеру, один случай... – Он упомянул о знаменитом процессе двухлетней давности. – Полиция знает, кто убил тех детей, – знает без тени сомнения, – но она бессильна. У преступника были два свидетеля, подтвердившие его алиби, и хотя всем известно, что алиби фальшивое, никто не может доказать обратного. Поэтому убийца разгуливает на свободе.

– Какой ужас! – воскликнула Мери.

Томас Ройд выбил свою трубку и сказал, как обычно, спокойным и задумчивым голосом:

– Это подтверждает мои выводы. Я много размышлял об этом и считаю, что в определенных случаях – когда закон бессилен – человек имеет право сам вершить правосудие.

– Что вы имеете в виду, мистер Ройд?

Томас с сосредоточенным видом набивал новую порцию табака в трубку и, не отвлекаясь от своего занятия, изрек несколько отрывистых и несвязных сентенций:

– Допустим, известен преступник... Да, есть такие темные дела... И человек, совершивший преступление, не ответил за него по закону... В общем, избежал наказания. Тогда я допускаю, что любое заинтересованное лицо может взять на себя право исполнить приговор.

– Крайне вредная теория, мистер Ройд! – дружелюбно сказал мистер Тревис. – Подобные действия совершенно не могут быть оправданы.

– Не уверен. Как вы понимаете, я говорю о тех случаях, когда вина практически доказана, а закон бессилен!

– И все же самосуд в любом случае недопустим.

Лицо Томаса озарилось доброй, почти нежной улыбкой.

– Не могу с вами согласиться, – сказал он. – Если какому-нибудь подлецу следует свернуть шею, то я не вижу причин, почему бы мне не взять на себя ответственность и не позаботиться об этом самостоятельно.

– И в свой черед подвергнуться законному наказанию!

– Безусловно, я постараюсь сделать это без шума... – по-прежнему улыбаясь, сказал Томас. – В сущности, каждый может продумать свои действия и прибегнуть к известным маленьким хитростям...

– Тебя сразу выведут на чистую воду, Томас, – сказала Одри своим ясным, звонким голосом.

– По правде говоря, – возразил Томас, – не думаю, что это будет так уж легко сделать.

– Я помню один случай, – начал было мистер Тревис и нерешительно замолчал. – Вы знаете, – сказал он извиняющимся тоном, – криминология в некотором роде – мое давнее хобби.

– Пожалуйста, продолжайте, – сказала Кей.

– В свое время я был весьма сведущим специалистом в криминальных делах и накопил обширный опыт, – сказал мистер Тревис. – Но только несколько дел я мог бы назвать действительно интересными. Большинство убийц были прискорбно безынтересны и крайне недальновидны. Однако я могу рассказать вам об одном поистине интересном экземпляре.

– О да, – сказала Кей, – я обожаю рассказы об убийствах.

Мистер Тревис говорил медленно и задумчиво, очевидно, с особой тщательностью выбирая слова и выражения.

– Этот случай произошел с одним ребенком. Не стоит, наверное, вдаваться в подробности и уточнять пол и возраст. Факты, в сущности, таковы: два ребенка играли на лесной поляне с луками и стрелами. Один из детей выстрелил, и его стрела попала в другого ребенка, нанеся смертельную рану, в результате этот ребенок умер. Было проведено деликатное расследование. Оставшийся в живых ребенок был ужасно испуган и подавлен, и в итоге все могли лишь выразить сожаление и посочувствовать несчастному автору этого выстрела. – Он сделал паузу.

– И это все? – спросил Тед Латимер.

– Да, на этом дело было закрыто. Прискорбная случайность. Но однако, знаете ли, у этого случая была своя предыстория. Несколькими днями раньше некий фермер проходил по лесной тропе неподалеку от известной поляны. И заметил на этой полянке ребенка, старательно упражнявшегося в стрельбе из лука.

Он помолчал, чтобы смысл его слов дошел до всех присутствующих.

– Вы хотите сказать, – недоверчиво проговорила Мери Олдин, – что это было не случайно... что выстрел был сделан намеренно?

– Сие мне не известно, – ответил мистер Тревис. – И вряд ли я когда-нибудь смогу сказать об этом с определенностью. Но в ходе расследования было установлено, что дети едва ли не в первый раз взяли в руки лук и

стрелы и вследствие этого стреляли совершенно неумело, практически наугад.

– То есть была допущена ошибка?

– Да, хотя в отношении одного ребенка такое утверждение было явно ошибочным!

– И что сделал фермер? – затаив дыхание, спросила Одри.

– Ничего не сделал. Правильно он поступил или нет, я до сих пор не уверен. На карту было поставлено будущее ребенка. И он полагал, что ребенка следует оправдать, поскольку имелись большие сомнения в его виновности.

– А вы сами, – спросила Одри, – можете определенно сказать, что произошло на самом деле?

– Лично я, – серьезно ответил мистер Тревис, – придерживаюсь того мнения, что это было исключительно изобретательное убийство – убийство, совершенное и до мельчайших деталей спланированное ребенком.

– Но какой у него мог быть мотив? – спросил Тед Латимер.

– О, мотивов могло быть сколько угодно. Детские ссоры, обиды... вполне достаточно, чтобы разжечь ненависть. Дети так непосредственны в своих чувствах, как в любви, так и в ненависти...

– Но задумать такое! – воскликнула Мери Олдин.

Мистер Тревис понимающе кивнул:

– Да, замысел был ужасный. Ребенок, затаив в сердце смертельную злобу, спокойно день за днем практиковался, готовился к финальному действию... Затем этот якобы неловкий выстрел – несчастье, притворное горе и отчаяние. Все это невероятно – настолько невероятно, что этому не поверил бы ни один суд.

– А что случилось потом... с этим ребенком? – с любопытством спросила Кей.

– Я полагаю, его имя было изменено, – сказал мистер Тревис. – После публичного расследования это было вполне целесообразно. На данный момент ребенок уже стал взрослым человеком и спокойно живет в этом мире. Весь вопрос в том, что творится в его душе, по-прежнему ли он способен на убийство? – Мистер Тревис помолчал и задумчиво добавил: – Много лет прошло с тех пор, но я мог бы узнать моего маленького убийцу когда угодно.

– Ну это уж вряд ли, – усомнился Ройд.

– О, даже не сомневайтесь, этот ребенок имел определенную физическую особенность... Однако я не хочу больше вдаваться в

подробности. Не самые, знаете ли, приятные воспоминания. И к тому же мне действительно пора отправляться в отель.

Он поднялся с кресла.

– Может быть, выпьете что-нибудь на дорожку? – предложила Мери.

Графины с напитками стояли на столе в другом конце комнаты. Томас Ройд – он находился поблизости – шагнул к этому столу и, взяв графин с виски, вынул тугую пробку.

– Виски с содовой, мистер Тревис? Латимер, вам налить?

Невиль сказал Одри тихим голосом:

– Какой чудесный вечер. Выйдем прогуляться ненадолго?

Она стояла у окна, глядя на залитый лунным светом балкон. Он прошел мимо нее и, выйдя за порог, остановился в ожидании. Одри отвернулась от окна, отрицательно качнув головой:

– Нет, Невиль, я устала, наверное, мне пора подняться к себе. Пора спать.

Она пересекла гостиную и вышла.

Кей широко зевнула:

– Да, думаю, мне тоже хочется отдохнуть. Доброй ночи, мистер Тревис. Томас, поухаживай, пожалуйста, за мистером Тревисом.

– Доброй ночи, мисс Олдин. Доброй ночи, миссис Стрендж.

– Тед, завтра мы приедем к вам в гости на ленч, – сказала Кей. – Если погода не изменится, мы сможем искупаться и позагорать!

– Отлично, я буду ждать вас. Доброй ночи, мисс Олдин.

Обе женщины покинули комнату.

– Я могу проводить вас, сэр, – любезно предложил Тед Латимер мистеру Тревису. – Все равно я иду к переправе мимо вашего отеля.

– Благодарю вас, мистер Латимер. И с удовольствием принимаю ваше предложение.

Хотя мистер Тревис заявил о своем намерении покинуть сей гостеприимный дом, однако он явно не спешил осуществлять его на деле. Пребывая в состоянии легкой задумчивости, он с довольным видом потягивал виски с содовой, посвятив себя довольно трудной задаче – выудить из Томаса Ройда хоть какую-то информацию о жизни в Малайе.

Ройд был на редкость односложен в своих ответах. Да и эти ответы удавалось вытянуть из него с таким трудом, что создавалось впечатление, будто детали повседневного малайского быта являлись секретом национальной важности. Погруженный в собственные мысли, он, похоже, совсем не мог сосредоточиться на том, чтобы нормально отвечать своему собеседнику.

Теду Латимеру уже давно не сиделось на месте. Он выглядел утомленным и с видимым нетерпением ждал возможности уйти.

– О, едва не забыл! – вдруг воскликнул он, вмешиваясь в разговор. – Я принес для Кей несколько граммофонных записей, о которых она просила. Они в холле. Пойду принесу их сюда. Ройд, вы напомните ей о них завтра?

Томас кивнул, и Тед поспешно покинул гостиную.

– У этого молодого человека беспокойная натура, – пробормотал мистер Тревис.

Ройд хмыкнул вместо ответа.

– Я полагаю, он приятель миссис Стрендж? – продолжал старый адвокат.

– Кей Стрендж, – уточнил Томас.

Мистер Тревис улыбнулся.

– Да, да, – сказал он. – Я именно так и подумал. Вряд ли он мог бы быть другом бывшей миссис Стрендж.

– Ни в коем случае, – выразительно произнес Ройд. Затем, встретив насмешливый взгляд своего собеседника, сказал, немного покраснев: – Нет, я просто имел в виду...

– Не затрудняйтесь, мистер Ройд, – прервал его мистер Тревис, – я прекрасно понял, что вы имели в виду. Ведь сами вы, как я подозреваю, являетесь старинным другом миссис Одри Стрендж?

Томас Ройд медленно набивал в трубку очередную порцию табака из кисета. Не отрывая глаз от своего занятия, он сказал довольно невнятно:

– М-да... В каком-то смысле... Мы выросли вместе.

– Вероятно, она была необычайно милой девушкой?

Томас Ройд произнес нечто нечленораздельное, что звучало примерно как: «Гм... Угу...»

– Должен сказать, что присутствие в этом доме двух миссис Стрендж создает несколько неловкую ситуацию.

– О да... более чем.

– Бывшая миссис Стрендж оказалась в довольно трудном положении.

Лицо Томаса Ройда вспыхнуло.

– Исключительно трудном.

Мистер Тревис подался вперед. Его вопрос прозвучал резко и неожиданно:

– Зачем она приехала, мистер Ройд?

– Ну... я полагаю, – голос Томаса был неуверенным, – она просто не могла отказать.

– Отказать кому?

Ройд беспокойно поерзал в кресле.

– Ну, собственно говоря, она всегда приезжает сюда в это время года – в начале сентября.

– И леди Трессильян пригласила одновременно Невиль Стренджа с новой женой? – В голосе старого джентльмена была изрядная доля вежливого недоверия.

– Нет, насколько мне известно, он сам напросился.

– То есть он стремился к такому воссоединению?

Ройд нервно сменил позу, явно испытывая легкую неловкость.

– Думаю, да, – ответил он, избегая взгляда пытливого собеседника.

– Любопытно, – сказал мистер Тревис.

– Идея была достаточно бредовой, – сказал Томас Ройд, невольно спровоцированный на столь многословное замечание.

– Да, по меньшей мере можно сказать, что ее осуществление достаточно затруднительно, – согласился мистер Тревис.

– Вы правы, хотя в наши дни, по-моему, такие отношения завязываются довольно часто, – неуверенно сказал Томас.

– А не могло ли так случиться, – предположил мистер Тревис, – что исходно эта идея принадлежала кому-то другому?

Ройд недоуменно посмотрел на него:

– Кому же еще это могло прийти в голову?

Мистер Тревис вздохнул:

– Наш мир полон доброжелателей, которые вечно стараются устроить жизнь других людей, пытаются примирить их, решая за них проблемы... – Он не договорил фразу, заметив, что через балконную дверь в гостиную вошел Невиль Стрендж. В тот же момент Тед Латимер вернулся из холла.

– Постой-ка, Тед, что ты там принес? – спросил Невиль.

– Это граммофонные записи для Кей. Она просила меня их привезти.

– Правда? Она не говорила мне...

По лицам обоих пробежала легкая волна смущения, затем Невиль развернулся и, подойдя к столу с напитками, налил себе виски с содовой. Он глубоко и часто дышал, точно пытался успокоить себя, вид у него был взволнованный и несчастный.

Мистеру Тревису вспомнилось вдруг, что он слышал как-то раз одно высказывание относительно Невиль Стренджа: «Этот Невиль Стрендж просто баловень судьбы. У него есть все, чего только можно пожелать в этом мире». Однако в данный момент он отнюдь не выглядел счастливым человеком.

Томас Ройд, похоже, счел, что раз Невиль уже вернулся, то он вполне

может сложить с себя обязанности гостеприимного хозяина, которые ему пришлось временно исполнять по отношению к старому адвокату. Ни с кем не простившись, он покинул комнату, его походка была более торопливой, чем обычно. Это было почти бегство.

– Восхитительный вечер, – вежливо произнес мистер Тревис, поставив бокал на стол. – Исключительно... э-э... познавательный.

– Познавательный? – Невиль Стрендж удивленно приподнял брови.

– Интересные сведения о малайской жизни? – широко улыбаясь, предположил Тед. – Тяжелая работа – выуживать информацию у молчуна Томаса.

– Да, чудной парень этот Ройд, – сказал Невиль. – Мне кажется, он совершенно не меняется. Знай покуривает свою ужасную старую трубку, слушает, смотрит, как мудрый филин, да изредка буркнет нечто вроде «гм...» или «м-да...».

– Возможно, он привык больше думать, чем говорить, – сказал мистер Тревис. – Что ж, господа, теперь мне действительно пора откланяться.

– Надеюсь, вы вновь навестите на днях леди Трессильян, – сказал Невиль, провожая гостей в холл. – Общение с вами необычайно взбодрило ее. К сожалению, сейчас у нее так мало связей с внешним миром. Но ей удалось сохранить массу замечательных достоинств, не правда ли?

– Да, бесспорно. Она крайне интересный собеседник, располагающий к доверительным разговорам.

Накинув на шею кашне, мистер Тревис тщательно застегнул пальто на все пуговицы и, пожелав Невиллю доброй ночи, вышел на улицу вместе с Тедом Латимером.

До «Балморал-Корта» было, в сущности, не более сотни ярдов. Отель располагался за первым же поворотом. Его мрачная громада, словно грозный страж, охраняющий рубежи извилистой сельской улицы, смутно вырисовывалась на фоне ночного неба.

А до переправы, к которой направлялся Тед Латимер, надо было пройти еще две-три сотни ярдов вниз по дороге к тому месту, где река была самой узкой.

Мистер Тревис остановился у дверей «Балморал-Корта» и протянул руку своему попутчику:

– Доброй ночи, мистер Латимер. Как долго вы намерены пробыть в Солткрике?

Тед усмехнулся, сверкнув белозубой улыбкой:

– Поживем – увидим, мистер Тревис. Пока это место мне еще не успело наскучить.

– Конечно, конечно. Я вас понимаю. По-моему, большая часть современных молодых людей считают скуку самой ужасной вещью в этом мире. И однако я могу заверить вас, что есть вещи и похуже.

– Такие, как, например?..

Голос у Теда Латимера был мягкий и любезный, и все же в нем присутствовал странный оттенок, выдававший какие-то иные чувства, природу которых трудно было определить.

– О, мистер Латимер, я предоставляю это на волю вашего воображения. Понимаете, я не могу взять на себя смелость давать вам советы. Молодые люди с неизменным презрением относятся к советам таких старомодных чудаков, как я. Возможно, это и правильно, кто знает. Однако мы, старые хрычи, предпочитаем думать, что жизнь нас чему-то научила. И мы в ходе нашего долгого бытия успели подметить, знаете ли, множество занятных вещей.

Проплывающее облако закрыло лунный лик. Улица погрузилась во мрак. Из темноты появилась мужская фигура, кто-то шел вверх по дороге, быстро приближаясь к ним.

Это был Томас Ройд.

– Решил немного прогуляться и дошел до переправы, – неразборчиво сказал он, не вынимая трубки изо рта. – Значит, это ваша обитель? – спросил он мистера Тревиса. – Такое впечатление, что они уже заперли двери.

– О нет, не думаю, – сказал мистер Тревис. Он повернул большую медную ручку, и дверь подалась внутрь.

– Пожалуй, надо убедиться, что вы спокойно сможете подняться к себе, – сказал Ройд.

Они все втроем вошли в гостиницу. Одна-единственная лампочка тускло освещала холл. Там не было ни души, и их встретили только запахи бывшего ужина, немного пыльного бархата и хорошей мебели.

Вдруг мистер Тревис издал огорченный взглас.

Прямо перед ними на лифте висела табличка:

«ЛИФТ НЕ РАБОТАЕТ».

– О боже! – сказал мистер Тревис. – Какая досада! Мне придется подниматься наверх по всем этим ступеням.

– Да, это очень плохо, – заметил Ройд. – А неужели здесь нет служебного или багажного лифта?

– Боюсь, что нет. По-моему, это общий лифт. Пожалуй, единственное,

что мне остается, – это начать медленное восхождение. Доброй ночи, господа.

Он начал осторожно подниматься по широкому лестничному маршу. Ройд и Латимер, в свою очередь пожелав ему доброй ночи, вышли на темную улицу.

После минутной паузы Ройд сказал:

– Что ж, я тоже пойду к дому... Доброй ночи.

– Доброй ночи. Увидимся завтра.

– Да.

Тед Латимер быстрыми легкими шагами направился в сторону переправы. Томас Ройд постоял немного, глядя ему вслед, и затем медленно побрел в противоположном направлении, к Галлс-Пойнту. Луна вышла из-за облака, и Солткрик вновь озарился серебристым сиянием.

– Совсем как летом, – тихо пробормотала Мери Олдин.

Она и Одри сидели на пляже прямо перед внушительным зданием отеля «Истерхед-Бей». Одри была в белоснежном купальном костюме и выглядела как изящная статуэтка из слоновой кости. Мери не купалась. Поблизости от них лежала Кей, подставив солнцу свои точеные бронзовые конечности и спину.

– Уф! – сказала она, садясь на топчан. – Вода ужасно холодная, – добавила она обвинительным тоном.

– Все-таки уже сентябрь, – заметила Мери.

– В Англии всегда холодно, – недовольно сказала Кей. – Как бы мне хотелось оказаться сейчас где-нибудь на юге Франции! Вот там действительно тепло.

– Да и солнце здесь какое-то ненастоящее, – пробормотал Тед Латимер, лежавший рядом с ней.

– А вы не собираетесь окунуться, мистер Латимер? – поинтересовалась Мери.

Кей рассмеялась:

– Теда ни за что не затащишь в такую воду. Он может только греться на солнышке, точно ящерица.

Она вытянула ногу и слегка пощекотала его пальцами. Он резко вскочил на ноги:

– Пойдем прогуляемся, Кей. Я замерз.

Они вместе пошли вдоль берега.

– Точно ящерица?.. Довольно неудачное сравнение, – тихо проговорила Мери Олдин, глядя им вслед.

– Разве тебе не кажется, что они чем-то похожи? – спросила Одри.

Мери сосредоточенно нахмурилась:

– Отчасти, возможно, да. Но ящерица подразумевает нечто совсем пассивное и кроткое. Не думаю, что он пассивен.

– Да, – в раздумье сказала Одри, – пожалуй, я согласна с тобой.

– Как хорошо они смотрятся вместе! – заметила Мери, наблюдая за удаляющейся парой. – По-моему, они во многом подходят друг другу. Как ты считаешь?

– Думаю, вполне.

– У них схожие вкусы, – продолжала Мери, – и взгляды на мир, они

говорят на одном языке... Ужасно жаль, что... – Она не договорила.

Одри резко спросила:

– Чего тебе жаль?

Мери медленно сказала:

– Видимо, я хотела сказать, какая жалость, что она вообще встретилась с Невилем.

Резко поднявшись с топчана, Одри застыла в напряженной позе. В ее глазах появилось то выражение, которое Мери называла для себя «ледяной взгляд Одри».

– Извини, Одри. Мне не следовало говорить об этом.

– Я была бы тебе признательна, если бы мы не касались больше этой темы, если не возражаешь.

– Конечно, конечно. Это было просто глупо с моей стороны. Мне казалось... я надеялась, что ты уже все давно пережила и забыла.

Одри медленно повернула к ней голову.

– Уверяю тебя, – сказала она со спокойным, бесстрастным лицом, – переживать мне совершенно не о чем. Меня абсолютно не волнуют их отношения. Я надеюсь только... Всем сердцем надеюсь, что Кей и Невиль будут всегда счастливы вместе.

– Это очень благородно с твоей стороны, Одри.

– Это не просто красивые слова. Это истинная правда. Понимаешь, я уверена, что совершенно ни к чему... Ну, в общем, бесполезно лелеять воспоминания о прошлом. «Ах, как жаль, что все так случилось!» Ведь все это уже прошло. Зачем ворошить былое? Мы должны жить настоящим и будущим.

– Я понимаю, – искренне сказала Мери. – Но знаешь, видимо, мне просто интересно наблюдать за Кей и Тедом... Скорей всего, потому, что я практически никогда не сталкивалась с такими людьми, они очень сильно отличаются от тех, к кому я привыкла.

– Да, полагаю, ты права.

– Даже ты, – сказала Мери с неожиданной горечью в голосе, – имеешь куда более значительный опыт общения, которого мне, вероятно, не суждено иметь. Я понимаю, ты была несчастна... очень несчастна... Но я чувствую, я уверена, что это все же лучше, чем... чем ничего. Пустота!

Последнее слово она произнесла резко повышенным тоном.

Широко раскрыв глаза, Одри смотрела на нее с легким испугом.

– Я никогда не предполагала, что в тебе бушуют такие страсти.

– Да какие уж тут страсти. – Мери смущенно усмехнулась. – Так, всего лишь минутная хандра, моя дорогая. На самом деле все не так уж плохо.

– Конечно, тебе не слишком-то весело живется здесь с Камиллой, – медленно сказала Одри. – Несмотря на то что она очень славная старушка. Но без конца читать ей, управлять всем этим хозяйством, не имея возможности другого общения...

– Зато у меня есть кров и еда, – сказала Мери. – Тысячи женщин не имеют даже этого. Нет, правда, Одри, я вполне довольна своим существованием. У меня есть, – по губам ее скользнула загадочная улыбка, – одно тайное развлечение...

– Тайный порок? – тоже улыбаясь, спросила Одри.

– О нет, понимаешь, я люблю предсказывать события и поступки окружающих, – задумчиво произнесла Мери. – Просто мысленно представляю себе, что могло бы произойти в том или ином случае. И потом иногда проверяю свои заключения... на людях. Просто чтобы узнать, таковы ли будут их действия, как я рассчитывала.

– Тебе не кажется, что это довольно садистское занятие, Мери? Как же мало я, в сущности, знаю тебя!

– Нет-нет. Мои опыты совершенно безвредны. Так, невинные детские развлечения.

– А на мне ты экспериментировала? – с интересом спросила Одри.

– Нет. Ты единственный человек, которого я никогда не могла вычислить. Ты совершенно непредсказуема. Я никогда не могла понять, о чем ты думаешь.

– Возможно, – с печальной серьезностью сказала Одри, – это даже хорошо.

Она поежилась, и Мери воскликнула:

– Ты замерзла?

– Да, наверное, пора пойти переодеться. Все-таки уже не лето.

Мери осталась одна. Она повернулась к морю и, прищурив глаза, смотрела на сверкающие водные блики. Начинался отлив. Она легла на теплый песок и закрыла глаза.

«В этом ресторане прилично готовят, – размышляла она. – Ленч был вполне съедобный. Удивительно, пик сезона давно позади, а отель все еще полон отдыхающих. Странная, пестрая публика. Слава богу, день прошел довольно весело. Все-таки хорошо иногда нарушить скучную монотонность повседневной жизни. И к тому же сегодня чувствовалось явное ослабление той напряженности, которая царила последнее время в Галлс-Пойнте. Конечно, Одри в этом не виновата, но Невиль...»

Ход ее мыслей был прерван внезапным появлением Теда Латимера, который плюхнулся на песок рядом с ней.

– Где вы потеряли Кей? – спросила Мери.

– На нее предъявил права официальный собственник, – коротко ответил Тед.

Это было сказано таким тоном, что Мери удивленно приподнялась и, окинув взглядом посверкивающий золотой пляж, посмотрела в сторону Невилля и Кей, которые медленно брели по кромке воды. Затем она быстро взглянула на человека, растянувшегося рядом с ней.

Она считала его бесчувственным, странным и даже опасным типом. Сейчас впервые перед ней вдруг промелькнуло лицо молодого обиженного человека.

«Наверное, он любил Кей... Действительно любил ее, – подумала Мери. – И вдруг появляется Невиль и уводит ее...»

– Надеюсь, вы здесь не скучаете, – мягко сказала она. – В Истерхеде, по-моему, созданы все условия для приятного времяпрепровождения.

Это была общепринятая светская фраза; Мери Олдин редко использовала иные выражения – это был привычный стиль ее общения, ее язык. Но впервые в ее тоне появились дружелюбные нотки, и Тед Латимер ответил ей тем же:

– Да, вероятно. Если иметь в виду мои скудные представления о приятном времяпрепровождении, то это местечко вполне может разогнать скуку.

– Мне очень жаль, – сказала Мери.

– О чем вам жалеть? Ведь, в сущности, моя жизнь вас совершенно не волнует! Я не принадлежу к вашему кругу, и какое вам дело до того, что думают и чувствуют чужаки?

Она оглянулась и внимательно посмотрела на этого печального молодого красавца.

Он ответил ей вызывающим взглядом.

– Я поняла... Вы не любите нас, – медленно, словно делая для себя некое открытие, произнесла Мери.

Он усмехнулся:

– А разве вы ожидали от меня другого?

– Вы знаете, похоже, я действительно ожидала другого. Кто-то, возможно, бывает излишне требовательным, а кто-то чересчур скромным. Однако мне не приходило в голову, что вы можете не любить нас. Мы старались принять вас как можно лучше, как друга Кей...

– Вот именно, как друга Кей! – язвительно подхватил он.

– Я бы хотела, чтобы вы объяснили мне, – вдруг с обезоруживающей искренностью сказала Мери. – Мне правда хочется понять вас... Почему

вы невзлюбили нас? Что мы сделали? Что именно вам не нравится в нас?

– Самодовольство! – с оскорбительной резкостью воскликнул Тед Латимер.

– Самодовольство?.. – с сомнением, без оттенка раздражения произнесла Мери, пытаясь разумно и здраво оценить это обвинение. – Да, – согласилась она. – Я понимаю, возможно, мы производим именно такое впечатление.

– Именно такое. Вы пользуетесь всеми благами жизни и воспринимаете их как должное. Вы счастливы и высокомерны в вашем маленьком, замкнутом мирке, недоступном для простых людей. Вы смотрите на нас с презрением, как на стадо диких животных!

– Мне жаль, что вы так считаете, – сказала Мери.

– А разве я сказал неправду?

– Нет, не совсем. Возможно, мы излишне самонадеянны, глупы и прозаичны, но в том нет злого умысла. Признаюсь, я сама привыкла ко всем этим светским условностям и внешне, должно быть, производжу впечатление чопорной, самодовольной дамы, выражаясь вашим языком. Но вы знаете, на самом деле под этой маской скрывается вполне живое лицо. В данную минуту, например, мне очень жаль вас, потому что я чувствую, что вы несчастны. И мне хотелось бы как-то помочь вам.

– Ну, если вы говорите правду, то это очень мило с вашей стороны.

– Вы давно любите Кей? – немного помолчав, спросила Мери.

– Довольно давно.

– А она?

– Я полагал, что да... пока не появился Стрендж.

– И вы никак не можете забыть ее? – мягко спросила Мери.

– Я думал, это очевидно.

– Возможно, вам лучше уехать отсюда? – после минутной паузы нерешительно и тихо сказала Мери.

– А что это изменит?

– Мне кажется, здесь вы будете чувствовать себя еще более несчастным.

Он взглянул на нее и рассмеялся.

– Вы удивительное существо, – сказал он. – Но вам слишком мало известно о повадках животных, обитающих вне вашего замкнутого мирка. Они живут надеждой. Скоро могут произойти самые невероятные события.

– Какие события? – резко спросила Мери.

Он рассмеялся:

– Поживем – увидим.

Переодевшись, Одри пошла прогуляться по пляжу в сторону скалистой гряды, прямо напротив которой на другом берегу реки стоял Галлс-Пойнт в своем белоснежном спокойствии; на одной из этих уходящих в воду скал сидел Томас Ройд и попыхивал своей трубкой.

Когда Одри была уже совсем близко, Томас повернул голову, но не сдвинулся с места. Она, не сказав ни слова, опустилась на скалу рядом с ним. Они молча сидели рядом – это было уютное, понимающее молчание двух людей, которые давно и хорошо знают друг друга.

– Каким близким кажется наш дом! – наконец сказала Одри, нарушая тишину.

Томас глянул за реку на Галлс-Пойнт.

– Да, мы могли бы вернуться туда вплавь.

– Только не сейчас, не во время отлива. У Камиллы когда-то служила одна девушка. Она очень любила поплавать и легко переплывала на этот берег и обратно, когда течение было нормальным. Например, если уровень воды очень высок или, наоборот, очень низок, то все в порядке, но когда начинается отлив, то течение со страшной силой сносит тебя прямо в море. Так с ней и случилось однажды. Слава богу, она не потеряла голову от страха и сумела нормально выбраться на берег у Галлс-Пойнта, хотя, конечно, совершенно обессиленная.

– Не знаю, по-моему, сейчас течение довольно слабое.

– Да, возле этого берега. Но на той стороне оно гораздо сильнее. Особенно под теми скалами. В прошлом году один бедняга пытался там покончить счеты с жизнью. Он бросился вниз со Старк-Хеда, но, не долетев до воды, повис на дереве, и его спасла береговая охрана.

– Вот бедалага, – сказал Томас. – Держу пари, что он не поблагодарил их. Должно быть, жизнь ему изрядно осточертела, раз он решился на самоубийство. Так нет же, его безжалостно возвращают обратно. Наверное, он в очередной раз почувствовал себя одураченным.

– А может, сейчас он одумался и даже рад, что все случилось именно так, – мечтательно сказала Одри.

Она рассеянно размышляла о том, где может быть сейчас этот человек, чем он занимается.

Томас запыхтел своей трубкой и, чуть повернув голову, скосил глаза на Одри. Он отметил серьезное, отстраненное выражение ее лица и взгляд,

устремленный за реку. Скользнул взглядом по темно-русским ресницам, отбрасывавшим легкую тень на ее щеки, по ее маленькой изящной ушной раковинке с большой сережкой.

Это вдруг напомнило ему о ее вчерашней потере.

– Да, кстати, – сказал он, – я нашел сережку, которую ты вчера потеряла.

Он порылся в кармане и, выудив сережку, положил ее на протянутую ладонь Одри.

– О, какой ты молодец, где ты отыскал ее? На балконе?

– Нет. Она валялась возле лестницы. Должно быть, ты потеряла ее, когда спускалась на ужин. Я заметил, что за столом ты была уже без нее.

– Я рада, что она нашлась, – сказала Одри, покачивая на ладони металлическое кольцо.

Томас подумал, что эта серьга слишком уж большая и грубая для такого ушка. И те, что были на ней сегодня, тоже казались довольно массивными.

– Ты не снимаешь свои украшения, даже когда плаваешь. Не боишься потерять их окончательно?

– Но ведь это дешевые безделушки. Я не люблю появляться без сережек из-за шрама.

Она коснулась пальцами левого уха.

– Ах да, я помню эту историю, – сказал Томас. – Тебя укусил старина Бонсер, нахал и громадина.

Одри кивнула.

Они помолчали, оживляя детские воспоминания. Одри Стендиш – это была ее девичья фамилия, – высокая, длинноногая девочка, зарылась лицом в пушистой шерсти бедняги Бонсера, который умудрился где-то поранить лапу. И пес, скуля от боли, довольно сильно ее укусил. Тогда ей даже зашивали ухо. Но сейчас от шрама остались одни воспоминания – только крошечный тонкий рубчик.

– Моя милая девочка, – сказал Томас, – этот след едва заметен. Почему ты так переживаешь?

Одри помедлила и потом ответила с очевидной искренностью:

– Потому что... потому что я просто терпеть не могу любые недостатки.

Томас понимающе кивнул. Такое объяснение вполне соответствовало его представлению об Одри. Ей всегда было свойственно стремление к совершенству. В сущности, она действительно достигла совершенства как внешне, так и внутренне.

– Ты гораздо красивее Кей, – вдруг сказал он.
– О нет, Томас, – быстро возразила Одри, взглянув на него. – Кей... Кей – настоящая красавица.
– Внешне – да, но не внутренне.
– Ты говоришь, – сказала Одри с легкой задумчивой улыбкой, – о моей прекрасной душе.

Томас выбил пепел из трубки.

– Нет, – сказал он, – я говорю о твоих костях.

Одри рассмеялась.

Томас набил в трубку новую порцию табака. Минут пять они сидели молча, и Томас искоса поглядывал на нее, хотя его взгляды были так ненавязчивы, что Одри даже не догадывалась, что за ней наблюдают.

– Что с тобой случилось, Одри?

– Случилось? Я не понимаю, о чем ты спрашиваешь?

– С тобой происходит что-то неладное. Что тебя тревожит?

– Нет-нет, ничего особенного. Совсем ничего.

– И все-таки?

Она отрицательно мотнула головой.

– Ты не хочешь мне рассказать?..

– Мне просто нечего рассказывать.

– Возможно, я бесчувственный чурбан, Одри... Но мне все же хочется спросить... – Он помедлил. – Неужели ты не можешь забыть об этом?.. Неужели ты до сих пор не можешь расстаться с прошлым?

Ее тонкие пальчики судорожно схватились за острый край скалы.

– Ты не понимаешь... Ты даже не можешь представить себе...

– Нет, Одри, милая, я понимаю. Дело просто в том, что я все знаю.

Она с сомнением взглянула на него.

– Да, я отлично знаю, что тебе пришлось пережить. И... и как тяжела была твоя утрата.

Лицо ее вдруг стало совершенно белым, побелели даже губы.

– Значит, тебе все известно... – сказала она. – Я не предполагала, что кто-нибудь может знать об этом.

– Да, я все знаю... И я... В общем-то, я не собирался говорить об этом. Мне просто хотелось бы убедить тебя в бесполезности твоих переживаний. Ведь бывшее не вернешь, все несчастья уже закончились.

– Далеко не все.

– Послушай, Одри, грустные размышления и воспоминания совершенно бесполезны. Я полагаю, ты прошла через ад. Но бесполезно терзать ум и душу, возвращаясь в него вновь и вновь. Старайся смотреть

вперед, а не назад. Ведь ты так молода. Пока мы живы, надо жить, и большая часть жизни у тебя еще впереди. Думай о завтрашнем дне, а не о вчерашнем.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, и в ее застывшем взгляде нельзя было прочесть ни ее истинных мыслей, ни чувств.

– Предположим, – задумчиво сказала Одри, – что я не в состоянии сделать этого.

– Но ты должна постараться.

– Мне кажется, ты все же не понимаешь меня, – мягко сказала она. – Я думаю, что со мной действительно творится что-то неладное... Возможно, я не совсем здорова.

Он грубовато оборвал ее.

– Вздор, ты... – начал было Томас и умолк.

– Что я?..

– Я все вспоминаю, какой ты была во времена нашей юности, до замужества... Скажи, Одри, почему ты вышла за Невилля?

Одри улыбнулась:

– Потому что я влюбилась в него.

– Нет, это я, конечно, понимаю. Но почему ты влюбилась в него? Что именно привлекло тебя?

Она прищурила глаза, словно пыталась разглядеть сквозь завесу времени давно забытый образ юной Одри.

– Я думаю, меня привлекло то, – сказала она, – что он был таким уверенным в себе, таким *всезнающим*. В этом смысле я была его полной противоположностью. Я вечно блуждала как в тумане... А Невиль был реалистом. И таким счастливым, уверенным в себе, таким... Словом, он обладал всеми качествами, которых мне так не хватало. – Одри улыбнулась и добавила: – И к тому же он был очень красивым и приятным парнем.

– Да, идеальный англичанин, – с горечью сказал Томас. – Отличный спортсмен, скромный, обаятельный, всегда исключительно галантен – истинный джентльмен, у которого есть все, что только можно пожелать.

Напряженно выпрямив спину, Одри пристально взглянула на него.

– Ты явно недолюбливаешь Невилля, – медленно сказала она. – Может быть, ты ненавидишь его... Я права?

Чтобы избежать ее пытливого взгляда, Томас отвернулся и чиркнул спичкой, заслонив огонек ладонью, он пытался оживить потухшую трубку.

– Даже если и так, то что в этом удивительного? – сказал он. – Невиль имеет все, чего лишен я. Он настоящий атлет, отлично плавает, танцует, умеет поддержать остроумный разговор. А я – косноязычный, неуклюжий

неудачник с покалеченной рукой. Он всегда был яркой личностью, чертовски удачливым парнем, а я всегда был на вторых ролях... Просто надежным старым другом. И кроме всего прочего, он женился на единственной девушке, которая смогла пробудить мои чувства.

Одри издала какое-то неопределенное восклицание.

– Ты ведь всегда знала об этом, разве не так? – грубовато сказал он. – Ты знала, что я был влюблен в тебя с пятнадцати лет. И ты знаешь, что я все еще...

– Нет, не сейчас... – прервала его Одри.

– Что значит – не сейчас?

Одри поднялась со скалы.

– Сейчас, – сказала она спокойным, задумчивым голосом, – я стала совсем другой.

– В каком смысле другой?

Он тоже поднялся на ноги и стоял, глядя прямо ей в глаза.

– Если ты этого не понимаешь, – быстрым задыхающимся голосом произнесла Одри, – то я не смогу объяснить тебе... Я сама не вполне понимаю себя... Единственное, в чем я уверена... – Она резко оборвала фразу и, развернувшись, быстро пошла по каменистой тропе обратно в сторону отеля.

Выйдя из-за скалы, она заметила Невилья. Он лежал на животе, растянувшись во весь рост перед неглубокой скальной расщелиной, и внимательно смотрел в воду. Услышав шаги, он поднял голову и усмехнулся:

– Привет, Одри!

– Привет, Невиль!

– Я наблюдаю за крабом. На редкость деятельный маленький плут. Смотри, вон он ползает.

Она опустила на колени рядом с ним и взглянула, куда он показывал.

– Видишь его?

– Да.

– Хочешь закурить?

Она взяла сигарету, и Невиль дал ей прикурить. Одри была рядом с ним, но взгляд ее был устремлен куда-то вдаль. Вдруг он нервно сказал:

– Я хотел спросить, Одри...

– О чем?

– Все в порядке, не так ли? Я имею в виду – между нами.

– Да-да, конечно.

– Я хочу сказать – мы с тобой остались друзьями, правда?

– О да... Да, разумеется.
– Мне бы очень хотелось сохранить дружеские отношения.
Он с тревогой посмотрел на нее. Одри нервно улыбнулась.
– По-моему, сегодня был славный денек, да? – сказал он, чтобы поддержать разговор. – Отличная погода, и вообще все прекрасно...
– О да, да...
– Совсем не похоже на сентябрь, – добавил он и немного погодя сказал напряженным голосом: – Одри...
Она поднялась с колен.
– Тебя зовет твоя жена. Она машет тебе рукой.
– Кто?.. Ах, Кей?
– Я же сказала – твоя жена.
Невиль медленно встал и многозначительно посмотрел на нее.
– Ты моя жена, Одри, – еле слышно сказал он.
Она резко отвернулась. Невиль, быстро пробежав по берегу, взобрался по пологому песчаному склону к отелю, где ждала его Кей.

Когда они вернулись в Галлс-Пойнт, Харстолл вышел в холл и отозвал Мери:

– Вы не могли бы сразу подняться к ее милости, мисс Мери? Она очень расстроена и хотела, чтобы вы зашли к ней, как только вернетесь.

Мери поспешно поднялась на второй этаж. Она нашла леди Трессильян в крайне плачевном состоянии. Лицо ее было бледным и очень печальным.

– Милая Мери, как я рада, что ты пришла. Я чувствую себя просто ужасно. Бедный мистер Тревис умер.

– Умер?

– Да, это какой-то кошмар, правда, милая? Совершенно неожиданно. Похоже, он вчера даже не успел снять пальто. Упал прямо на пороге своей комнаты.

– О, дорогая, мне так жаль.

– Конечно, мы знали, что здоровье у него было неважное, слабое сердце. Я надеюсь, Мери, что вчера он не слишком переутомился? Вечер закончился спокойно? Или ужин был несколько тяжеловат?

– Я не думаю... Нет, определенно нет. Я уверена, что он чувствовал себя вполне нормально. Он казался очень довольным и бодрым.

– Я действительно ужасно огорчена. Мне бы хотелось, Мери, чтобы ты сходила в «Балморал-Корт» и переговорила с миссис Роджерс. Спроси, не можем ли мы чем-нибудь помочь. И насчет похорон. Он был хорошо знаком с Метью, и ради него я хотела бы сделать все, что в наших силах. Подобные случаи в отеле создают массу проблем.

– Милая Камилла, не стоит так волноваться, – решительно, но мягко сказала Мери. – Конечно, я понимаю, какое это потрясение для вас.

– Да, ты права.

– Я немедленно отправлюсь в «Балморал-Корт» и, вернувшись, расскажу вам обо всем.

– Спасибо, Мери, дорогая. Ты всегда так разумна и добра.

– Пожалуйста, постарайтесь немного успокоиться и отдохнуть. Такие потрясения очень опасны для вашего здоровья.

Мери Олдин вышла из спальни и спустилась в холл. Войдя в гостиную, она громко сказала:

– Умер мистер Тревис. Он скончался вчера ночью, вернувшись в отель.

– Бедный старик! – воскликнул Невиль. – Что с ним случилось?

– Сердце, по всей видимости. Он упал на пороге своего номера.

Томас Ройд задумчиво сказал:

– Я полагаю, это лестница доконала его.

– Лестница? – Мери недоуменно посмотрела на него.

– Да, когда мы с Латимером расстались с ним, он как раз начал подниматься вверх. Мы говорили ему, чтобы он не спешил и почаще отдыхал.

– Но чего ради он поднимался сам, когда есть лифт?

– Лифт был неисправен.

– О, все понятно. Какое несчастье! Бедный старик, – сказала она и добавила: – Я должна сходить туда сейчас же. Камилла просила узнать, не можем ли мы чем-то помочь.

– Я пойду с вами, – сказал Томас.

Они шли вдвоем вниз по дороге и за поворотом свернули к «Балморал-Корту».

– Интересно, есть ли у него родственники? – сказала Мери. – Возможно, надо кого-то известить?

– Он ни о ком не упоминал.

– Да. А обычно это как-то всплывает в разговоре. Люди часто ссылаются на своих племянников или кузенов.

– Он был женат?

– Думаю, не был.

Они вошли в открытую дверь «Балморал-Корта».

Миссис Роджерс, владелица отеля, разговаривала с высоким мужчиной средних лет. Обернувшись к ним, он приветливо улыбнулся и поднял руку, приветствуя Мери:

– Добрый день, мисс Олдин.

– Добрый день, доктор Лазенби. Это мистер Ройд. Мы зашли по просьбе леди Трессильян узнать, не можем ли мы чем-нибудь помочь.

– Очень любезно с вашей стороны, мисс Олдин, – сказала хозяйка отеля. – Не хотите ли пройти в мою приемную?

Когда они вошли в небольшую уютную комнату, доктор Лазенби обратился к Мери:

– Мистер Тревис вчера ужинал у вас, не так ли?

– Да.

– Как он вам показался? Возможно, он излишне понервничал или перевозбудился?

– Нет, он был вполне бодрым и выглядел очень хорошо.

Доктор кивнул:

– Самое плохое в этих сердечных болезнях то, что конец почти всегда наступает неожиданно. Я заходил к нему наверх и просмотрел все его рецепты. Очевидно, здоровье его было крайне хрупким. Конечно, я еще свяжусь с его доктором в Лондоне.

– Он всегда очень заботился о своем здоровье, – заметила миссис Роджерс. – И я уверена, что здесь у нас он имел все необходимое.

– Я убежден в этом, миссис Роджерс, – тактично сказал доктор. – Несомненно, его сердце могло отказать при малейшем добавочном напряжении.

– Таким, как подъем по лестнице? – предположила Мери.

– Да, вполне возможно. Фактически это было бы вероятнее всего, если бы он прошел эти три пролета... Но надеюсь, он никогда не поднимался наверх самостоятельно.

– О нет, никогда, – сказала миссис Роджерс. – Он поднимался только на лифте. И вообще он был очень осторожен.

– Я имела в виду, – сказала Мери, – что вчера вечером лифт не работал. Миссис Роджерс в изумлении посмотрела на нее:

– Но, мисс Олдин, лифт прекрасно работал вчера весь день.

– Извините, – сказал Ройд. – Я провожал вчера мистера Тревиса до отеля. И на лифте висела табличка с надписью: «Лифт не работает».

– Что вы говорите?! Это очень странно, – недоумевая, сказала миссис Роджерс, внимательно взглянув на него. – Я почти уверена, что с лифтом было все в порядке... Я убеждена в этом. Мне обязательно сообщили бы о любой неисправности. У нас не было никаких проблем с этим лифтом (постучим по дереву) уже целый год... Нет, больше – года полтора. Очень надежная машина.

– Может быть, – предположил доктор, – швейцар или лифтер повесили эту табличку, заканчивая дежурство?

– Это автоматический лифт, доктор, и не требует дополнительного обслуживания.

– Ах да, верно. Я просто запомнил.

– Конечно, я поговорю с Джо, – сказала миссис Роджерс и, выйдя из комнаты, крикнула: – Джо!.. Джо!

Доктор Лазенби с любопытством взглянул на Томаса:

– Извините меня, а вы совершенно уверены, мистер... э-э...

– Ройд, – помогла ему Мери.

– Совершенно уверен, – сказал Томас.

Миссис Роджерс вернулась, ведя за собой лифтера. Джо заверил их,

что прошедшим вечером лифт был исправен. Там действительно висела эта табличка, но совершенно непонятно, кто и зачем вытащил ее из-за пульта, где она пылилась уже больше года.

Все переглянулись и согласились, что все это кажется очень непонятным. Просто загадка какая-то. Доктор предположил, что это была неудачная шутка одного из постояльцев отеля, и волей-неволей им пришлось остановиться на этом.

В ответ на расспросы Мери доктор Лазенби рассказал, что шофер мистера Тревиса дал ему адрес и телефон поверенных мистера Тревиса и ему уже удалось связаться с ними. В заключение он добавил, что хочет зайти повидать леди Трессильян и расскажет ей обо всем, что касается похорон.

После этого вечно занятой, энергичный доктор заторопился по своим делам, а Мери и Томас медленно пошли в сторону Галлс-Пойнта.

- Вы совершенно уверены, что видели эту табличку, Томас?
- И я, и Латимер тоже видел ее.
- Что за странные шутки! – воскликнула Мери.

Наступило двенадцатое сентября.

– Осталось пережить еще два дня, – тихо сказала Мери Олдин и покраснела, закусив губу.

Томас Ройд задумчиво взглянул на нее:

– Так вот какие чувства обуевают вас?..

– Я сама не понимаю, что происходит со мной, – сказала Мери. – Никогда в жизни я не ждала с таким нетерпением разъезда гостей. Обычно мы очень радовались, когда Невиль или Одри приезжали сюда, и прекрасно проводили время.

Томас кивнул.

– Но этот визит, – продолжала Мери, – какой-то особенный. Такое чувство, будто мы сидим на ящике с динамитом и взрыв может произойти в любую минуту. Вот почему первое, что я сказала себе сегодня утром: «Осталось только два дня». Одри уезжает во вторник, а Невиль и Кей – в среду.

– А я отбываю в пятницу, – сказал Томас.

– О, вас я не беру в расчет. Вы были моей единственной надежной опорой. Не представляю, что бы я делала без вас.

– Человек-буфер?

– Даже больше. Вы были так доброжелательны, так спокойны. Возможно, это звучит несколько странновато, но зато точно выражает то, что я чувствую.

Томаса явно порадовали ее слова, хотя он выглядел немного смущенно.

– Не знаю, почему все мы были так взвинчены, – задумчиво произнесла Мери. – Ведь, в сущности, если бы даже вспыхнул, скажем, какой-то конфликт, то это была бы всего лишь неловкая и досадная ситуация, не более того.

– Однако, по-моему, чувство тревоги было у вас гораздо более сильным.

– О да. Это было настоящее предчувствие опасности. И оно, как мне кажется, распространилось даже на слуг. Судомойка вчера разрыдалась и собралась увольняться – без всякой видимой причины. Кухарка издергана, Харстолл – на пределе. Даже Баррет, которая обычно спокойна, как броненосец, слегка нервничает. И все оттого, что Невиль загорелся этой

нелепой идеей подружить обеих своих жен и тем самым успокоить свою душу.

– Должно быть, он испытал сильное разочарование, поскольку его оригинальный замысел провалился, – заметил Томас.

– Вероятно, так. Кей не умеет скрывать свои чувства, и у нее действительно были причины для раздражения. Но как ни странно, знаете, Томас, я даже посочувствовала ей. – Мери нерешительно помедлила и спросила: – Вы не заметили, как Невиль смотрел на Одри, когда она поднималась по лестнице вчера вечером? Он по-прежнему любит ее, Томас. Этот развод был просто трагической ошибкой.

Томас начал набивать свою трубку.

– Ему следовало подумать об этом раньше, – произнес он резким голосом.

– Да, я понимаю. Теперь поздно говорить. Но факт остается фактом, вся эта ситуация достаточно трагична. И знаете, мне жаль Невиля.

– Люди, подобные Невиллю... – начал было Томас, но замолчал.

– Продолжайте, – мягко сказала Мери.

– Люди, подобные Невиллю, избирают чертовски странные пути для решения своих проблем и считают также, что могут заполучить все, что только пожелает их душа. Я полагаю, что до сих пор Невиллю во всем сопутствовала удача и случай с Одри – его первое поражение. Она теперь недостижима для него. Напрасно он устроил всю эту свистопляску. Ему не удастся исправить положение.

– Думаю, вы совершенно правы. Но возможно, излишне суровы. Одри очень любила Невиля, когда выходила за него замуж... И они прекрасно прожили вместе долгие годы.

– Ну, сейчас-то она уже не любит его.

– Сомневаюсь, – прошептала Мери.

– И я скажу вам еще кое-что, – продолжал Томас. – Невиллю следует быть гораздо более осмотрительным с Кей. Она исключительно опасная юная особа – действительно опасная. Если ее сильно разозлить, она ни перед чем не остановится.

– О господи, – вздохнув, сказала Мери и, вспомнив свою исходную фразу, с надеждой добавила: – Хорошо, что осталось только два дня.

Последние четыре или пять дней обстановка в доме была крайне тяжелой. Смерть мистера Тревиса потрясла леди Трессильян, что не замедлило сказаться на ее здоровье. Похороны состоялись в Лондоне, и Мери была даже рада этому, поскольку леди Трессильян лишилась возможности участвовать в этом печальном событии и смогла быстрее

оправиться от потрясения. Прислуга постоянно нервничала, и в ведении домашних дел то и дело возникали проблемы, поэтому Мери недаром чувствовала себя этим утром усталой и подавленной.

– Может, отчасти виновата погода, – громко сказала она. – Просто какая-то противоестественная жара.

И действительно, такая жаркая, безветренная и сухая погода, которая держалась уже почти две недели, была на редкость необычной для сентября. Последние несколько дней термометр показывал 70 по Фаренгейту в тени.

Невиль появился на балконе в тот момент, когда Мери обвиняла погоду. Он подошел к ним.

– Что, обвиняем жару? – сказал он, глядя в безоблачное синее небо. – Да, с трудом верится в такую благодать. А нынче еще жарче. И ни ветерка. Возникает какое-то томительное чувство. Никогда не думал, что мы будем с таким нетерпением ждать дождя. Сегодня просто настоящие тропики.

Томас Ройд вяло и бесцельно побрел по дорожке и вскоре скрылся за углом дома.

– Бегство угрюмого Томаса, – пошутил Невиль. – Никто не посмел бы утверждать, что он испытывает радость от общения со мной.

– Он очень славный, – сказала Мери.

– Я не согласен. Ограниченный, предубежденный тип.

– Мне кажется, он надеялся жениться на Одри. Но тут появился ты и разрушил все его надежды.

– Он семь лет вынашивал в своем неповоротливом мозгу эту идею, но так и не сделал ей предложения. Неужели он ожидал, что бедняжка будет ждать, пока он наконец созреет?

– Может быть, – предположила Мери, – на этот раз ему все же повезет и все решится к общей радости.

Невиль взглянул на нее, недоумевающе подняв брови:

– Вознаграждение верной любви? Ты думаешь, Одри выйдет замуж за этого несуразного, глупого краба? Она слишком хороша для него. Нет, я даже представить себе не могу, чтобы Одри согласилась выйти замуж за этого угрюмца Томаса.

– Насколько я понимаю, она действительно очень привязана к нему.

– Вас, женщин, хлебом не корми, дай только побыть в роли свахи! Неужели тебе не приходит в голову, что Одри, возможно, хочет немного понаслаждаться своей свободой?

– Ради бога, если она и правда этого хочет.

– Ты полагаешь, она несчастна?

– Честно сказать, не имею ни малейшего представления.

– И я знаю не больше, – медленно сказал Невиль. – Одному богу известно, что у Одри на душе. – Он помолчал немного и добавил: – Но Одри – удивительное создание. Никогда не встречал более воспитанного и во всех отношениях порядочного человека. – Затем он произнес тихим, взволнованным голосом, обращаясь, казалось, больше к самому себе, чем к Мери: – Боже мой, какую же ужасную глупость я совершил.

Мери, немного встревоженная, пошла в дом. В третий раз за это утро она повторила для себя утешительные слова: «Осталось только два дня».

Невиль бесцельно бродил по саду, террасами спускавшемуся к реке.

В конце аллеи он обнаружил Одри, она сидела на низкой каменной стене, глядя на плещущие внизу волны. Во время такого прилива вода поднималась довольно высоко.

Заметив Невилья, она сразу встала и направилась к нему навстречу.

– Я как раз собиралась к дому. Должно быть, скоро подадут чай.

Одри говорила быстро и нервно, не глядя на него. Он повернулся и пошел рядом с ней, не сказав ни слова.

Только когда они наконец подошли к балкону, Невиль вдруг сказал:

– Могу я поговорить с тобой, Одри?

– Думаю, лучше не стоит, – быстро ответила она, положив руку на перила балюстрады, ее пальцы напряженно сжались.

– То есть ты хочешь сказать, что тебе известно, о чем пойдет речь?

Она не ответила.

– Как ты думаешь, Одри, не можем ли мы с тобой начать все сначала? Забыть все, что случилось, и...

– Включая Кей?

– Я надеюсь, – сказал Невиль, – Кей проявит благоразумие и сможет понять меня.

– Что ты имеешь в виду? Что, собственно, ей надо понять?

– Все предельно просто. Я пойду к ней и скажу правду. Отдам себя на волю ее великодушия. Объясню ей, что истина заключается в том, что ты – единственная женщина, которую я когда-либо любил.

– Но ты же любил Кей, когда женился на ней.

– Женижба на Кей была самой большой ошибкой в моей жизни. Я...

Он умолк. Кей вышла из гостиной на балкон и быстро направилась к ним; глаза ее пылали такой яростью, что Невиль даже слегка вздрогнул.

– Извините, что прервала столь трогательную сцену, – сказала Кей, – но полагаю, мое вмешательство окажется весьма своевременным.

Одри пошла в сторону дома.

– Я оставляю вас одних, – сказала она.

Ее лицо и голос были совершенно равнодушными.

– Да уж, будь любезна, – сказала Кей. – Ты ведь уже сделала все, что могла, не так ли? Твой коварный замысел вполне удался. С тобой я разберусь позже. Но сейчас мне необходимо выяснить кое-что с Невилем.

– Послушай, Кей, – сказал Невиль, – Одри здесь совершенно ни при чем. Она ни в чем не виновата. Обвиняй меня, если хочешь, но...

– Еще бы, конечно, хочу, – сказала Кей. Она окинула Невиля пылающим взглядом. – Интересно, как высоко ты оцениваешь свою персону?

– Совсем невысоко. Я просто обычный слабый человек, – с горечью произнес Невиль.

– Ты бросил жену, упорно обхаживал меня, в конце концов вынудил твою жену согласиться на развод. И вот безумная страсть бесследно прошла, и ты уже устал от меня! Сейчас, я полагаю, ты жаждешь вернуться к этой кисломолочной тихоне, к этой хитрющей маленькой ведьме.

– Не надо горячиться, подожди, Кей.

– Ну и что же ты можешь сказать мне?

Лицо Невиля побелело.

– Возможно, я последний негодяй и ты вправе презирать меня. Но все бесполезно, Кей. Я не могу так больше... Я думаю... Я просто уверен, что все время любил только Одри. Моя любовь к тебе была... была своего рода безумием. Да, это печальная ошибка, дорогая. Мы с тобой совершенно не подходим друг другу. В конечном счете я все равно не смог бы сделать тебя счастливой. Поверь мне, Кей, нам лучше признать наше поражение. Давай постараемся расстаться друзьями. Будь великодушна.

– Что же конкретно ты предлагаешь? – спросила Кей обманчиво спокойным голосом.

Невиль не смотрел на нее, его лицо приобрело решительное выражение.

– Мы можем развестись. Ты можешь подать на развод, обвинив меня в измене.

– Какой ты быстрый! Тебе придется подождать этого.

– Я подожду, – сказал Невиль.

– И затем, года через три или около того, ты вновь попросишь Одри выйти за тебя замуж?

– Если она согласится.

– Она-то согласится, будь уверен! – со злостью воскликнула Кей. – И что же останется мне?

– Ты сможешь найти более достойного человека, чем я. Разумеется, я

позабочусь о твоём обеспечении...

– Ты хочешь откупиться от меня! – закричала Кей, теряя контроль над собой. – Послушай-ка, дорогой мой, мне придется огорчить тебя! Ты не получишь развода. Я вышла за тебя замуж потому, что полюбила тебя. И я знаю, когда твоё отношение ко мне начало меняться. Это началось после того, как я призналась, что специально последовала за тобой в Эстори. Тебе хотелось думать, что нас свела сама судьба. И твоё тщеславие было сильно задето, когда ты понял, что роль судьбы сыграла я. Но должна сказать, что я ничуть не стыжусь того, что сделала. Ты влюбился в меня, и мы поженились, и я не намерена отпускать тебя обратно к этой хитрой маленькой кошке, которая вновь вцепилась в тебя своими коготками. Она думает, что победила меня, но ей придется сильно разочароваться! Я убью тебя, ты слышишь?! А потом убью и её тоже. Вы оба умрете. Я...

Невиль сделал шаг вперед и схватил её за плечи:

– Немедленно замолчи, Кей. Замолчи, ради всего святого. Ты не можешь устраивать здесь подобные сцены.

– Не могу? Это мы ещё посмотрим. Сейчас ты убедишься...

На балконе появился Харстолл. Лицо его было абсолютно бесстрастным.

– Господа, чай подан в гостиную, – объявил он.

Кей и Невиль медленно направились к дому.

Харстолл отступил в сторону, пропуская их.

На небе собирались тучи.

Дождь начался около четверти шестого. Невиль стоял у окна в своей спальне, глядя, как стекают по стеклу первые редкие капли. Их разговор с Кей так и не возобновился. После чая они разошлись по своим комнатам, избегая встречи друг с другом.

Ужин в тот вечер напоминал некий церемонный тяжкий ритуал. Невиль был погружен в собственные мысли; слой косметики на лице Кей был значительно толще обычного; Одри сидела словно застывшее привидение. Мери делала все возможное, чтобы поддержать хотя бы видимость разговора, и слегка досадовала на Томаса Ройда за то, что он плохо ей подыгрывал.

Харстолл заметно нервничал, его руки дрожали, когда он обносил всех овощными закусками.

Наконец, когда впереди забрезжило окончание этой тягостной трапезы, Невиль сказал с напускной небрежностью:

– Пожалуй, я отправлюсь после ужина в Истерхед. Навещу Латимера. Возможно, мы сыграем на бильярде.

– Не забудь взять ключ от входной двери, – сказала Мери, – на случай, если задержишься допоздна.

– Спасибо, постараюсь не забыть.

Они перешли в гостиную, где уже был сервирован кофейный стол.

Кто-то включил приемник; передаваемые новости слегка разрядили обстановку.

Кей, которая нарочито зевала в течение всего ужина, сказала, что хочет пораньше лечь спать, сославшись на сильную головную боль.

– Может быть, дать тебе таблетку аспирина? – спросила Мери.

– Да, спасибо.

Кей вышла из комнаты.

Невиль настроил приемник на музыкальную волну. Какое-то время он молча сидел на диване. Его взгляд ни разу не обратился в сторону Одри, он сидел с поникшим, несколько напряженным видом, напоминая несчастного маленького ребенка. Мери, видя его состояние, невольно испытала острую жалость.

– Пожалуй, мне пора отправляться, пока еще не слишком поздно, – поднявшись с дивана, сказал он наконец.

– Ты возьмешь машину или пойдешь к переправе?

– Наверное, к переправе. Нет смысла делать пятнадцатимильный круг. И к тому же мне хочется немного прогуляться.

– На улице дождь, ты заметил?

– Заметил. Я накину плащ. – Он направился к двери.

– Доброй ночи.

В холле к нему подошла Баррет:

– Сэр, не могли бы вы подняться к леди Трессильян? У нее есть к вам неотложный разговор.

Невиль глянул на часы. Было уже около десяти.

Пожав плечами, он поднялся на второй этаж, прошел по коридору и постучал в дверь спальни леди Трессильян. Ожидая разрешения войти, он услышал голоса в холле. Похоже, сегодня вечером все решили пораньше лечь спать.

– Входи, – раздался из-за двери ясный голос леди Трессильян.

Невиль вошел, прикрыв за собой дверь.

Леди Трессильян уже готовилась отойти ко сну. Большой свет был погашен, горела лишь маленькая настольная лампа возле ее кровати. Она читала, но сейчас отложила книгу в сторону. Лицо ее было суровым, она бросила на Невилья многозначительный взгляд поверх очков.

– Я хотела поговорить с тобой, Невиль, – сказала она.

Невиль не смог сдержать легкой усмешки.

– Слушаю, госпожа учительница, – сказал он.

Леди Трессильян не ответила на его улыбку.

– Как тебе известно, Невиль, существуют определенные правила приличия. И я не позволю, чтобы их нарушали в моем доме. У меня не было ни малейшего желания подслушивать чьи-либо разговоры, но поскольку ты со своей женой решил устроить сцену прямо у меня под окнами, то, к сожалению, я невольно услышала все, о чем вы говорили. Насколько я могла понять, ты загорелся идеей развестись с Кей, дабы вновь жениться на Одри. Я считаю, Невиль, что это совершенно недопустимо, и не желаю даже слышать об этом.

На лице Невилья отразилась внутренняя борьба, словно он пытался обуздать свои чувства.

– Я должен принести извинения за эту сцену, – коротко сказал он. – Но не могу согласиться с вашими последними словами. Это мои личные дела, и я вправе решать их, как мне угодно!

– Ошибаешься, мой дорогой. Ты воспользовался моим гостеприимством, чтобы встретиться с Одри... или, возможно, Одри сама подсказала тебе эту идею...

– Нет-нет, Одри здесь абсолютно ни при чем. Она...

Леди Трессильян остановила его повелительным взмахом руки:

– В любом случае ты не должен так поступать, Невиль. Кей – твоя жена. И ты не можешь лишить ее того, что принадлежит ей по праву. В данной ситуации я всецело на стороне Кей. Как говорится, что посеешь, то и пожнешь. И ты должен вести себя подобающим образом по отношению к Кей. У тебя есть обязанности, Невиль. Я говорю с тобой со всей откровенностью...

Невиль порывисто шагнул вперед.

– Но вы не сможете запретить мне... – начал он повышенным тоном.

– И вот еще что, – продолжала леди Трессильян, не обращая внимания на его протесты. – Одри завтра же уедет отсюда...

– Вы не можете так поступить! Все равно это не остановит меня.

– Не ори на меня, Невиль.

– Я просто говорю, что не допущу...

Где-то в коридоре хлопнула дверь.

Алиса Бентам, молодая служанка, выглядела явно озадаченной. Она вошла на кухню и, взглянув на кухарку своими выпуклыми желтоватыми, точно крыжовник, глазами, сказала:

– О миссис Спайзер, я просто не знаю, что мне делать.

– Что с тобой случилось, Алиса?

– Да не со мной, а с мисс Баррет... Около часу назад я отнесла ей чай. Но она так крепко спала, что даже не проснулась. Правда, я не стала тогда сильно тормозить ее. И затем, минут пять назад, я опять заглянула к ней, потому что она все еще не спустилась вниз, а уже настало время нести чай ее милости. В общем, сейчас мисс Баррет по-прежнему спит... Я не смогла ее разбудить.

– Ты ее хорошенько потрясла?

– Да, миссис Спайзер. Я долго тормозила ее... Но она лежит неподвижно, и лицо у нее какого-то ужасного синеватого цвета.

– Господи, уж не померла ли она?

– О нет, миссис Спайзер, я слышала, как она дышит. Хотя дыхание какое-то неровное и хриплое. Мне кажется, она заболела.

– Ладно, я сама поднимусь к ней и выясню, в чем дело. А ты отнеси чай ее милости. Она, наверное, уже беспокоится. Да налей лучше свежую чашку.

Алиса послушно сделала все, что ей сказали, а миссис Спайзер отправилась на третий этаж навестить Баррет.

Подойдя с чайным подносом к спальне леди Трессильян, Алиса тихонько постучала в дверь. Помедлив немного, она постучала погромче и, не дождавшись ответа, вошла в комнату. Почти в то же мгновение послышались дикие крики и звон разбивающейся посуды; Алиса выбежала из комнаты и, слетев вниз по лестнице, едва не сбила с ног проходившего в столовую Харстолла.

– О мистер Харстолл... Там... там побывали грабители... Ее милость мертва... ее убили... У нее проломлена голова... и повсюду кровь...

Рука ловкого итальянца

Суперинтендант Баттл наслаждался своим отпуском. Впереди было еще три дня, и он немного расстроился, что погода изменилась и зарядил дождь. Что же еще можно ожидать от Англии? Хотя, надо признать, ему удалось все-таки погреться на солнышке; до сегодняшнего дня погода была просто великолепной.

Он спокойно завтракал со своим племянником, инспектором Джеймсом Личем, когда вдруг зазвонил телефон.

– Я приеду прямо сейчас, сэр, – сказал Джим и повесил трубку.

– Что-то серьезное? – спросил суперинтендант Баттл, подметив, как изменилось лицо его племянника.

– Нам предлагают расследовать убийство леди Трессильян. Это некая старая больная дама, хорошо известная в этих краях. Ей принадлежит тот большой дом в Солткрике, что стоит на краю скалы.

Баттл кивнул.

– Надо, пожалуй, переговорить со стариком... – Так неуважительно Лич назвал шефа местной полиции. – Он был ее другом. Может быть, мы съездим вместе?

Он направился к двери.

– Я надеюсь, дядя, вы поможете мне разобраться в этом деле? – с мольбой в голосе сказал Лич. – Я впервые сталкиваюсь с преступлением такого рода.

– Ладно, раз уж я все равно здесь. Ограбление со взломом, не так ли?

– Пока не знаю.

Спустя полчаса майор Роберт Митчел, начальник полиции, уже сообщал все печальные подробности дяде и племяннику.

– Разумеется, рано пока делать окончательные выводы, – сказал он. – Но одна вещь кажется очевидной. Виновных надо искать в доме. Это не ограбление. Мы не обнаружили никаких следов взлома. Сегодня утром все окна и двери были заперты.

Он взглянул прямо на Баттла.

– Как вы смотрите на то, чтобы я попросил Скотленд-Ярд поручить вам это расследование? Раз уж вы так удачно оказались здесь... К тому же, учитывая ваши родственные отношения с инспектором Личем, я надеюсь, вы не откажетесь посодействовать ему. Хотя, конечно, вам придется прервать отпуск.

– Об этом не беспокойтесь, – сказал Баттл. – Вам достаточно только получить разрешение от сэра Эдгара (сэр Эдгар Коттон был комиссаром Скотленд-Ярда), но, насколько я знаю, он ведь ваш друг?

Митчел кивнул:

– Да, думаю, мне удастся уговорить его. Значит, решено! Я поговорю с ним прямо сейчас. Соедините меня со Скотленд-Ярдом, – сказал он, сняв телефонную трубку.

– Вы считаете, сэр, что это очень сложное дело? – поинтересовался Баттл.

– Да, дело, возможно, непростое, – серьезно сказал Митчел. – Но главное, мы должны исключить возможность ошибки. Мы должны быть совершенно уверены в нашем преступнике, будь то мужчина или женщина.

Баттл кивнул. Он очень хорошо понимал, что кроется за этими словами.

«Похоже, он догадывается, кто сделал это, – подумал Баттл. – И его не радуют собственные предположения. Даю голову на отсечение, что это какая-то известная личность!»

Баттл и Лич вошли в просторную, хорошо обставленную спальню. Поблизости от двери на коленях стоял один из полицейских офицеров, тщательно снимавший отпечатки пальцев с клюшки для гольфа – довольно увесистого ниблика. Головка этого ниблика была испачкана в крови, и к ней прилипло несколько седых волосков.

Возле кровати, склонившись над телом леди Трессильян, стоял доктор Лазенби, которого местная полиция обычно приглашала в качестве эксперта для установления времени и причины смерти.

Он выпрямился, печально вздохнув.

– На редкость точное попадание. Ее ударили спереди со страшной силой. Первый же удар раздробил кость и убил ее, но убийца ударил еще раз для уверенности. Это настолько очевидно, что не вызывает даже тени сомнения.

– Как давно она была убита? – спросил инспектор Лич.

– Я считаю, смерть наступила между десятью часами и полуночью.

– Вы не могли бы назвать более точное время?

– Полагаю, что нет. Необходимо учитывать все известные науке факторы. Сегодня мы не можем опираться лишь на трупное окоченение. Итак, судя по всему – не раньше десяти и не позже полуночи.

– И она была убита этой клюшкой?

Доктор глянул на металлическую головку ниблика:

– Возможно. Как славно, однако, что убийца оставил его на месте преступления. Но я могу лишь допустить, что рана нанесена этим нибликом. И если так оно и было на самом деле, то удар был нанесен не острым концом, а выпуклой задней частью головки.

– Вы не считаете, что это было довольно трудно сделать? – спросил Лич.

– Пожалуй, да, учитывая, что удар был прицельным, – согласился доктор. – Однако это область предположений, и, честно говоря, я с трудом представляю себе, как был нанесен этот удар.

Лич, повинувшись безотчетному импульсу, поднял руки, пытаясь воспроизвести подобный удар.

– Странно, это очень неудобное положение, – заметил он.

– Вот именно, – задумчиво поддержал его доктор. – Да и положение в целом кажется довольно странным. Вы видите, что ее ударили в правый

висок... И убийца мог стоять только справа от кровати, глядя ей в лицо... Слева – слишком маленькое расстояние до стены.

Инспектор Лич наострил уши.

– Левша? – предположил он.

– Я не стал бы утверждать это со всей ответственностью, – сказал Лазенби. – Слишком много неясностей. Я могу сказать, если хотите, что самым легким объяснением является то, что убийца был левшой. Но существуют и иные пути рассуждения. Предположим, например, что бедная женщина повернула голову налево во время удара. Или убийца мог отодвинуть кровать от стены, зайти с левой стороны и затем поставить кровать на место.

– Последнее маловероятно.

– Возможно, однако такое тоже допустимо. Я не раз встречался с подобными случаями и могу заверить вас, молодой человек, версия о том, что смертельный удар был нанесен левшой, имеет много проколов.

Сержант уголовной полиции Джонс, не отрываясь от своей работы, заметил:

– Это обычная клюшка для игры правой рукой.

Лич кивнул.

– И все-таки ею мог воспользоваться мужчина, которому она не принадлежала. Ведь, я полагаю, это был мужчина? Как вы думаете, доктор?

– Не обязательно. Если этот массивный ниблик действительно был орудием убийства, то и женщина вполне могла нанести такой удар.

Суперинтендант Баттл сказал своим тихим, спокойным голосом:

– Но вы не можете поклясться, доктор, что именно клюшка является орудием убийства?

Лазенби бросил на него внимательный взгляд:

– Вы правы. Я могу поклясться только в том, что она могла быть использована как орудие убийства. Я могу сделать анализ крови и определить группу... Также я могу определить принадлежность волос, прилипших к этой клюшке.

– Да, хорошо, – одобрительно сказал Баттл. – Никогда не мешает проверить все досконально.

– А у вас, суперинтендант, есть какие-то сомнения относительно этого ниблика? – с любопытством спросил Лазенби.

Баттл отрицательно покачал головой:

– О нет, нет. Я – простой человек и привык верить тому, что видят мои глаза. Ее ударили чем-то массивным и тяжелым – этот предмет достаточно массивный, на нем кровь и волосы, и, вероятнее всего, это ее кровь и

волосы. Ergo, клюшку использовали в качестве орудия убийства.

– Интересно, – сказал Лич, – бодрствовала она или спала, когда ее ударили?

– По-моему, бодрствовала. На лице ее сохранилось удивленное выражение. И смею сказать... правда, это только субъективное, частное мнение, – она не ожидала того, что случится. Нет никаких признаков борьбы... ни следа ужаса или страха. Я мог бы представить себе лишь два варианта – либо она только что проснулась и смутно осознавала происходящее, либо она знала своего убийцу и совершенно не предполагала, что он может причинить ей вред.

– Настольная лампа была включена, а верхний свет погашен, – задумчиво сказал Лич.

– Да, это возможно в обоих случаях. Она могла включить лампу, внезапно проснувшись, когда некто вошел в ее комнату. Или же она просто не выключала ее.

Сержант Джонс поднялся с колен.

– Прекрасный набор отпечатков, – сказал он, удовлетворенно улыбаясь. – Просто идеальная четкость.

– Это должно упростить нашу работу, – с глубоким вздохом произнес Лич.

– Услужливый малый, – заметил доктор Лазенби. – Оставил орудие убийства, отпечатки пальцев... Удивительно, почему он не оставил еще и свою визитную карточку!

– Возможно, – предположил суперинтендант Баттл, – он просто потерял голову. Такое бывает.

Доктор кивнул:

– Весьма правдоподобно. Ну что ж, я должен идти, меня ждет здесь еще один пациент.

– Какой пациент? – вдруг оживившись, поинтересовался Баттл.

– За мной послал здешний дворецкий еще до того, как обнаружили это преступление. Сегодня утром они не смогли разбудить служанку леди Трессильян, сейчас она находится в коматозном состоянии.

– Что с ней случилось?

– Сильно одурманена одним из барбитуратов. Состояние ее весьма тяжелое, но, думаю, она выкарабкается.

– Служанка?.. – сказал Баттл. Взгляд его немного выпуклых глаз медленно поднялся по длинному шнуру колокольчика, большая кисть которого покоилась на подушке рядом с головой убитой.

Лазенби понимающе кивнул, проследив за его взглядом:

– Точно так. Это первое, что должна была сделать леди Трессильян в случае тревоги, – потянуть за кисть и призвать свою служанку. Однако она могла бы дергать ее до посинения. Этой ночью Баррет не могла бы услышать ее.

– Об этом определенно позаботились, не так ли? – сказал Баттл. – Каково ваше мнение, доктор? Она обычно принимала снотворное?

– Убежден, что нет. В ее комнате нет даже пакета с подобными снадобьями. И я понял, каким именно способом ее усыпили. Снотворное было подсыпано в настой сенны. Она заваривает сенну и пьет эту настойку ежевечерне.

Суперинтендант Баттл потер рукой подбородок.

– Гм... – произнес он. – Кому-то были хорошо известны порядки, заведенные в этом доме. Вы знаете, доктор, пожалуй, это крайне необычное убийство.

– Ну, – сказал Лазенби, – вам решать.

– Какой приятный человек этот доктор, – сказал Лич, когда доктор покинул спальню.

В комнате леди Трессильян остались только Лич и Баттл. Фотографии были сделаны, все измерения записаны. Теперь оба полицейских досконально знали комнату, где было совершено преступление.

Баттл рассеянно кивнул, отвечая на замечание своего племянника. Казалось, он был чем-то сильно озадачен.

– Как ты думаешь, мог кто-то взять эту клюшку, скажем, в перчатках, после того как были сделаны отпечатки пальцев?

Лич отрицательно мотнул головой:

– Нет, пожалуй. Да вы и сами так не думаете. Никто другой не мог воспользоваться этой клюшкой... Я имею в виду, что если бы такое случилось, то отпечатки пальцев оказались бы смазанными. А они не смазаны. Они идеально четкие. Вы сами знаете.

Баттл согласился:

– Да, сейчас нам предстоит очень любезно и вежливо попросить всех домохозяев позволить нам снять отпечатки их пальцев. Конечно, никакого принуждения, исключительно по желанию. Скорее всего, никто не откажется, и тогда нас могут ждать только два варианта. Либо ни один из отпечатков не совпадет с исходными, либо...

– Либо мы узнаем искомого мужчину?

– Я полагаю, так. Или, возможно, искомую женщину.

Лич отрицательно покачал головой:

– Нет, женщина тут ни при чем. Отпечатки на клюшке были оставлены

мужской рукой. Слишком велики для женщины. И кроме того, это не женское преступление.

– Ты прав, – согласился Баттл. – Чисто мужское преступление – жестокость, сила, некоторая спортивность и глуповатость. Подходит ли кто-то в этом доме под такое описание?

– Пока я никого не видел. Все они должны были собраться в столовой.

– Что ж, пойдем поглядим на них. – Он обернулся, бросив через плечо взгляд на кровать, и заметил: – Не нравится мне этот колокольчик...

– С чего бы это?

– Он как-то не укладывается в общую картину, – ответил Баттл и, открыв дверь, добавил: – Я не понимаю, кому могло понадобиться убивать ее? Конечно, множество вздорных старых дам сами напрашиваются на то, чтобы их треснули по черепу. Но эта производит совершенно иное впечатление. Мне кажется, что ее любили. – Он помолчал немного и затем спросил: – А ведь она, наверное, была богата? Кому достанутся ее деньги?

Лич понял, что скрывается за этими словами.

– Похоже, вы попали в точку! Возможно, здесь и кроется ответ. В первую очередь надо будет выяснить денежный вопрос.

Пока они спускались на первый этаж, Баттл просматривал список домочадцев.

– Мисс Олдин, мистер Ройд, – вслух читал он, – мистер Стрендж, миссис Стрендж, миссис Одри Стрендж. Гм... семейство Стренджей явно преобладает.

– Это две его жены, насколько я понимаю.

– Уж не предстоит ли нам встретиться с Синей Бородой? – приподняв брови, пробурчал суперинтендант Баттл.

Все семейство собралось в столовой за накрытым столом, хотя трапеза, похоже, была явно безрадостной.

Суперинтендант Баттл окинул пронизательным взглядом повернувшиеся к нему лица. Он оценивал их по своему, особому, методу. Его мнение удивило бы их, если бы они смогли прочесть его мысли. Данный метод предполагал крайне суровую и пристрастную оценку. Конечно, закон предписывал считать любого человека невиновным, пока не доказана его виновность. Но суперинтендант Баттл обычно рассматривал каждого, кто связан с убийством, как некоего потенциального убийцу.

Он последовательно обвел глазами всех присутствующих: во главе стола, бледная и напряженная, сидела Мери Олдин, рядом с ней Томас Ройд набивал очередную порцию табака в свою трубку; далее, откинувшись на спинку стула, сидела Одри, держа в правой руке кофейную чашку с

блюдцем, а в левой – сигарету; следующим был Невиль, выглядевший совершенно ошеломленным и растерянным, он дрожащими руками пытался прикурить сигарету; и наконец, Кей, она сидела, облокотившись на стол, бледность ее лица была заметна даже сквозь слой пудры. Суперинтендант Баттл бегло оценивал каждого, и вот каковы были его мысли: «Предположим, это мисс Олдин. Хладнокровная особа и, надо отметить, определенно очень неглупая женщина... Не так-то легко будет пробить ее броню. Мужчина за ней – темная лошадка, – покалеченная рука, непроницаемое лицо, возможно, страдает комплексом неполноценности. Далее, я полагаю, первая жена – напугана до смерти, – да, да, очень сильно напугана. Как-то странно она держит чашку с кофе. Следующий сам мистер Стрендж; где-то я видел его прежде. Он весь трясется – нервишки пошаливают. Рыжеволосая яркая девица – чертовски темпераментна. В голове ее, возможно, тоже черти водятся».

Пока Баттл делал свои критические умозаключения, инспектор Лич произносил маленькую официальную речь. Мери Олдин представила всех присутствующих поименно.

В заключение она сказала:

– Конечно, это было для нас ужасным потрясением, но мы постараемся помочь вам, чем только сможем.

– Для начала нам необходимо выяснить, – сказал Лич, поднимая руку с клюшкой, – кому принадлежит эта клюшка. Кто-нибудь может ответить?

Тихо вскрикнув, Кей сказала:

– Какой ужас! Неужели этой... – Она не договорила.

Невиль встал и, обойдя вокруг стола, подошел к Личу:

– Похожа на мою. Могу ли я поближе рассмотреть ее?

– Да, *теперь* можете, – сказал инспектор Лич. – Пожалуйста, возьмите ее.

Его многозначительно сказанное «теперь», казалось, не произвело никакого впечатления на присутствующих. Невиль осмотрел клюшку.

– Мне кажется, ниблик из моего набора, – сказал он. – Я могу уточнить это через пару минут. Пойдемте со мной, если желаете.

Полицейские последовали за ним к вместительному чулану под лестницей. Он открыл дверь, и в глазах Баттла буквально зарябило от хаотического изобилия теннисных ракеток. Его бывшее недоумение тут же прошло – он вспомнил, где видел раньше Невиля Стренджа.

– Сэр, – быстро сказал он, – я не раз видел вашу игру в Уимблдоне.

– Да? Вполне возможно, – сказал Невиль, слегка повернув голову.

Он отбросил в сторону несколько ракеток. Под ними, привалившись к

рыболовным снастям, стояли два мешка с клюшками для гольфа.

– В гольф играем только моя жена да я, – пояснил Невиль. – Вот это, по-моему, мужские клюшки. Да, точно – это мой набор.

Он вытащил мешок, вмещавший по меньшей мере четырнадцать клюшек.

«Такие спортивные парни, – подумал Лич, – обычно крайне высокого мнения о собственной персоне. Ох и достается же, наверное, от него мальчикам, прислуживающим при игре в гольф».

– Это набор нибликов от Уолтера Хадсона из Сент-Эсберта, – сказал Невиль.

– Благодарю вас, мистер Стрендж. Это может помочь нам решить один вопрос.

– Чего я не могу понять, так это почему ничего не украли. И замки, похоже, никто не взламывал. – Его голос звучал недоумевающе и в то же время испуганно.

Баттл сказал себе: «Они все уже подумали об этом, несомненно».

– Слуги, – сказал Невиль, – исключительно порядочные люди.

– Насчет слуг я поговорю с мисс Олдин, – уклончиво сказал инспектор Лич. – А между тем я хотел спросить, не могли бы вы подсказать нам, кто являлся поверенным леди Трессильян?

– Асквит и Трелони, – не задумываясь ответил Невиль, – из Сент-Лу.

– Благодарю вас, мистер Стрендж. Нам необходимо выяснить у них все, что касается состояния леди Трессильян.

– Вы хотите узнать, кто наследует деньги? – спросил Невиль.

– Совершенно верно, сэр. Ее последняя воля, завещание, в общем, все распоряжения.

– Насчет ее личного завещания мне ничего не известно, – сказал Невиль. – Насколько я знаю, у нее было не так много собственных средств. Но я могу вам сказать об основной части состояния Трессильянов.

– Да, мистер Стрендж?

– Оно переходит ко мне и моей жене по завещанию умершего сэра Метью Трессильяна. Леди Трессильян имела только определенное пожизненное содержание.

– Ах вот оно что! – Инспектор Лич взглянул на Невилля с повышенным вниманием человека, который обнаружил в антикварной лавке ценное добавление к своей домашней коллекции. Этот взгляд заставил Невилля нервно передернуться. Инспектор Лич задал следующий вопрос, в его голосе появилась приторная сладость: – А вы случайно не знаете, какова сумма наследства, мистер Стрендж?

– Точно не могу сказать. Около ста тысяч фунтов, я полагаю.

– Ах вот как! Значит, каждый из вас получит по сто тысяч?

– Нет, они должны быть поделены между нами.

– Понятно. Весьма солидная сумма.

Невиль улыбнулся и спокойно сказал:

– Знаете, у меня вполне приличный годовой доход, и я совершенно не жаждал получить это наследство.

После предложенного объяснения инспектор Лич выглядел несколько огорошенным.

Они вернулись в столовую, и Лич выступил с очередной маленькой речью. На сей раз по поводу отпечатков пальцев – обычная процедура, позволяющая исключить всех домочадцев, которые бывали в спальне убитой леди. Каждый выразил готовность помочь следствию, оставив свои отпечатки. Для этой цели всех препроводили в библиотеку, где сержант Джонс поджидал их с набором своих специальных принадлежностей. Баттл и Лич начали опрос слуг.

Полученная от них информация была не особенно важной. Харстолл объяснил, как он обычно запирает дверь в дом, и клялся, что утром обнаружил все в неприкосновенности. Не было никаких следов взлома. Входная дверь, пояснил он, была заперта на ключ. Хотя надо сказать, что на засов ее не закрыли, чтобы можно было открыть снаружи. Это было сделано специально, так как мистер Невиль отправился вчера вечером в «Истерхед-Бей» и мог вернуться поздно.

– Вам известно, когда вернулся мистер Стрендж?

– Да, сэр. Я думаю, было около половины третьего ночи. И мне кажется, он вернулся не один. Я слышал голоса, затем от дома отъехала машина, и мистер Стрендж запер дверь и поднялся к себе.

– А в какое время он отправился вчера в «Истерхед-Бей»?

– Около двадцати минут одиннадцатого. Я слышал, как хлопнула входная дверь.

Лич кивнул. Похоже, в данный момент спрашивать Харстолла было больше не о чем. Инспектор побеседовал с другими слугами. Все они пребывали в возбужденном и испуганном состоянии, что было, однако, вполне объяснимо в таких обстоятельствах.

Завершала вереницу слуг слегка истеричная судомойка, и, когда дверь за ней закрылась, Лич вопросительно взглянул на дядю.

– Надо вернуть одну из служанок, – сказал Баттл. – Не ту пучеглазую, а высокую и худосочную, с кислой миной. Она что-то знает.

Эмма Уэльс явно нервничала. Ее встревожило, что вопросы на сей раз

начал задавать этот рослый и широкоплечий пожилой мужчина.

– Я просто хотел дать вам один маленький совет, мисс Уэльс, – любезно сказал он. – Как вы знаете, не следует ничего утаивать от полиции. Иначе это может вызвать определенные подозрения... Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду...

Эмма Уэльс негодуя, но встревожено запротестовала:

– Я уверена, что ничего...

– Ну-ну, не стоит так переживать. – Баттл поднял свою квадратную ладонь. – Вы кое-что видели или, может быть, слышали... Так что же это было?

– Я не слишком хорошо слышала... А с другой стороны, не могла не слышать... И мистер Харстолл тоже наверняка слышал. Но я никак не думала, что это может иметь какое-то отношение к убийству.

– Возможно, и нет, возможно, и нет. Просто расскажите нам, что это было.

– Ну, я уже собиралась идти спать. Это было в самом начале одиннадцатого. И прежде чем направиться к себе, зашла в комнату мисс Олдин, чтобы, как обычно, положить ей в кровать грелку с горячей водой. Летом или зимой, она вечно мерзнет. И конечно, мне пришлось пройти мимо дверей ее милости.

– Продолжайте, – сказал Баттл.

– Ну и я услышала, что она и мистер Невиль говорят на повышенных тонах. Явно ссорятся. Он что-то кричал. Но это была вполне пристойная, обычная ссора!

– Припомните, пожалуйста, о чем они говорили?

– Да я специально не подслушивала, знаете ли.

– Я понимаю. Вы просто случайно разобрали некоторые слова.

– Ее милость говорила, что будто бы не потерпит чего-то в своем доме, а мистер Невиль сказал: «Не смейте ничего говорить ей!» Он был сильно возбужден.

Баттл с совершенно бесстрастным видом попытался выведать у нее еще какие-нибудь подробности, но толком ничего не добился и в итоге отпустил женщину.

Переглянувшись друг с другом, Баттл и Лич немного помолчали.

– Должно быть, Джонс сейчас уже может сказать нам что-нибудь о тех отпечатках, – сказал наконец Лич.

– А кто у нас осматривает комнаты? – спросил Баттл.

– Уильямс. Он старательный парень, ничего не упустит.

– Ты предупредил всех домочадцев, чтобы не совали пока туда носа?

– Да, до тех пор, пока Уильямс не закончит.

В эту минуту открылась дверь, и в комнату просунулась голова молодого Уильямса.

– Я хотел показать вам кое-что. В комнате мистера Невиля Стренджа.

Они встали и последовали за ним в апартаменты, находившиеся в западном крыле дома.

Уильямс показал им на смятый костюм, лежавший на полу. Темно-синий пиджак, жилет и брюки.

– Где ты нашел их? – резко спросил Лич.

– Они лежали, связанные в узел, на дне гардероба. Вот, посмотрите сюда, сэр. – Он поднял пиджак и повернул к свету край темно-синего рукава. – Видите эти темные пятна? Провалиться мне на этом месте, если это не кровь, сэр. И вот здесь еще, смотрите, – забрызган весь рукав.

– Гм... – Баттл избежал жадных взоров своих помощников. – Должен сказать, плохи дела мистера Невиля. Есть еще костюмы в его комнате?

– Темно-серый в полоску – висит на стуле. И целая лужа воды на полу возле раковины.

– Похоже на то, что он в дьявольской спешке смывал с себя кровь. Кстати, вот еще лужа, возле окна, хотя, впрочем, вчера был довольно сильный дождь.

– Ну не такой уж сильный, сэр, чтобы оставить такие лужи на полу. Они до сих пор еще не высохли.

Баттл молчал. Некая картина сформировалась перед его мысленным взором. Мужчина с окровавленными руками срывает с себя запачканную кровью одежду и, засунув ее в стенной шкаф, в ярости смывает с себя следы преступления.

Он взглянул на дверь, ведущую в соседнюю комнату.

Уильямс понял его взгляд:

– Там спальня миссис Стрендж, сэр. Дверь заперта.

– Заперта? С этой стороны?

– Нет. С той.

– Выходит, она сама заперла ее, да?

Баттл задумчиво помолчал пару минут.

– Пожалуй, – наконец сказал он, – надо еще разок поговорить с дворецким.

Харстолл заметно нервничал.

– Почему вы не рассказали нам, – решительно начал Лич, – что вчера вечером слышали ссору между мистером Стренджем и леди Трессильян?

– Да я и думать забыл об этом, сэр, – сказал старик, недоумевающе

хлопая глазами. – На самом деле я даже не назвал бы это ссорой. Обычный мирный разговор, просто они не сошлись во мнениях.

подавив искушение сказать: «Черта с два, обычный мирный разговор!» – Лич продолжил:

– Какой костюм был вчера за ужином на мистере Стрендже?

Харстолл озадаченно молчал.

– Темно-синий или серый в полоску? – спокойно уточнил Баттл. – Осмелюсь напомнить вам, что если вы не заметили, то мы можем узнать это у других.

– Сейчас я вспомнил, сэр. Он был в темно-синем костюме. В этой семье, – добавил он, – беспокоясь о престиже, не принято менять костюм к ужину во время летних месяцев. После ужина они зачастую выходят прогуляться в сад или к причалу.

Баттл удовлетворенно кивнул. Харстолл направился к двери и вышел, пропустив в комнату сержанта Джонса. Глаза сержанта горели ликующим огнем.

– Верное дело, сэр. Я снял все их отпечатки, и только одни совпадают с искомыми. Конечно, я провел пока лишь приблизительное сравнение, но могу поклясться, что ошибки не будет.

– Итак? – сказал Баттл.

– Отпечатки пальцев на ручке ниблика, сэр, принадлежат мистеру Невиллю Стренджу.

Баттл откинулся на спинку стула.

– Что ж, – сказал он, – похоже, дело решенное, не так ли?

Они сидели в кабинете шефа полиции – трое мужчин с серьезными, озабоченными лицами.

Майор Митчел сказал со вздохом:

– Итак, я полагаю, нам не остается ничего другого, как арестовать его?

– Похоже на то, сэр, – спокойно ответил инспектор Лич.

Митчел взглянул на суперинтенданта Баттла.

– Веселей, Баттл, – дружелюбно сказал он. – Можно подумать, что ты хоронишь лучшего друга.

Суперинтендант Баттл тяжело вздохнул.

– Не нравится мне все это, – сказал он.

– Думаю, это не нравится никому из нас, – согласился Митчел. – Но насколько я понимаю, мы имеем более чем достаточно улик, чтобы выдвинуть обвинение.

– Вот именно, более чем достаточно, – подчеркнул Баттл.

– Фактически, если мы не арестуем его, то любой может спросить, какого лешего мы медлим?

Баттл уныло кивнул.

– Давайте подведем итоги, – сказал шеф полиции. – Мы имеем мотив: Стрендж и его жена получают значительную сумму денег после смерти старой леди. Далее, он, как известно, последним видел ее живой, при этом слышали, как он ссорился с ней. Костюм, в котором он был в тот вечер, испачкан в крови; и, конечно, самое главное – его отпечатки пальцев обнаружены на орудии убийства... Только его, и ничьи другие.

– И однако, сэр, – сказал Баттл, – вам все это тоже не нравится.

– Будь я проклят, если это не так.

– А почему, в сущности, вам не нравится это дело, сэр?

Майор Митчел нахмурился и потер нос.

– Возможно, потому, что этот парень выглядит тут уж совсем идиотом? – предположил он.

– Однако, сэр, порой убийцы действительно ведут себя достаточно глупо.

– О да, я знаю, знаю. Что бы мы делали, если бы это было не так?

– А что ты, Джим, думаешь по этому поводу? – спросил Баттл.

Лич беспомощно пожал плечами:

– Я всегда с симпатией относился к мистеру Стренджу. Мне не раз

приходилось встречать его здесь раньше. Он очень приятный джентльмен, отличный спортсмен.

– Ну, скажем, я вполне допускаю, – медленно начал Баттл, – что отличный теннисист может быть также способен на убийство. В этом нет ничего странного. – Он сделал паузу и добавил: – Мне лично не нравится этот злосчастный ниблик.

– Ниблик? – слегка озадаченно переспросил Митчел.

– Да, сэр, или, возможно, колокольчик. Колокольчик или ниблик – одно из двух. – Голос у Баттла стал тихий и сосредоточенный. – Давайте подумаем, как все это произошло на самом деле. Допустим, мистер Стрендж пришел к ней в комнату, разгорячился во время ссоры и в ярости хватил ее клюшкой по голове. Если так и это было непреднамеренное убийство, то с какой стати он притащил с собой эту клюшку? Кто будет на ночь глядя разгуливать с клюшкой для гольфа?

– Он мог отрабатывать мах или еще что-нибудь в этом роде.

– Мог, разумеется, но никто не видел его за этим занятием. Последний раз его видели с клюшкой в руке неделю назад где-то на пляже, когда он практиковался в ударах на песке. Понимаете, насколько я себе представляю, такая ситуация в целом выглядит довольно странно. Я имею в виду то, что он во время ссоры вышел из себя. Уверяю вас, я видел его на корте, на одном из тех турниров, где теннисные звезды зачастую впадают в настоящее бешенство. Их нервы напряжены до предела. В таких партиях отлично видно, кто умеет сдерживать себя, а кто – нет. И я никогда не видел, чтобы мистер Стрендж неистовствовал. Должен вам сказать, он отлично владеет собой – лучше многих... И однако мы предположили, что он обезумел от пары острых фраз и ударил бедную, слабую старушку по голове.

– Мы можем рассмотреть и другой вариант, Баттл, – сказал майор Митчел.

– Я понимаю, сэр. Поговорим теперь о преднамеренном убийстве. Допустим, он хотел прибрать к рукам ее деньги. В данном случае понятно, почему под рукой оказался колокольчик, который тянется к одурманенной служанке, но тогда становятся непонятными клюшка и ссора. Если он задумал убить ее, то должен был воздержаться от каких-либо ссор. Конечно, он мог усыпить служанку, затем ночью прокрасться в комнату старой леди, треснуть ее по голове, инсценировать маленькое ограбление, а потом вымыть клюшку и спокойно положить ее обратно в мешок! Что-то здесь не так, сэр. На редкость странная смесь холодного расчета и непреднамеренной ярости... Эти две вещи несовместимы!

– Да, Баттл, ваши рассуждения вполне логичны... Но... какой еще вариант у нас остается?

– Эта клюшка не дает мне покоя, сэр.

– Никто другой не мог ударить ее по голове этой клюшкой, не смазав отпечатки пальцев Невилля, – это совершенно очевидно.

– В таком случае, – сказал Баттл, – ее могли ударить чем-нибудь другим.

Майор Митчел сделал глубокий вдох:

– Довольно странное предположение, вам не кажется?

– Нет, я полагаю, это здравая мысль, сэр. Или Стрендж ударил ее тем ниббликом, или же никто не ударял. Я голосую за второй вариант. В таком случае этот нибблик положили туда намеренно, испачкав в крови и прилепив пару волосков. Доктор Лазенби, кстати, тоже не вполне уверен, что удар нанесен ниббликом. Он признал это лишь из-за очевидности улик. Но он не мог сказать точно, каким именно предметом воспользовался убийца.

Майор Митчел откинулся на спинку стула.

– Продолжайте, Баттл, – сказал он. – Предоставляю вам свободу действий. Какой следующий шаг?

– Давайте исключим эту клюшку, – сказал Баттл. – Что останется? Первое – мотив. Имел ли в действительности Невиль Стрендж мотив лишить жизни леди Трессильян? Конечно, он наследует деньги. Но мне кажется, здесь многое зависит от того, действительно ли он нуждался в этих деньгах. Он говорит, что нет. Я полагаю, мы сможем проверить это. Выясним состояние его финансов. Если он кругом в долгах, то подозрение вполне может оказаться обоснованным. Но с другой стороны, если он сказал правду и его финансовые дела в хорошем положении, то зачем тогда...

– Ну и что же дальше?

– А дальше мы сможем выяснить, нет ли у других обитателей этого дома известных мотивов...

– То есть вы считаете, что Невилля Стренджа подставили?

Суперинтендант Баттл крепко зажмурил глаза.

– Мне все время лезет в голову одна фраза, не помню только, где я читал ее. Там говорится что-то о руке ловкого итальянца. Именно так мне представляется наше дело. С виду – тупое, жестокое, прямое преступление, но мне кажется, здесь кроется нечто большее... Рука ловкого итальянца, которая скрыта за занавесом...

В комнате повисла задумчивая тишина, наконец шеф полиции взглянул на Баттла и сказал:

– Возможно, вы и правы. Черт возьми! В этом деле действительно что-то неладно. И что вы думаете делать сейчас? Каков план операции?

Баттл погладил подбородок.

– Видите ли, сэр, – сказал он. – Я всегда предпочитаю действовать самым очевидным способом. Все было организовано так, чтобы подозрение пало на Невиля Стренджа. Отлично, давайте будем подозревать его. Конечно, нет необходимости доводить дело до ареста, но намекнуть надо. Поспрашивать, нагнать страху – и понаблюдать, какова будет реакция каждого в этой компании. Проверить его слова и с особой тщательностью выяснить все его передвижения той ночью. Фактически мы будем играть в открытую.

– Просто Макиавелли, – усмехнувшись, сказал майор Митчел. – Гениальный актер Баттл в роли неуклюжего, глуповатого полицейского.

Суперинтендант улыбнулся:

– Я всегда предпочитаю делать то, что от меня ожидают, сэр. На сей раз я намерен немного потянуть время. Надо ненавязчиво выведать кое-какие детали. А раз мы подозреваем мистера Невиля Стренджа, то у нас есть отличный повод сунуть нос туда и сюда, возможно, что-то и разнюхаем. Знаете, у меня создалось впечатление, что обстановка в этом доме довольно странная.

– Ищите женщину?..

– Можно и так сказать, сэр.

– Что ж, Баттл, идите вашим собственным путем. Думаю, вы с инспектором Личем сможете решить это дело.

– Благодарю вас, сэр, – сказал Баттл, вставая. – Вам не удалось выяснить ничего стоящего у поверенных?

– Нет, я звонил им. Мистер Трелони мне хорошо знаком. Он послал мне копии завещаний сэра Метью и леди Трессильян. У нее было пять сотен годового дохода – это ее личное состояние, вложенное в надежные ценные бумаги. Она оставила определенное наследство Баррет, небольшую сумму Харстоллу и все остальное – мисс Олдин.

– Этих троих надо взять на заметку, – сказал Баттл.

Митчел выглядел довольным.

– До чего ж вы подозрительны! Неужели вы готовы подозревать всех и каждого?

– Конечно, пятьдесят тысяч фунтов – завораживающая сумма, но есть смысл выяснить и остальное, – твердо сказал Баттл. – Сколько убийств было совершено из-за каких-нибудь пятидесяти или даже двадцати фунтов. Все зависит от того, знаете ли, насколько сильно человек нуждается в

деньгах. Баррет должна была получить наследство... возможно, она предусмотрительно одурманила себя, чтобы отвести подозрение.

– Она еще слишком часто теряет сознание. Доктор Лазенби пока не позволил нам расспросить ее.

– Ну ведь она могла переусердствовать со снотворным по неведению. Кроме того, и Харстолл, судя по всему, может сильно нуждаться в наличных деньгах, да и мисс Олдин, если у нее нет собственного состояния. Возможно, она хотела скорее получить кругленькую сумму и пожить полной жизнью, пока еще молода.

Шеф полиции с сомнением посмотрел на него.

– Ладно, – сказал он, – все это вам предстоит выяснить. Принимайтесь за работу.

Вернувшись в Галлс-Пойнт, Баттл и Лич выслушали отчеты Уильямса и Джонса.

Ничего подозрительного или наводящего на размышления в спальнях домочадцев обнаружено не было. Слуги шумно требовали, чтобы им разрешили приступить к работе по дому. Вроде можно было уже и снять запрет.

– Наверное, и впрямь уже можно, – сказал Баттл. – Только я сначала пройдуся по комнатам двух верхних этажей. Неубранные комнаты зачастую позволяют узнать об их хозяевах много полезного.

Сержант Джонс положил на стол маленькую картонную коробку.

– Здесь несколько волосков, которые я обнаружил на темно-синем костюме мистера Невиля Стренджа, – с гордостью заявил он. – Рыжие волосы были на обшлаге рукава, а светлые – на внутренней стороне воротника и правом плече.

Баттл вынул из коробочки пару длинных рыжих и полдюжины светлых волосин. Он внимательно посмотрел на них, и в его глазах появилась веселая усмешка.

– Очень удобно, – заметил он. – В этом доме всего одна блондинка, одна рыжая и один брюнет. Поэтому мы сразу видим, что сие может означать. Рыжий волос на обшлаге, белокурый на воротнике... Похоже, мистер Невиль Стрендж отчасти все-таки унаследовал качества Синей Бороды. Обнимает вторую жену и в то же время подставляет плечо первой.

– Сэр, кровь с рукава взяли на анализ. Они позвонят нам, как только получат результаты.

Лич кивнул.

– Как насчет слуг?

– Я следовал вашим инструкциям, сэр. Никому из них не грозило увольнение, и, похоже, никто не мог затаить злобу на хозяйку. Она была строга, но ее очень любили. В любом случае слугами управляла мисс Олдин. Она пользуется среди них большим уважением.

– Да, едва взглянув на нее, я подумал, что она очень сведущая и умная женщина, – сказал Баттл. – Если она – наша убийца, то ее будет не так легко поймать.

Джонс встревоженно посмотрел на него:

– Но, сэр, ведь отпечатки пальцев на ниблике...

– Знаю, знаю, – подхватил Баттл, – исключительно любезно оставлены мистером Стренджем. Бытует мнение, что спортсмены не слишком обременены мозгами (кстати, нередко весьма справедливое), но я не могу поверить в то, что Невиль Стрендж – полный идиот. А что вы узнали насчет сенны, которой пользовалась служанка?

– Пакет всегда стоял на полочке в ванной комнате для прислуги на третьем этаже. Обычно днем Баррет заливала траву водой и настаивала до вечера, пока не отправлялась спать.

– То есть кто угодно мог отравить настойку! Любой из домашних, я хотел сказать.

– Совершенно очевидно, – с убежденностью сказал Лич, – это работа кого-то из домашних.

– Да, я тоже так считаю. Конечно, это не одно из тех преступлений, когда внешний мир может остаться вне подозрений. Вовсе нет. Кто-то мог раздобыть ключ и попросту, открыв дверь, проникнуть в дом. У Невилля Стренджа был ключ вчера ночью, но ведь совсем несложно сделать копию, а возможно, чья-то опытная рука орудовала отмычкой. Но я сомневаюсь, что посторонний человек знал о колокольчике и о том, что Баррет принимает на ночь сенну! Такими знаниями могли обладать только домашние! Пойдем, Джим, мой мальчик. Поднимемся наверх и посмотрим эту ванную и все остальные комнаты.

Они начали с третьего этажа. Первой комнатой оказался чулан, набитый сломанной мебелью и всяким ненужным старьем.

– Я заглядывал сюда, сэр, – сказал Джонс. – Но не знал, что...

– Что тебе искать? Вполне понятно. Пустая трата времени. Судя по пыли на полу, сюда никто не заглядывал по меньшей мере полгода.

На верхнем этаже располагались комнаты слуг и еще две свободные спальни с ванными комнатами; Баттл заглядывал в каждую комнату и окидывал ее беглым взглядом, замечая, например, то, что Алиса, пучеглазая служанка, спит с закрытым окном; что худосочная высокая Эмма имеет великое множество родственников, фотографии которых толпились на ее комод, и что Харстолл бережно хранит пару изделий дорогого, хотя и треснувшего дрезденского фарфора и статуэтки, изображавшие любящих пастушков.

Комната кухарки содержалась в идеальном порядке, а у судомойки, напротив, царил полный хаос. Баттл прошел в ванную комнату, находившуюся возле лестницы. Уильямс показал на длинную полочку над раковиной, где расположились стаканчики с зубными щетками, массажные щетки, различные мази, бутылочки с солями и шампунями. Пакет с сенной

стоял открытый почти на краю полки.

– Никаких отпечатков на стакане или пакете?

– Только самой служанки. Я снял их у нее в комнате.

– Вовсе не обязательно было дотрагиваться до стакана, – сказал Лич. – Должно быть, порошок просто высыпали в настой.

Баттл спускался по лестнице вслед за Личем. Между третьим и вторым этажом поблескивало стеклами высокое, довольно неудобно расположенное окно. В углу стоял длинный шест с крюком на конце.

– С помощью этого шеста открывают фрамугу, – объяснил Лич. – Но окно хитро устроено, открыть его можно только отсюда, снизу. А пространство наверху слишком узкое, через него никакой грабитель не сможет залезть в дом.

– Я и не думал, что кто-то пытался проникнуть внутрь, – сказал Баттл. Его глаза были серьезны и задумчивы.

Спустившись на второй этаж, он заглянул в первую спальню, принадлежавшую Одри Стрендж. Хозяйка этой комнаты явно была приучена к порядку и любила свежий воздух, на туалетном столике лежала массажная щетка из слоновой кости, вся одежда была аккуратно убрана в шкаф. Баттл заглянул в гардероб. Два простых костюма, пара вечерних туалетов, одно или два летних платья. Одежда в основном была дешевой; сшитые на заказ изящные туалеты были дорогие, но не новые.

Баттл удовлетворенно покачал головой. Он постоял пару минут возле письменного стола, поигрывая перьями, подносик с которыми располагался слева от промокашки.

Уильямс сказал:

– В бумагах на столе и в корзине для мусора не обнаружено ничего мало-мальски интересного.

– Вашего слова мне вполне достаточно, – заверил его Баттл. – Пожалуй, не стоит больше здесь задерживаться.

Они проследовали дальше.

Томас Ройд аккуратностью определенно не отличался, одежда была разбросана где попало. Трубки и табачный пепел – на столе и возле кровати, на которой лежал раскрытый посередине томик Киплингова «Кима».

– Привык, что за ним убирают туземцы, – сказал Баттл. – Почитывает старых любимцев. Консервативный, похоже, тип.

Комната Мери Олдин была маленькой, но уютной. Баттл скользнул взглядом по книгам о путешествиях, расставленным на полке, и старинным массажным щеткам в слегка помятой серебряной оправе. Обстановка и

цветовая гамма этой комнаты были более современными по сравнению с остальными комнатами в доме.

– А вот она не так уж консервативна, – заметил Баттл. – Фотографий тоже не держит. Видно, она не из тех, кто живет прошлым.

Далее шли три или четыре свободные комнаты, в которых, однако, поддерживались чистота и порядок, на случай неожиданных гостей, и пара ванных комнат. Следующей была большая сдвоенная спальня леди Трессильян. Затем, спустившись по трем узким ступенькам, полицейские оказались перед апартаментами, занимаемыми четой Стрендж.

Баттл не стал тратить много времени на комнату Невилля. Он выглянул из раскрытого настежь окна; стена дома переходила в отвесную скалу, ныряющую в темную речную гладь. Окно выходило на запад, из него открывался вид на скалистый мыс Старк-Хед, его пустынная и малопривлекательная громада грозно поднималась из воды.

– Солнце приходит сюда после полудня, – пробормотал Баттл. – Но утром, должно быть, довольно уныло. К тому же скверный запах морских водорослей во время отлива. Этот пустынный мыс производит мрачное впечатление. Неудивительно, что он привлекает самоубийц!

Он прошел в смежную просторную комнату, дверь в которую оказалась незапертой.

Там царил настоящий разгром. Снятая одежда была разбросана повсюду – тонкие, как паутинка, чулки, прозрачное нижнее белье, примеренные и отвергнутые джемперы; модельное летнее платье небрежно свисало со спинки кресла. Баттл заглянул в стенной шкаф. Он был набит мехами, роскошными вечерними туалетами, шортами, свитерами и спортивными костюмами.

Баттл почти уважительно закрыл дверцы шкафа и усмехнулся.

– Дорогостоящие вкусы, – заметил он. – По всей видимости, ее туалеты обходятся супругу в кругленькую сумму.

– Может быть, поэтому... – загадочно начал Лич и умолк, не закончив фразы.

– Поэтому он нуждался в сотне или хотя бы в пятидесяти тысячах фунтов? Возможно. Думаю, мы легко сможем узнать это, спросив его самого.

Они спустились в библиотеку. Уильямсу поручили сообщить слугам о том, что они могут приниматься за обычные повседневные дела. Всем обитателям дома было разрешено вернуться в свои комнаты, когда они того пожелают. Также их предупредили, что инспектор Лич хотел бы побеседовать в библиотеке с каждым в отдельности, начиная с мистера

Невиля Стренджа.

Уильямс отправился исполнять поручения, а Баттл и Лич удобно расположились в креслах за массивным викторианским столом. Молодой полицейский с блокнотом сидел в углу комнаты, держа наготове карандаш.

– Для начала допрос поведешь ты, Джим, – сказал Баттл. – Постарайся быть повнушительнее, надо слегка на них надавить. – Джим понимающе кивнул, а Баттл, задумчиво нахмурившись, потер пальцами подбородок. – Хотел бы я знать, – сказал он, – почему у меня из головы не выходит Эркюль Пуаро.

– Вы говорите о том старом чудаке-бельгийце? Комичный малый!

– Комичный? Черта с два! – воскликнул Баттл. – Он почти так же хитер и опасен, как черная мамба^[4] и пантера, вместе взятые. Да, да, как раз когда Пуаро начинал строить из себя этакого фигляра или шута, он и был наиболее опасен! Хотелось бы мне, чтобы он оказался здесь, – это дело явно пришлось бы ему по нраву. Он отлично распутывал такие клубки.

– Какие клубки?

– Психологические, – сказал Баттл. – Тонкий психолог – не то что эти полуиспеченные, скороспелые умники, которые ни черта не смыслят в нашем деле. – Он с возмущением вспомнил о мисс Амфри и своей дочери Сильвии. – Да, настоящий подлинный знаток точно знает, как заставить шарики крутиться. Заставить убийцу разговориться – это один из его методов. Рано или поздно правда невольно выплывет наружу, – в сущности, лгать гораздо труднее. Поэтому, не придавая значения некоторым мелочам, преступник делает маленький промах – и тогда ты припираешь его к стенке.

– То есть вы собираетесь поставить под удар Невиля Стренджа?

Баттл с рассеянным видом выразил согласие и затем с некоторым раздражением и озадаченностью добавил:

– Но что же все-таки беспокоит меня? Что именно пытается подсказать мне Эркюль Пуаро? Я вспомнил о нем где-то наверху. Да, несомненно, я увидел там нечто такое, что навеяло мне воспоминания об этом маленьком чудаке...

Эти размышления были прерваны появлением Невиля Стренджа.

Он выглядел бледным и встревоженным, но нервничал гораздо меньше, чем за завтраком. Баттл проницательно посмотрел на него. Невероятно, что человек в данной ситуации не проявляет ни повышенной нервозности, ни вызывающей агрессивности, ведь он понимает – вернее, должен понимать, если в его голове есть хоть пара извилин, – что чьи-то отпечатки пальцев обнаружены на орудии преступления и что полиция уже

сличила их с его собственными отпечатками и готова предъявить ему обвинение.

Однако Невиль Стрендж выглядел вполне естественно – потрясенный, обеспокоенный, печальный – немного робости и настороженности, но все в разумных пределах.

Джим Лич наконец нарушил молчание.

– Мы хотели бы услышать от вас, мистер Стрендж, ответы на некоторые вопросы, – сказал он своим благозвучным голосом с мягким западным выговором. – С одной стороны, речь пойдет о ваших вчерашних ночных передвижениях, а с другой – о важных уликах, обнаруженных нами. В то же время я должен предупредить вас, что вы не обязаны отвечать на вопросы. Возможно, вы предпочитаете вызвать своего адвоката? Тогда мы продолжим допрос в его присутствии.

Лич откинулся назад, наблюдая, какое впечатление произвела его речь.

Невиль Стрендж пребывал, очевидно, в полном недоумении.

«Либо он не имеет ни малейшего представления о том, что мы обнаружили, либо он чертовски хороший актер», – отметил для себя Лич.

– Так как же, мистер Стрендж? – с нажимом произнес он, не дождавшись ответа Невиля.

Невиль сказал:

– О да, конечно. Спрашивайте меня о чем угодно.

– Вы понимаете, – вежливо сказал Баттл, – что все ваши слова будут записаны и впоследствии могут быть использованы в суде в качестве официальных показаний?

– Вы что, угрожаете мне? – раздраженно вспыхнув, резко бросил Стрендж.

– О нет, мистер Стрендж, как можно?! Мы предостерегаем вас.

Невиль пожал плечами:

– Я полагаю, все это ваша обычная формальная процедура. Начинайте.

– Вы готовы дать показания?

– Да, если вам угодно считать таковыми мои ответы.

– Тогда, будьте добры, расскажите нам подробно, как вы провели вчерашний вечер. Скажем, начиная со времени ужина и до возвращения домой.

– Пожалуйста. После ужина мы все вышли в гостиную. Пили кофе и слушали приемник – новости, музыку и так далее. Затем я решил прогуляться и навестить одного парня в отеле «Истерхед-Бей» – моего друга.

– Как имя вашего друга?

– Латимер. Эдвард Латимер.

– Близкий друг?

– Нет, скорее просто приятель. Мы довольно часто встречались с ним в последнее время, с тех пор как он приехал сюда. Он заезжал к нам на ленч и ужин, а мы навещали его в отеле.

– А не поздновато ли вы собрались в «Истерхед-Бей»? – спросил Баттл.

– О нет, подобные увеселительные заведения работают всю ночь.

– Но в этом доме, по-моему, принято рано ложиться спать, не так ли?

– В принципе да. Однако я взял с собой ключ от входной двери. Мое возвращение никому не причинило хлопот.

– А ваша жена не выразила желания составить вам компанию?

– Нет, у нее разболелась голова. – Голос Невилля слегка изменился, в его тоне появилась непонятная напряженность. – К тому времени она уже поднялась к себе.

– Продолжайте, прошу вас, мистер Стрендж.

– Я решил зайти в свою комнату и переодеться...

– Извините, мистер Стрендж, – прервал его Лич, – переодеться во что? В вечерний костюм? Или, напротив, снять его?

– Ни то ни другое. Я был в своем лучшем синем костюме – так уж случилось. Но начался дождь... А я намеревался дойти до переправы и на том берегу прогуляться до отеля, а это, как вам известно, составляет около полумили. Поэтому я переоделся в один из своих старых костюмов – серый в полоску, если уж вы хотите знать все подробности.

– Мы хотим иметь полную картину, – скромно сказал Лич. – Пожалуйста, продолжайте.

– Итак, как я уже сказал, я поднимался по лестнице, когда Баррет вышла мне навстречу и сказала, что леди Трессильян желает поговорить со мной. Поэтому мне пришлось зайти к ней и... выслушать несколько наравоучений.

– Вы были последним, кто видел ее живой, – мягко сказал Баттл. – Не так ли, мистер Стрендж?

Невиль вспыхнул:

– Да... да, вероятно, так. Тогда с ней еще было все в порядке.

– Как долго вы пробыли у нее?

– Думаю, минут двадцать, может, полчаса, потом я прошел в свою комнату, переоделся и поспешил вниз. Я захватил ключи и вышел из дома.

– Вы не запомнили точное время?

– Ну, я полагаю, было около половины одиннадцатого. Лодка должна

была отойти через несколько минут, и я быстро спустился к причалу, чтобы переправиться на берег Истерхеда. В отеле я нашел Латимера. Мы с ним выпили, поиграли в бильярд. Время пролетело как-то незаметно, и в результате я обнаружил, что опоздал на последнюю ночную переправу. Она бывает в половине второго. Поэтому Латимер любезно предложил свои услуги и отвез меня домой на своей машине. Мы ехали по окружной дороге через Солтингтон, а это около шестнадцати миль, как вы знаете. Мы выехали часа в два ночи и примерно через полчаса были уже здесь. Я поблагодарил Теда Латимера, пригласил его выпить, но он сказал, что предпочитает сразу вернуться в отель. После этого я вошел в дом и напрямик отправился спать. Должен сказать, что я не заметил ничего необычного. Казалось, весь дом погружен в мирный, спокойный сон. Затем сегодня утром я услышал крики девушки и...

Лич остановил его:

– Достаточно, достаточно, мистер Стрендж. А сейчас вернемся немного назад – к вашему разговору с леди Трессильян. Вы не заметили в ее поведении ничего необычного?

– Нет, совершенно ничего.

– О чем же вы беседовали?

– Да так, о том о сем.

– Дружелюбно?

Невиль вспыхнул:

– Разумеется.

– А к примеру, не произошло ли между вами, – плавно продолжал Лич, – какой-либо серьезной размолвки?

Невиль медлил с ответом.

– Поймите, вам лучше рассказать правду, – предупредил Лич. – Скажу откровенно, ваш разговор был достаточно хорошо слышен в коридоре.

– Да, мы слегка разошлись во мнениях по определенному вопросу. Ничего особенного.

– И какова же была суть этого вопроса?

Невиль с трудом подавил в себе раздражение. Он овладел собой и улыбнулся.

– Если честно, – сказал он, – она меня отругала. Такое случалось довольно часто. Если она не одобряла чье-то поведение, то давала понять это совершенно ясно, словом – рубила сплеча. Знаете, она придерживалась старомодных традиций и резко отрицательно относилась ко всем новым веяниям, к современным взглядам на брак, развод и так далее. Мы немного поспорили, и, возможно, я слегка погорячился, но расстались мы вполне

по-дружески... Хотя каждый остался при своем мнении. – Он помолчал и порывисто добавил: – Неужели вы думаете, что у нас был такой бурный спор, что я обезумел и разбил ей голову?! Это абсолютно невозможно!

Лич вопросительно взглянул на Баттла. Суперинтендант подался вперед и грузно облокотился на стол.

– Сегодня утром вы признали, что обнаруженная нами клюшка для гольфа принадлежит вам. Можете вы объяснить нам тот факт, что на ней обнаружены отпечатки ваших пальцев?

Невиль удивленно посмотрел на него.

– Я... Но почему, собственно, их не должно быть там, – резко сказал он. – Это же моя клюшка, я часто играл ею.

– Вы не совсем поняли мой вопрос. Как вы можете объяснить то, что именно сегодня утром на ней были найдены ваши отпечатки... То есть *вы были последним человеком, державшим ее в руках...*

Невиль сидел совершенно неподвижно. Краска отхлынула от его лица.

– Это неправда, – сказал он наконец. – Не может такого быть. Кто-то мог взять ее после меня... предположим, в перчатках...

– Нет, мистер Стрендж, ваше предположение ошибочно, никто не мог взяться за ручку ниблика, не повредив ваших собственных отпечатков.

В комнате наступила тишина. Пауза была очень долгой.

– О господи! – с судорожным вздохом сказал наконец Невиль и весь передернулся. Он закрыл глаза руками.

Двое полицейских пристально наблюдали за ним. Затем он резко опустил руки и напряженно выпрямился.

– Это неправда, – спокойно сказал он. – Это просто не может быть правдой. Вы полагаете, что я убил ее, но я не делал этого. Клянусь, я не убивал ее. Это какая-то ужасная ошибка.

– Значит, вы не можете предложить нам никаких разумных объяснений по поводу ваших отпечатков?

– Но что я могу сказать? Я в полнейшем недоумении.

– А как вы объясните нам тот факт, что рукава вашего темно-синего костюма испачканы в крови?

– В крови? – сдавленным шепотом с ужасом произнес он. – Не может быть!

– Не могли ли вы, скажем, порезаться где-то?..

– Нет. Точно нет.

Они выжидательно помолчали.

На лбу Невилля Стренджа появилась резкая складка, казалось, он погрузился в размышления. Наконец он взглянул на них испуганными,

полными ужаса глазами.

– Это невозможно! – воскликнул он. – Просто невероятно. Все это какой-то бред.

– Факты достаточно убедительны, – сказал суперинтендант Баттл.

– Да я просто не мог это сделать! Зачем?.. Это невообразимо... Невероятно! Я знал Камиллу с детства.

Лич сдержанно кашлянул:

– Насколько я понимаю, мистер Стрендж, вы сами сказали, что после смерти леди Трессильян вам достанется изрядная сумма денег...

– И вы считаете, что из-за... Но я не нуждаюсь в деньгах! У меня достаточно своих средств!

– Возможно, – опять слегка кашлянув, предположил Лич, – это всего лишь слова, мистер Стрендж.

Невиль вскочил со стула:

– Послушайте, как раз это я могу доказать. Мне действительно не нужны деньги. Позвольте мне позвонить в банк, и вы сами сможете выяснить все у моего управляющего.

Он подошел к телефону. Линия оказалась свободной, и через несколько минут его соединили с Лондоном.

– Это вы, Рональдсон? – спросил Невиль. – Говорит Невиль Стрендж. Вы узнаете мой голос? Послушайте, можете вы предоставить полиции – я сейчас передам трубку инспектору – всю информацию о состоянии моих денежных дел?.. Да, да, пожалуйста.

Лич взял трубку. Он говорил спокойно, последовательно задавая вопросы и выслушивая ответы.

Наконец он повесил трубку.

– Ну что? – порывисто спросил Невиль.

– Да, у вас и правда крепкое финансовое положение, банк следит за вашими вложениями и считает, что ваши денежные дела в прекрасном состоянии.

– Вот именно, теперь вы видите, что я сказал правду!

– Похоже на то... И тем не менее, мистер Стрендж, вы можете иметь, скажем, долговые обязательства или необходимость заплатить какому-нибудь шантажисту. Возможно также, что у вас есть те или иные потребности, требующие больших денег, о которых нам пока не известно.

– Какие потребности? Я уверяю вас, мне вполне хватает моего состояния. Вам не удастся обнаружить никаких долгов и прочих обязательств.

Суперинтендант Баттл расправил свои широкие плечи.

– Я уверен, что вы согласитесь с моими словами, – произнес он доброжелательным, почти отечески нежным голосом, – если я скажу вам, что мы имеем достаточно улик, чтобы потребовать ордер на ваш арест. Однако мы не сделали этого... пока... Как вы понимаете, мы склонны верить вам и предоставить возможность оправдаться.

– Значит, вы уже решили для себя, что это сделал я, не так ли? – с горечью в голосе сказал Невиль. – Но вам не хватает мотива преступления, чтобы выдвинуть против меня обвинение.

Баттл хранил молчание. Лич разглядывал потолок.

– Это словно какой-то ужасный сон! – в отчаянии воскликнул Невиль. – И я даже не могу ничего сказать, не знаю, как выпутаться из этой ситуации. Словно я попал в какую-то ловчую яму, из которой невозможно выбраться.

Суперинтендант Баттл слегка откинул назад голову. В его умных, полуприкрытых веками глазах промелькнула искра одобрения.

– Очень точно подмечено, – сказал он. – На редкость точно. Вы подсказали мне одну идею...

Сержанту Джонсу удалось ловко спровадить Невиля в холл и затем провести Кей с балкона так, что муж и жена не встретились.

– Тем лучше, – сказал Баттл. – Именно с ней мне хотелось бы побеседовать, пока она еще пребывает в полном неведении.

День стоял мрачный, с резким ветром, и все небо было затянуто облаками. На Кей была твидовая юбка и фиолетовый свитер; волосы, обрамлявшие ее лицо, блестели, как начищенный медный шар. Она выглядела испуганной и взволнованной. Ее яркая, живая красота производила особо сильное впечатление на фоне темного викторианского интерьера, книжных шкафов и массивных кресел. Лич довольно бегло расспросил ее о вчерашнем вечере.

У нее болела голова, и она рано пошла спать – вероятно, в начале десятого. Спала она крепко и ничего не слышала до следующего утра, когда проснулась, услышав чьи-то крики.

Баттл взял инициативу в свои руки:

– Ваш муж не зашел справиться о вашем здоровье вчера вечером, прежде чем уйти из дома?

– Нет.

– Вы не видели его с того момента, как покинули гостиную, и до самого утра? Правильно?

Кей кивнула.

Баттл потер пальцами подбородок.

– Миссис Стрендж, сегодня утром дверь между вашей комнатой и комнатой вашего мужа была заперта на ключ. Кто запер ее?

– Я, – коротко ответила Кей.

Баттл ничего не сказал, но он ждал – как мудрый, опытный кот, он следил за норкой и ждал, когда мышка высунется.

Его молчание подразумевало, что ответ далеко не полный. Наконец Кей запальчиво воскликнула:

– Ах да! Я полагаю, вы хотите знать всю предысторию! Этот на ладан дышащий, трясущийся Харстолл наверняка слышал, как мы ссорились перед чаем. Уж он-то, конечно, расскажет вам все на случай, если я сама этого не сделаю. Возможно даже, он уже рассказал... Мы с Невилем серьезно поссорились... В общем, у нас была бурная сцена! Я ужасно рассердилась! Не могла успокоиться до самого вечера, я просто вся кипела

от ярости! Ну и, поднявшись к себе, я, естественно, заперла дверь.

– Да, да, я понимаю вас, – самым что ни на есть сочувственным тоном сказал Баттл. – И какова же была причина вашей ссоры?

– Разве это важно? Что ж, мне нечего скрывать. Невиль вел себя как настоящий идиот. Хотя во всем виновата эта мадам.

– Какая мадам?

– Его бывшая жена. Во-первых, она заманила нас сюда.

– Вы хотите сказать, что она хотела встретиться с вами?

– Да, Невиль считает, что это была его собственная идея, – святая наивность! Как бы не так! Он даже не думал о таком до тех пор, пока однажды не встретил ее в Гайд-парке. И она ловко заронила эту мысль в его голову... Да-да, он совершенно искренне верит в то, что это была его собственная идея, но я с самого начала чувствовала, что за всем этим скрывается ловкая ручка Одри.

– Но что могло побудить ее к этому? – спросил Баттл.

– Как что?! Разумеется, она стремится заполучить его обратно! – сказала Кей. Она говорила очень быстро, почти задыхаясь. – Она никак не может простить ему, что он ушел ко мне. Это ее месть. Она заставила его организовать нашу встречу в Галлс-Пойнте и сразу же начала его обхаживать. Сразу, как только мы приехали. Знаете, она очень умна. Отлично прикидывается эдаким трогательным и слабым созданием... И знает, как заставить других подыграть ей. Одновременно с нами она заманила сюда Томаса Ройда. Этот бедняга предан ей как собака, он всегда обожал ее. В общем, она стала просто сводить Невилья с ума, притворяясь, что собирается выйти замуж за Томаса.

Кей умолкла, задохнувшись от ярости.

– Мне казалось, – мягко сказал Баттл, – ваш муж мог бы только порадоваться тому... э-э... что она найдет свое счастье со старым другом.

– Порадоваться? Вот уж нет, он стал чертовски ее ревновать.

– Тогда, должно быть, он очень любит ее.

– Да, вы правы, – с горечью сказала Кей. – И ей это отлично известно!

Баттл все еще с сомнением теребил подбородок.

– Но ведь вы могли отказаться от этой затеи и не приезжать сюда. Разве не так?

– Как я могла? Он подумал бы, что я ревную!

– Однако, в конце концов, – заметил Баттл, – так оно и есть на самом деле. Ведь вы ревнуете?

Кей вспыхнула:

– Да, я ревновала его к Одри с самого начала нашего знакомства – или

почти с самого начала. Я постоянно ощущала ее присутствие в нашем доме. Словно это был ее дом, а не мой. Я переставила всю мебель, сменила обивку, но ничего не помогало! Я чувствовала, что она, как серая тень, вползает в каждую комнату, в каждый уголок. А Невиль очень переживал, считая, что плохо обошелся с ней, – я видела это, – и он никак не мог выбросить ее из головы... Она словно немой укор повсюду следовала за ним, и он в глубине души постоянно испытывал чувство вины. Знаете, есть такие странные люди... Они кажутся довольно бесцветными и неприметными, но ты постоянно ощущаешь их присутствие.

Баттл задумчиво кивнул:

– Хорошо, благодарим вас, миссис Стрендж. Наверное, на сегодня все. Мы должны прояснить еще... э-э... множество вопросов... в частности, относительно наследства вашего мужа... Ведь после смерти леди Трессильян он получит большие деньги – пятьдесят тысяч фунтов...

– Неужели так много! Мы должны получить их по завещанию умершего сэра Метью, правда?

– Вы тоже знали об этом?

– Да. Он распорядился, чтобы после смерти леди Трессильян его деньги были поделены между Невилем и его женой. Но не думайте, что я обрадовалась, узнав о ее смерти. Это не так. Конечно, я не особенно любила ее, вероятно, потому, что она не любила меня... Но мне даже страшно представить, что какой-то грабитель проник в дом и проломил ей голову.

С этими словами Кей вышла из библиотеки. Баттл взглянул на Лича:

– Ну и какого ты мнения о ней? Лакомый кусочек, должен признать. Мужчины с легкостью теряют голову из-за таких красоток.

Лич согласился.

– Хотя мне кажется, – с сомнением добавил он, – ей далеко до настоящей леди.

– Да, но таких вообще вряд ли сыщешь в наше время, – заметил Баттл. – Может, посмотрим теперь на ее предшественницу? Или нет, я думаю, следующей мы пригласим мисс Олдин, чтобы образовать, если можно так выразиться, внешний угол зрения к этому матримониальному треугольнику.

Мери Олдин спокойно вошла в библиотеку и села. Внешне она выглядела спокойно, только в глазах стояла тревога.

Она достаточно четко отвечала на вопросы Лича, подтвердив рассказ Невиля о предыдущем вечере. Спать она пошла около десяти часов.

– Мистер Стрендж находился у леди Трессильян?

– Да, я слышала, как они разговаривают.

– Разговаривают, мисс Олдин, или ссорятся?

Она вспыхнула, но ответила спокойно:

– Видите ли, леди Трессильян была любительницей дискуссий. Ее слова зачастую бывали довольно язвительными, хотя по натуре она была совсем не такая. Также ей была свойственна известная авторитарность, она подавляла людей, навязывая собственное мнение... А мужчина воспринимает подобную манеру общения не так легко, как женщина.

«Как вы, например», – подумал Баттл. Он смотрел на ее умное, бесстрастное лицо.

Мери Олдин первой нарушила молчание:

– Я не хотела бы показаться глупой... Но мне кажется невероятным – совершенно невероятным – то, что вы можете подозревать кого-то из людей, живущих в этом доме. Почему преступником не мог быть посторонний человек?

– По нескольким причинам, мисс Олдин. Во-первых, ничего не украдено и все замки целы. Мне нет нужды напоминать вам географическое расположение вашего дома и сада – просто представьте его себе мысленно. С запада к реке ведут отвесные скалы; с юга – пара террас, ограниченных стеной, и спад к реке; с востока – садовые склоны тянутся вниз почти до самого берега, но и они окружены высокой стеной. Существуют только две возможности проникновения в ваш дом извне – через маленькую дверь в садовой ограде, которая сегодня утром, как обычно, была закрытой, и через парадную входную дверь в дом – также со стороны дороги. Я не говорю, что никто не мог, например, перелезть через стену или воспользоваться запасным ключом от входной двери, – в сущности, она легко открывается и с помощью отмычки... Но скажу вам, что, насколько я могу судить, никто не предпринимал подобных попыток. Тот, кто совершил это преступление, знал, что Баррет каждый вечер принимает настойку сенны, и подсыпал в нее снотворное... А это приводит нас к одному из домашних. Небезызвестный вам ниблик опять-таки взяли из чулана под лестницей. Нет, мисс Олдин, это был не посторонний человек!

– Но это не Невиль! Я уверена, это не Невиль!

– Почему вы так уверены?

Она беспомощно развела руками:

– Он совершенно не такой человек... Вот почему. Он не мог убить немощную, старую женщину, прикованную к постели... Нет, это не Невиль!

– Звучит не слишком убедительно, – резонно заметил Баттл. – Вы удивились бы, узнав, какие ужасные поступки совершают люди, когда их вынуждают к этому какие-либо особые причины или обстоятельства. Возможно, мистер Стрендж крайне нуждался в деньгах.

– Я уверена, что это не так. Он далеко не расточителен. И у него никогда не было дорогостоящих вкусов и привычек.

– А как насчет его жены?

– Кей? Да, она, возможно, увеличила его расходы... Но все равно эта причина просто смехотворна. Я убеждена, что последнее время Невиль вообще не думал о деньгах.

Суперинтендант Баттл осторожно кашлянул.

– Кей, должно быть, рассказала вам обо всем, как я полагаю, – продолжала Мери. – Да, сложившаяся ситуация и правда достаточно сложная. Однако она не имеет ничего общего с этим ужасным делом.

– Может быть, и нет, но все же, мисс Олдин, я хотел бы услышать ваше мнение об этом щекотливом положении.

Мери Олдин задумчиво произнесла:

– Ну, как я уже сказала, ситуация сложилась достаточно сложная... Не знаю, кто именно был виновником...

– Я так понял, – проворно вставил Баттл, – что это была идея мистера Невиля Стренджа.

– Да, так он говорит.

– Но сами вы не верите ему?

– Не знаю... Как-то это не похоже на Невиля. У меня всегда было такое чувство, будто кто-то подсказал ему эту идею.

– Возможно, мисс Одри Стрендж?

– Нет, мне кажется маловероятным, что у Одри могло возникнуть подобное желание.

– Но кто же еще мог быть причастен к этому?

Мери беспомощно пожала плечами:

– Не имею представления. Все это очень странно...

– Странно... – в раздумье протянул Баттл. – Именно такая мысль возникает у меня, когда я размышляю об этом деле. Очень странная складывается картина.

– Такое же чувство преследует меня последние две недели. Очень странное ощущение, я даже затрудняюсь определить его. Как будто что-то витает в воздухе... Некая угроза...

– Все были взвинчены до предела?

– Да-да, именно так. Мы все просто измучились. Даже мистер

Латимер... – Она умолкла.

– Я как раз собирался перейти к мистеру Латимеру. Что вы можете рассказать нам о нем, мисс Олдин? Кто такой мистер Латимер?

– Ну, честно говоря, я не слишком хорошо его знаю. Он друг Кей.

– Вот как, он друг миссис Стрендж? И давно они знакомы?

– Да, она знала его еще до замужества.

– Мистер Стрендж хорошо к нему относится?

– Вполне сносно, я полагаю.

– То есть между ними нет никаких проблем? – тактично спросил Баттл.

– Абсолютно никаких! – не задумываясь воскликнула Мери.

– А леди Трессильян дружелюбно относилась к мистеру Латимеру?

– Не особенно.

Баттл уловил отчужденные нотки в ее голосе и сменил тему:

– Давайте поговорим о вашей больной служанке, Джейн Баррет. Давно она служит у леди Трессильян? Вы считаете, что она заслуживает доверия?

– О, несомненно. Она была бесконечно предана леди Трессильян.

Баттл откинулся на спинку кресла:

– То есть вы и в мыслях не допускаете того, что Баррет могла ударить леди Трессильян по голове, а затем принять снотворное, чтобы отвести от себя подозрение.

– Разумеется, нет. Зачем, скажите на милость, ей это делать?

– А вы знаете, что она должна была получить определенное наследство?

– Так же как и я, – сказала Мери Олдин. Она решительно и прямо взглянула на Баттла.

– Да, так же как и вы, – согласился Баттл. – И вам известно, какую сумму?..

– Только что приехал мистер Трелони. Он сказал мне.

– А прежде вы не знали?

– Нет. Конечно, по случайным намекам леди Трессильян нетрудно было догадаться, что она собирается что-то оставить мне. Видите ли, у меня очень мало собственных средств. То есть недостаточно для того, чтобы жить, не работая. Я думала, что леди Трессильян могла бы оставить мне как минимум сотню в год... Но у нее есть еще какие-то родственники, и я понятия не имела, как она распределит свои деньги. Я знала, разумеется, что состояние сэра Метью перейдет к Невиллю и Одри.

– Значит, она не знала, какую сумму завещала ей леди Трессильян, – сказал Лич, когда Мери Олдин покинула библиотеку. – По крайней мере по

ее словам.

– Да, по ее словам, – согласился Баттл. – А сейчас давай займемся первой женой Синей Бороды.

Одри была одета в светло-серый фланелевый костюм. В нем она выглядела такой бледной и бесплотной, что Баттлу сразу вспомнились слова Кей о серой тени, вползающей в каждую комнату.

На все вопросы она отвечала просто, без каких-либо признаков эмоций.

Да, она пошла спать в десять часов, одновременно с Мери Олдин, и ночью не слышала никакого шума.

– Извините, миссис Стрендж, за вмешательство в ваши личные дела, – сказал Баттл, – но не могли бы вы объяснить нам, почему вы решили приехать сюда в это время.

– Я всегда гостила здесь в сентябре. А в этом году мой... мой бывший муж захотел приехать в это же время и спросил, нет ли у меня возражений относительно его идеи.

– Значит, это было его желание?

– О да!

– Не ваше?

– О нет!

– Но вы согласились.

– Да, я согласилась... Мне казалось... Мне было как-то неловко отказывать ему.

– Почему, миссис Стрендж?

Она неуверенно помолчала.

– Людям приходится считаться с чужими желаниями.

– Вы были пострадавшей стороной?

– Простите, не поняла?

– Вы сами захотели развестись с вашим мужем?

– Да.

– А вы – извините меня за навязчивость – не таите никакой обиды на него? Вам не хотелось как-нибудь отомстить ему?

– Нет, у меня никогда не возникало такого желания.

– У вас очень великодушная натура, миссис Стрендж.

Она не ответила. Баттл выжидательно молчал... Но Одри, в отличие от Кей, было трудно поймать на такой крючок. Она молчала без какого-либо намека на беспокойство. Баттл признал себя побежденным.

– Значит, вы уверены, что идея этой встречи принадлежала не вам?

– Конечно, уверена.

– У вас сложились дружеские отношения с нынешней миссис Стрендж?

– Не думаю, что ей очень нравится мое общество.

– А вам она нравится?

– Да. Я считаю, что она очень красива.

– Хорошо. Благодарю вас. Полагаю, на этом мы можем закончить.

Одри встала и направилась к двери. Но, нерешительно помедлив у порога, она вдруг вернулась к столу.

– Мне только хотелось бы сказать вам... – быстро и взволнованно проговорила она. – Вы ведь думаете, что Невиль это сделал?.. Что он убил ее из-за денег. Я совершенно уверена, что вы ошибаетесь. Невиль всегда был равнодушен к деньгам. Я это знаю. Понимаете, мы прожили вместе восемь лет. Я просто не представляю себе, чтобы он мог пойти на такое убийство ради денег... Невиль не мог так поступить. Я понимаю, что мои слова не являются ценным доказательством. Но мне бы очень хотелось, чтобы вы поверили им.

Она повернулась и быстро вышла из комнаты.

– И что вы думаете о ней? – спросил Лич. – Я еще не встречал человека, настолько лишенного эмоций. Почти полная бесчувственность.

– Она их просто не показывает, – сказал Баттл. – Но они есть. Ею владеет какое-то очень сильное чувство. И я понятия не имею, какое именно...

Последним вошел Томас Ройд. Он уселся в кресло, угрюмый и напряженный, помаргивая глазами, как филин.

Полицейские выяснили, что он впервые за восемь лет приехал домой из Малайи. Раньше он часто гостил в Галлс-Пойнте. Его привозили сюда еще ребенком. Миссис Одри Стрендж приходилась ему дальней родственницей, она росла и воспитывалась в его семье с девяти лет. В предыдущий вечер он поднялся к себе около одиннадцати. Да, он слышал, что мистер Стрендж вышел из дома, но не видел этого. Возможно, он ушел минут в двадцать одиннадцатого или чуть позже. Ночью, как и остальные, он тоже ничего не слышал. Когда обнаружили труп леди Трессильян, он уже проснулся и гулял по саду. По натуре он был «жаворонком».

После этой партии традиционных вопросов и ответов все немного помолчали, затем Баттл спросил:

– Мисс Олдин рассказывала, что в доме сложилась довольно напряженная обстановка. Вы также заметили это?

– Нет, я так не считаю. Не заметил ничего особенного.

«Лжешь, мой милый, – подумал Баттл, – ты отлично все заметил... Я бы сказал, более чем кто-либо в этой компании».

Нет, он не думает, что Невиль Стрендж мог нуждаться в деньгах – по нему этого решительно не скажешь. Но ему лично мало что известно о состоянии дел Невиля Стренджа.

– Хорошо ли вы знаете нынешнюю миссис Стрендж?

– Нет, я впервые встретился с ней здесь.

Баттл решил выложить свой последний козырь:

– Возможно, вы знаете, мистер Ройд, что мы обнаружили отпечатки пальцев Невиля Стренджа на оружии убийства. И также мы обнаружили кровь на рукаве его пиджака, в котором он был вчера вечером.

Баттл сделал паузу. Ройд кивнул.

– Он рассказал нам, – пробурчал он.

– Я спрошу вас откровенно: вы думаете, *он* сделал это?

Томас Ройд очень не любил, когда его заставляли делать поспешные выводы. Он молчал – пауза была очень долгой – и наконец неохотно сказал:

– Не понимаю, почему вы спрашиваете об этом *меня*. Не я должен ответить на этот вопрос, а вы. Уж если вам так хочется узнать мое мнение, то могу сказать, что его причастность к этому делу кажется мне

маловероятной.

– Возможно, вы знаете человека, чья причастность может быть более вероятной?

Томас отрицательно мотнул головой:

– Единственный человек, о котором я мог бы подумать такое, был явно не в состоянии сделать это. Вот все, что я могу сказать.

– И кто же он?

Но Ройд решительно покачал головой:

– Это лишь мое субъективное мнение, и я не могу сообщать его вам.

– Ваш долг помогать полиции.

– Да, сообщать вам все факты. А это не факт. Всего лишь смутные догадки. Да и это невозможно в любом случае.

– Не многого мы добились от него, – сказал Лич после ухода Ройда.

– Да уж, совсем мало, – признал Баттл. – У него определенно есть какие-то соображения по этому поводу, причем совершенно четкие. Хотел бы я знать какие... Да, Джим, мой мальчик, это исключительно необычный тип преступления...

Лич не успел ответить, потому что зазвонил телефон. Он ответил на звонок и, молча выслушав небольшую информацию, сказал: «Отлично» – и бросил трубку.

– Кровь с рукава пиджака оказалась человеческой, – сообщил он. – Той же группы, что у леди Трессильян. Опять же все указывает на то, что Невиль Стрендж...

Баттл подошел к окну и выглянул в сад, его прищуренный взгляд выдавал сильную заинтересованность.

– На балконе появился очень красивый молодой человек, – заметил он. – Исключительно красивый и определенно безгрешный, должен сказать. Какая жалость, что Латимер – насколько я понимаю, это именно он – был в «Истерхед-Бей» прошлым вечером. Как раз такой тип мог бы пришить собственную бабушку, если бы был уверен, что никто его не заподозрит и что ему перепадет пара золотых побрякушек.

– Ну, в данном случае ему ничего не перепадает, – сказал Лич. – Смерть леди Трессильян не сулит ему никакой выгоды. – Телефон затрещал вновь. – Чертовы звонки! Что там еще случилось?

Он подошел к телефону:

– Алло. О, это вы, доктор. Что? Пошла на поправку, правда? Что? Что?.. – Он повернулся к окну: – Дядя, вы только послушайте, что он говорит.

Баттл быстро подошел к столу и взял трубку. Он молча выслушал

доктора; лицо его, как обычно, оставалось бесстрастным.

– Разыщи-ка Невилья Стренджа, Джим, – сказал он Личу, продолжая слушать доктора.

Невиль Стрендж вошел в библиотеку в тот самый момент, когда Баттл положил трубку.

Побледневший и измученный, Невиль с настороженным интересом смотрел на суперинтенданта Скотленд-Ярда, пытаясь прочесть хоть что-то на этом лице, подобном деревянной маске.

– Мистер Стрендж, – сказал Баттл, – не знаете ли вы человека, который очень сильно не любит вас?

Невиль удивленно расширил глаза и отрицательно покачал головой.

– Уверены? – выразительно спросил Баттл. – Я имею в виду, сэр, такого человека, который мало того что не любит вас, а, скажем прямо, просто до смерти ненавидит.

Невиль напряженно выпрямился и точно окаменел.

– Нет, решительно нет. Я понятия не имею, кто это может быть.

– Подумайте, мистер Стрендж. Может, вы кого-то обидели или оскорбили. Неужели нет таких людей?

Невиль вспыхнул:

– Есть только один человек, которого я, возможно, обидел, но она не из тех людей, кто таит злобу. Это моя бывшая жена, которую я оставил ради другой женщины. Но я могу заверить вас, что она вполне дружелюбно относится ко мне. Она... она просто ангел.

Суперинтендант подался вперед и, слегка нависая над столом, сказал:

– Позвольте сообщить вам, мистер Стрендж, что вы счастливый человек. Я говорил, что мне не нравились улики против вас, ведь так? Но это были серьезные улики! Они были просто неопровержимы, и если бы суд присяжных не вспыхнул вдруг к вам особой любовью, то вас непременно повесили бы.

– Вы так говорите, – сказал Невиль, – как будто все это уже в прошлом.

– Так и есть, – подтвердил Баттл. – Вы спасены, мистер Стрендж. Да-да, вас спасла чистая случайность.

Невиль по-прежнему непонимающе смотрел на него.

– Вчера, после вашего ухода, – объяснил суперинтендант, – леди Трессильян позвонила в колокольчик и вызвала служанку.

Он подождал, пока его слова дойдут до сознания Невилья.

– После моего ухода... Значит, Баррет видела ее...

– Да-да, целой и невредимой. И Баррет также видела, как вы уходили

из дома, прежде чем заглянула к своей хозяйке.

– Но эта клюшка... и мои отпечатки...

– Ее ударили не клюшкой... Доктору Лазенби с самого начала не нравилась эта версия. Я видел это. Она была убита каким-то другим предметом. А этот ниблик положили туда намеренно, чтобы навести подозрение на вас. Возможно, кто-то услышал вашу ссору и избрал вас подходящей жертвой или, возможно, также... – Он задумчиво помолчал, а затем повторил свой вопрос: – Так кто же в этом доме может ненавидеть вас, мистер Стрендж?

– У меня есть к вам пара вопросов, доктор, – сказал Баттл.

Они были в доме доктора Лазенби, куда зашли после посещения частной лечебницы, в которой лежала Баррет. Доктор наконец дал разрешение на короткий разговор.

Баррет была слабой и измученной, но с полной убежденностью поведала им о событиях злосчастного вечера.

Она уже выпила свою сенную настойку и собиралась ложиться в постель, когда вдруг задержался колокольчик леди Трессильян. Она взглянула на часы и заметила время – двадцать пять минут одиннадцатого.

Накинув халат, она спустилась на второй этаж. Из холла доносились какие-то звуки, и, задержавшись у перил, она глянула вниз.

– Мистер Невиль как раз собирался уходить. Он снял свой плащ с вешалки...

– Какой костюм был на нем?

– Знаете, такой серый в полоску. Лицо у него было очень расстроенное, почти несчастное. Он не глядя сунул руки в рукава и, даже не застегнувшись, вышел из дома, хлопнув дверью. Затем я пошла в комнату ее милости. Она была очень сонной, бедняжка, не могла вспомнить, зачем вызвала меня... Так и не вспомнила, бедная. Но я взбила подушки, принесла ей стакан свежей воды и устроила ее поудобнее.

– А она не выглядела расстроенной или испуганной?..

– Нет, просто у нее был очень утомленный вид и больше ничего. Я сама устала. Постоянно зевала. И, выйдя из ее комнаты, я поднялась к себе и сразу легла спать.

Вот что рассказала им Баррет; когда ей сообщили о смерти леди Трессильян, то ее ужас и горе были настолько очевидными, что, казалось, просто невозможно усомниться в подлинности ее чувств.

Итак, полицейские вернулись в дом доктора Лазенби, поскольку Баттл, как уже упоминалось, хотел задать пару вопросов.

– Так не тяните, спрашивайте, – сказал Лазенби.

– Как вы полагаете, в какое время умерла леди Трессильян?

– Я уже говорил вам. Между десятью часами вечера и полуночью.

– Я знаю, что вы говорили. Но я спрашиваю о другом. Что вы лично думаете по этому поводу?

– Без протокола, да?

- Да.
- Хорошо. По моим представлениям, это произошло около одиннадцати часов.
- Именно это я и хотел услышать от вас, – сказал Баттл.
- Рад служить. Но почему вас это так волнует?
- Понимаете, размышляя об этом деле, я пришел к выводу, что ее вряд ли могли убить до половины одиннадцатого. Возьмем, к примеру, снотворное, подсыпанное Баррет. К этому времени оно еще не должно было сработать. Это снотворное наводит на мысль о том, что убийство должно было произойти гораздо позже, ближе к ночи. Сам я предпочел бы полночь.
- Возможно, и так. Одиннадцать часов – это только мое предположение.
- Но оно точно не могло произойти после полуночи?
- Не могло.
- Например, после двух тридцати?
- Боже упаси, это исключено.
- Очень хорошо. Похоже, это снимает все подозрения с Невилля Стренджа. Остается только проверить его передвижения после ухода из дома. Если его рассказ подтвердится, то он совершенно чист... И нам придется продолжить поиски других подозреваемых.
- Из тех людей, кто наследует деньги? – спросил Лич.
- Возможно, – сказал Баттл. – Но почему-то я в этом далеко не уверен. Я бы поискал кого-то со странностями, с какими-то причудами...
- С причудами?
- Да, с отвратительными причудами.

Покинув дом доктора, они отправились к переправе. Так называемой переправой являлась обычная, покачивающаяся на прибрежных волнах лодка, которая принадлежала двум братьям – Биллу и Джорджу Барнезам. Братья Барнез знали в лицо всех обитателей Солткрика и тех людей, что переправлялись на эту сторону из «Истерхед-Бея». Джордж не задумываясь сказал, что мистер Стрендж из Галлс-Пойнта переправился прошлым вечером на ту сторону в 22.30. А вот обратно они его не перевозили. Последняя переправа со стороны Истерхеда бывает в 1.30, и мистера Стренджа на ней не было.

Баттл поинтересовался, не знают ли они Теда Латимера.

– Латимер... Латимер? Такой высокий красивый молодой джентльмен? Переезжает обычно из отеля в Галлс-Пойнт? Да, знаю. Хотя вчера я его не

видел. Вот сегодня утром – да, перевозил его. А недавно он вернулся обратно в Истерхед.

Переехав на другой берег, Баттл и Лич направились к отелю «Истерхед-Бей».

Там они и нашли мистера Латимера, переправившегося с другого берега Терна незадолго до них.

Мистер Латимер был очень словоохотлив и проявил страстное желание помочь следствию.

– Да, старина Невиль заходил сюда вчера вечером. Он выглядел сильно огорченным. Сказал мне, что поспорил с этой старой леди. Правда, сегодня я узнал, что он поругался и с Кей тоже, но об этом он, конечно, мне не сообщил. В общем, он пребывал в полном унынии. Мне показалось, что на сей раз он был даже до известной степени рад моему обществу.

– Ему не сразу удалось найти вас, насколько я понял?

– Да, не знаю почему, – резко сказал Латимер. – Я сидел в гостиной. Стрендж сказал, что заглядывал туда и меня не заметил, но он был слишком рассеянным. Или, возможно, я вышел прогуляться в сад минут на пять или около того. У меня довольно часто возникает желание вдохнуть свежего воздуха. Отвратительный запах в этом отеле, мы заметили его прошлым вечером в баре. Какие-то отбросы, наверное! Стрендж тоже упоминал об этом! Мы оба почувствовали этот отвратительный, гнилостный запах. Возможно, под полом в бильярдной сдохла крыса...

– Вы сыграли на бильярде, и что было потом?

– Ну, мы немного поболтали, выпили. Потом Невиль вдруг воскликнул: «Ну и ну! Я пропустил последнюю переправу!» А я сказал, что выведу свою машину и отвезу его домой. Что я и сделал. Мы были в Галлс-Пойнте примерно в два тридцать.

– Значит, мистер Стрендж был с вами весь вечер?

– Да, конечно. Спросите кого угодно. Они подтвердят.

– Благодарю вас, мистер Латимер. Мы должны очень тщательно все проверить.

Когда они распрощались с этим улыбающимся и хладнокровным молодым человеком, Лич спросил:

– Что за странная идея о необходимости столь тщательной проверки Невилля Стренджа?

Баттл улыбнулся, и Лича вдруг осенило:

– А, черт! Ведь вы небось решили проверить самого Латимера. Значит, у вас появилась идея?

– Слишком рано говорить об идеях, – сказал Баттл. – Я просто хочу

точно выяснить, как провел мистер Тед Латимер вчерашний вечер. Мы знаем, что с четверти одиннадцатого и, скажем, до полуночи он был с Невилем Стренджем. Но интересно, где он был до этого, когда Стрендж не смог его найти?

Они скрупулезно опрашивали весь персонал – барменов, официантов, лифтеров. Латимера видели в гостиной между девятью и десятью часами вечера. В четверть двенадцатого он еще сидел в баре... Но им никак не удавалось выяснить, как он провел следующий час. Затем они все-таки отыскали горничную, которая поведала им, что в это время мистер Латимер находился в одной из маленьких, уютных почтовых комнат вместе с мисс Беддоуз – толстой леди из какой-то северной страны.

– И здесь ничего не выгорело, – уныло сказал Баттл. – Он был в отеле, все в порядке. Просто не хотел привлекать наше внимание к своей пухленькой (и, несомненно, богатой) подружке. Таким образом, нам придется вернуться к обитателям Галлс-Пойнта – слугам, Кей Стрендж, Одри Стрендж, Мери Олдин и Томасу Ройду. Один из них убил старую леди, но кто именно? Если бы нам удалось найти настоящее оружие убийства... – Не договорив фразу, он вдруг хлопнул себя ладонью по бедру: – Послушай-ка, Джим, мой мальчик! Кажется, я понял, что именно заставило меня вспомнить об Эркюле Пуаро. Давай пойдем перекусим где-нибудь, а потом вернемся в Галлс-Пойнт, и я покажу тебе кое-что.

Мери Олдин не находила себе места. Она беспокойно бродила по дому и по саду, обрывая увядшие георгины; затем, вновь зайдя в гостиную, рассеянно и бесцельно переставляла вазы с цветами.

Из библиотеки доносился неясный гул голосов. Там о чем-то беседовали Невиль и недавно приехавший мистер Трелони. Кей и Одри нигде не было видно.

Мери вновь вышла в сад. Внизу у стены она заметила Томаса Ройда, спокойно попыхивающего своей трубкой. Она подошла и села рядом с ним.

– О милый Томас, – сказала она с глубоким озабоченным вздохом.

– Что-то случилось? – спросил Томас.

Мери рассмеялась, но в ее смехе явно присутствовали истерические нотки.

– Никто, кроме вас, не мог бы задать подобный вопрос. В доме – убийство, а вы спокойно спрашиваете: «Что-то случилось?»

– Я имел в виду что-нибудь новенькое, – сказал Томас, немного удивленно взглянув на нее.

– Да, да, я поняла, что вы имеете в виду. Вы ведете себя на редкость спокойно, словно ничего не произошло, и, глядя на вас, я испытываю настоящее облегчение.

– Я не вижу большого смысла в том, чтобы впадать в истерику по любому поводу. Или, возможно, вы считаете иначе?

– Нет-нет. Ваши слова совершенно справедливы. Меня поражает лишь то, как вам удастся сохранять спокойствие.

– Ну, вероятно, мне легче, поскольку я, в общем-то, посторонний человек.

– Это верно, конечно. Вы не могли испытывать того облегчения, которое почувствовали все мы, узнав, что с Невиль сняты все эти жуткие подозрения.

– О, поверьте, я очень рад за него, – сказал Ройд.

Мери нервно поежилась.

– А ведь это было почти доказано. Если бы Камилле не взбрело в голову вызвать Баррет после ухода Невилья...

– Тогда старина Невиль был бы вполне подходящей кандидатурой на роль злодея. – Томас произнес последние слова с каким-то мрачным удовлетворением, но, встретив упрекающий взгляд Мери, тряхнул головой

и слегка улыбнулся: – Не считайте меня таким уж бессердечным. Просто сейчас, когда Невиль оправдан, я невольно испытываю определенное удовлетворение от того, что ему пришлось изрядно понервничать. Мне порядком надоело его непробиваемое самодовольство.

– Нет, Томас, тут вы не правы.

– Возможно. Но по крайней мере внешне он обычно ведет себя именно так. Как бы то ни было, сегодня утром он выглядел чертовски испуганно!

– Однако вы можете быть довольно жестоким!

– В любом случае все уже позади. Вы знаете, Мери, все-таки Невиллю действительно сопутствует какое-то дьявольское везение. Любой другой бедолага, против которого имелось такое множество серьезных улик, вряд ли смог бы выйти сухим из воды.

Мери опять поежилась:

– Не надо так говорить. Я предпочитаю думать, что Невиль находится под покровительством Бога.

– И вы правда уверены в этом, моя дорогая? – Голос его звучал почти тепло.

Мери вдруг вспыхнула:

– О Томас, я так нервничаю. Я ужасно обеспокоена.

– Чем же?

– Я все вспоминаю о мистере Тревисе.

Томас уронил свою трубку на каменные плиты. Он наклонился, чтобы поднять ее, и сказал слегка изменившимся голосом:

– Значит, вас беспокоят воспоминания о мистере Тревисе?

– Да, помните, в тот вечер, когда он был у нас, он рассказал историю о... о маленьком убийце! У меня родилась очень странная мысль, Томас... Была ли это просто интересная история? Или же он рассказал ее намеренно?

– Вы подразумеваете, – задумчиво произнес Ройд, – не касалась ли она одного из присутствующих?

– Да, – прошептала Мери.

– Мне тоже это показалось странным, – спокойно сказал Томас. – Собственно говоря, как раз об этом я и размышлял, когда вы сейчас подошли ко мне.

– Я все пытаюсь вспомнить... – сказала Мери, прикрыв глаза веками. – Понимаете, он с такой тщательностью выбирал слова и выражения... И вообще, эта история как-то выпадала из общего разговора. И еще он добавил, что мог бы узнать этого человека когда угодно. Он подчеркнул это, как будто уже узнал его.

– М-м, – произнес Томас. – Мне тоже все это приходило в голову.

– Но зачем он решил поделиться с нами? Чего он добивался?

– Я полагаю, – сказал Ройд, – это было своего рода предупреждение. Он пытался предотвратить новое несчастье.

– Вы имеете в виду, что мистер Тревис понял, что кто-то собирается убить Камиллу?

– Н-нет... Мне кажется, это маловероятно. Скорее всего, он не имел в виду ничего конкретного. Это было просто некое общее предупреждение.

– Да, возможно. Но мне не дает покоя еще одна мысль, Томас. Как вы считаете, не должны ли мы рассказать обо всем этом полиции?

Томас с задумчивым видом моргал глазами, вновь погрузившись в размышления.

– Пожалуй, не стоит, – сказал он наконец. – Не думаю, что эта давняя история имеет какое-либо отношение к нашему делу. Разумеется, если бы мистер Тревис был жив, возможно, он и рассказал бы им что-то.

– Да, – сказала Мери. – Но он мертв! – Она слегка вздрогнула. – И его смерть, Томас, мне тоже кажется очень странной.

– Сердечный приступ. У него было слабое сердце.

– Да нет, я говорю о неисправном лифте. Если это и была шутка, то очень странная. Что-то здесь не так.

– Мне самому это кажется очень подозрительным, – сказал Томас Ройд.

Суперинтендант Баттл окинул взглядом спальню. Кровать была заправлена, а в остальном комната осталась без изменений. Когда он первый раз заглядывал сюда утром, порядок был почти безупречным, безупречным он был и сейчас.

– Вот о чем я вспомнил, – сказал суперинтендант Баттл, касаясь рукой старинной стальной решетки. – Ты не замечаешь ничего странного в этой каминной решетке?

– Должно быть, ее немного почистили, – предположил Джим Лич. – Она хорошо сохранилась. Не вижу ничего странного, разве что... Да, вот этот левый набалдашник блестит ярче, чем правый.

– Да, именно это и заставило меня вспомнить Эркюля Пуаро, – сказал Баттл. – Ты ведь знаешь его пунктик – он крайне серьезно относился к симметрии вещей, его всегда интересовало даже малейшее несоответствие. Мне кажется, я невольно подумал: «Это могло бы встревожить старину Пуаро» – и поэтому позже заговорил о нем. Джонс, раскрывай свой чемоданчик и проверь отпечатки на этих двух набалдашниках.

Вскоре Джонс доложил:

– На правой головке есть отпечатки, а на левой ничего нет.

– Значит, именно левая нам и нужна. А отпечатки на правой головке, должно быть, принадлежат служанке, которая обычно протирает решетку. Но вот этот левый набалдашник почистили, видимо, совсем недавно.

– Кстати, в корзине для бумаг был кусочек скомканной наждачной бумаги, – сразу вспомнил Джонс. – Я не подумал, что он может иметь отношение к делу.

– Все понятно. Ведь тогда ты еще не знал, что именно нужно искать. Сейчас нам гораздо легче. Могу поспорить на что угодно, что этот шар отвинчивается. Да, я не сомневаюсь в этом.

Джонс быстро вывернул шарообразный набалдашник.

– Довольно увесистый, – сказал Джонс, покачивая его на руке.

– Здесь есть какое-то пятно, – заметил Лич, склонившись и внимательно осматривая резьбу на ножке.

– Может, это кровь, а может, и нет, – сказал Баттл. – Допустим, некто вымыл шар и почистил его, но не заметил маленького пятнышка, оставшегося на резьбе. Держу пари, что это и есть предмет, которым проломили голову старой леди. Но теперь нам надо найти еще кое-что.

Джонс, вам придется вновь обыскать дом. И на сей раз мы знаем, что надо искать.

Он дал сержанту несколько кратких и точных инструкций. Пройдя по комнате, Баттл выглянул из окна и посмотрел вниз:

– Там что-то виднеется, что-то светлое, что-то зацепилось за плющ. Возможно, это очередная деталь нашей головоломки. Я почти уверен.

Суперинтендант Баттл спустился в холл, где его поджидала Мери Олдин.

– Могу я поговорить с вами, суперинтендант?

– Безусловно, мисс Олдин. Может быть, мы пройдем в эту комнату? – Он распахнул дверь, пропуская ее в столовую. Харстолл уже закончил убирать здесь после ленча.

– Я хочу спросить вас, суперинтендант Баттл. Неужели вы думаете... неужели вы по-прежнему считаете, что это... это ужасное преступление было совершено одним из нас? По-моему, это мог сделать только посторонний человек! Какой-то маньяк!

– Возможно, вы не так далеки от истины, мисс Олдин. Если я не ошибаюсь, то этого преступника вполне можно назвать маньяком, однако этот человек живет в вашем доме.

Она изумленно расширила глаза:

– Вы хотите сказать, что в нашем доме живет сумасшедший?

– О, вы, наверное, представляете себе человека, который брызгает слюной и дико вращает глазами, – сказал суперинтендант. – Нет, мания зачастую бывает иного рода. Некоторые из наиболее опасных невменяемых преступников выглядят такими же здоровыми, как вы и я. Единственное отличие в том, что он одержим какой-то навязчивой идеей, которая разъедает мозг, постепенно его разрушая. Часто бывает, что несчастные и вроде бы здраво рассуждающие люди приходят к вам и рассказывают о том, что их кто-то преследует, что кто-то следит за ними. И их рассказ выглядит так правдоподобно, что вы готовы поверить.

– Но я уверена, что среди нас никто не одержим манией преследования.

– Я привел вам этот конкретный случай только в качестве примера. Существует множество видов умопомешательства. И я полагаю, что тот, кто совершил это преступление, находится под влиянием некой навязчивой идеи. Он лелеял и пестовал эту идею в своем больном мозгу до тех пор, пока она не захватила его полностью. Такой человек способен на все.

Мери поежилась и сказала:

– Тогда, я думаю, мне следует рассказать вам один случай.

Кратко и точно она рассказала ему о вечернем визите мистера Тревиса и о его загадочной истории. Суперинтендант Баттл слушал ее с крайне

заинтересованным видом.

– Значит, он сказал, что мог бы узнать этого человека? Кстати, мужчину или женщину?

– Насколько я поняла, героем этой истории был мальчик. Хотя, по правде говоря, мистер Тревис не уточнял. Да, сейчас я точно вспомнила его слова относительно пола и возраста. Он сказал, что не хочет вдаваться в такие подробности.

– Вот как? Возможно, это весьма важная деталь... И он сказал, что у ребенка была определенная физическая особенность, по которой он мог бы всегда безошибочно узнать его?

– Да.

– Может быть, шрам... Нет ли у кого-либо из ваших гостей шрама?

Он заметил, что Мери Олдин нерешительно помедлила, прежде чем ответить:

– Нет, я не замечала.

– Подумайте хорошенько, мисс Олдин, – улыбнулся он. – Похоже, вы что-то заметили. А если так, то неужели вы полагаете, что я буду менее внимательным и сам не замечу данной особенности?

Она отрицательно покачала головой:

– Я... я не заметила никаких особенностей.

Но Баттл видел, как она испугана и расстроена. Его слова, очевидно, навели ее на крайне неприятные размышления. Хотел бы он знать, о чем она подумала, но опыт подсказывал ему, что давить на нее сейчас бесполезно.

Баттл вновь перевел разговор на мистера Тревиса.

Мери рассказала ему о трагическом продолжении того вечера.

Баттл довольно подробно расспрашивал ее обо всем. И в итоге спокойно сказал:

– Да, это нечто новенькое. Никогда прежде мне не приходилось сталкиваться с подобным случаем.

– Что вы имеете в виду?

– Я никогда прежде не сталкивался с убийством, совершенным столь ловким способом. Преступнику достаточно было только повесить табличку на лифт.

Мери с ужасом взглянула на него:

– Неужели вы действительно думаете?..

– Что это было убийство? Несомненно! Убийца очень ловок и изобретателен. Конечно, его план мог и не сработать, однако, как видите, сработал.

– И только потому, что мистер Тревис знал...

– Да, именно потому, что он мог привлечь наше внимание к конкретному человеку в доме. И поэтому мы пока блуждали в темноте. Но сейчас уже появились первые проблески света, и с каждой минутой дело становится все яснее. Должен сказать, мисс Олдин, что это убийство было тщательно спланировано и разработано до мельчайших деталей. И я хочу предостеречь вас... Пожалуйста, никому не говорите о нашем разговоре. Это очень важно. Запомните, никому ни слова!

Мери кивнула. Вид у нее был все еще потрясенный.

Суперинтендант Баттл покинул столовую и пошел в библиотеку, куда и направлялся, когда его перехватила Мери Олдин. Он был методичным человеком. Ему необходимо было получить определенные сведения, и даже новый и многообещающий след не мог отвлечь его от осуществления ранее принятого решения, каким бы важным и интересным этот новый след ни казался.

Он постучал в дверь библиотеки и вошел, услышав приглашение Невилля Стренджа.

Стрендж представил суперинтенданта мистеру Трелони, высокому мужчине аристократической наружности, с пронизательными темными глазами.

– Извините за бесцеремонное вторжение, – сказал суперинтендант Баттл. – Но мне необходимо уточнить одну вещь. Вы, мистер Стрендж, наследуете половину состояния покойного сэра Метью, но кто наследует вторую половину?

Невиль выглядел удивленным.

– Я же говорил вам. Моя жена.

– Да, но только... – Баттл неодобрительно кашлянул. – Которая из ваших жен, мистер Стрендж?

– О, я понял. Да, я неточно выразился. Эти деньги получит Одри, которая была моей женой в то время, когда завещание было написано. Я прав, мистер Трелони?

Адвокат подтвердил его слова:

– В данном документе совершенно точно оговорено, что состояние должно быть поделено между подопечным сэра Метью – Невилем Генри Стренджем и его женой Одри Элизабет Стрендж, урожденной Стендиш. То есть последовавший затем развод не имеет никакого значения.

– Теперь все ясно, – сказал Баттл. – Насколько я понимаю, миссис Одри Стрендж хорошо известно содержание данного завещания?

– Несомненно, – сказал мистер Трелони.

– А новой миссис Стрендж?

– Кей? – Вид у Невилья был слегка озадаченным. – О, я полагаю, да. Хотя... мы с ней почти не говорили об этом.

– Мне кажется, вы обнаружите, что она заблуждается на сей счет, – сказал Баттл. – Она считает, что деньги после смерти леди Трессильян достанутся вам и вашей нынешней жене. По крайней мере так я понял сегодня утром из разговора с ней. Вот почему я решил точно выяснить, каково реальное положение дел.

– Просто удивительно! – сказал Невиль. – Однако такое вполне могло произойти. Сейчас, когда я подумал об этом, то вспомнил, что она пару раз действительно говорила: «Мы унаследуем эти деньги после смерти Камиллы». Но я считал, что она имеет в виду наши общие деньги, то есть мою половину.

– Действительно, просто удивительно, – сказал Баттл, – какие недоразумения могут возникнуть между двумя людьми, которые довольно часто обсуждают определенный вопрос, – они могут соглашаться друг с другом, говоря о разных вещах, и в итоге оба пребывают в заблуждении.

– Вероятно, вы правы, – сказал Невиль, не проявляя особой заинтересованности. – В любом случае это не имеет значения. Конечно, я не хочу сказать, что нам совсем не нужны эти деньги. Но я очень рад за Одри. Она и правда стеснена в средствах, и это завещание значительно улучшит ее положение.

– Но неужели, сэр, – грубовато сказал Баттл, – вы не назначили ей приличного содержания после развода?

Невиль вспыхнул.

– Существует такое понятие, как... как гордость, суперинтендант, – произнес он натянутым голосом. – Одри наотрез отказалась принять содержание, которое я ей предложил.

– Исключительно щедрое содержание, – вставил мистер Трелони. – Но миссис Стрендж отказалась принять его и вернула все до последнего пенни.

– Очень интересно, – бросил Баттл и вышел из библиотеки прежде, чем его собеседники успели спросить, что же особенно интересного находит он в такой ситуации.

Вскоре суперинтендант присоединился к своему племяннику.

– Если рассматривать это дело с точки зрения звонкой монеты, – сказал он, – то едва ли не каждый в этом доме имел свой корыстный интерес. Невиль Стрендж и Одри Стрендж одним махом получают по полусотне тысяч фунтов. Кей Стрендж полагает, что вторую половину

наследует она. Мери Олдин получает доход, который позволит ей жить вполне беззаботно. Правда, надо отметить, что Томас Ройд не выигрывает ничего. Зато можно включить в наш список Харстолла и даже Баррет, предположив, что она готова была покончить с собой, лишь бы избежать подозрения. Да, как я сказал, у нас нет недостатка в денежных мотивах. И все же, если я прав, деньги здесь совсем ни при чем. Похоже, мотивом этого убийства была только ненависть. И я надеюсь найти этого тайного ненавистника, если никто не будет вставлять мне палки в колеса!

Ангус Мак-Виртер сидел на балконе отеля «Истерхед-Бей» и смотрел за реку, прямо на мрачную серую громадину Старк-Хеда.

В данный момент он был поглощен глубоким критическим анализом собственных мыслей и чувств.

Он смутно осознавал, что именно побудило его провести в этих местах последние несколько дней перед началом новой работы. Однако что-то тянуло его сюда. Возможно, желание испытать себя, проверить, не осталось ли в его сердце искры былого отчаяния.

Мона?.. Он почти забыл о ней! Она вышла замуж за другого. Как-то раз он встретился с ней на улице и не испытал никакого волнения. В его воспоминаниях остались боль и горечь, которые он испытал, когда она ушла от него, но теперь все это уже принадлежало прошлому. Его размышления были прерваны толчком мокрой собачьей морды, уткнувшейся в его руки, и яростным призывом его новой приятельницы, тринадцатилетней мисс Дианы Бринтон.

– О Дон! Уходи прочь!.. Отойди отсюда. Это просто ужасно! Он вывалился на берегу в какой-то грязи. Может, нашел какую-то вонючую рыбу. Чувствуете, какой от него запах – невозможно рядом стоять. Наверное, рыба давно протухла.

Нос Мак-Виртера подтвердил это предположение.

– Он залез в расщелину между скал, – продолжала мисс Бринтон, – а потом я затащила его в воду и попыталась отмыть, но, похоже, зря старалась.

Мак-Виртер согласился с девочкой. Дон, жесткошерстный терьер дружелюбного и игривого нрава, выглядел обиженно, поскольку его друзья предпочитали держать его на расстоянии вытянутой руки.

– Да, от морской воды толку мало, – сказал Мак-Виртер. – Ему может помочь только мыло и горячая вода.

– Но это весьма трудно сделать в отеле. У нас в номере нет ванной.

В итоге Мак-Виртер и Диана, стараясь не привлекать внимания, вошли в боковую дверь и тайно провели Дона в ванную комнату Мак-Виртера, где и произвели тщательный помыв бедного пса. Когда они закончили, то сами были насквозь мокрыми, а Дон выглядел очень печальным. Опять этот отвратительный запах мыла... А ведь совсем недавно он наткнулся на такой поистине чудесный аромат... которому позавидовала бы любая

собака. Ох уж эти люди, вечно они вмешиваются, а сами ничего не смыслят в хороших запахах...

Этот маленький инцидент привел Мак-Виртера в более жизнерадостное и бодрое настроение. Он сел в автобус и отправился в Солтингтон, чтобы забрать костюм из химчистки.

Молоденькая приемщица, дежурившая в этой «Срочной химчистке», рассеянно взглянула на него:

– Как вы сказали? Мак-Виртер? Боюсь, ваш костюм еще не готов.

– Не может быть. – Его костюм должны были почистить еще вчера, и даже тогда время чистки составило бы уже сорок восемь часов, а не двадцать четыре – как гласила реклама. Любая женщина, возможно, высказала бы все это. Но Мак-Виртер просто нахмурился.

– Наверное, вы пришли слишком рано, – сказала приемщица, равнодушно улыбаясь.

– Чепуха.

Улыбка сошла с лица девушки.

– В любом случае он еще не готов! – отрезала она.

– Тогда я просто заберу его, – сказал Мак-Виртер.

– Но он еще не почищен, – предупредила приемщица.

– Все равно я забираю его.

– Я думаю, мы могли бы почистить его к завтрашнему утру в виде особого одолжения.

– Нет, не в моих правилах просить об одолжении. Просто, пожалуйста, отдайте мне костюм.

Смерив его возмущенным взглядом, девушка удалилась в заднюю комнату. Вскоре она вернулась с кое-как завернутым пакетом, который она сердито плюхнула перед ним на прилавок.

Мак-Виртер забрал его и вышел на улицу. У него вдруг возникло совершенно смехотворное ощущение, будто он одержал победу. Хотя в действительности данная ситуация просто означала, что ему придется почистить костюм в другом месте!

Вернувшись в отель, он бросил пакет на кровать и с досадой посмотрел на него. Может, костюм смогут вычистить и отутюжить прямо в отеле? А в сущности все не так уж плохо... Может, и вовсе не стоит его чистить?

Он развернул сверток и издал громкий раздраженный возглас. У него просто не хватало слов, чтобы высказать, насколько дурно работает так называемая «Срочная химчистка». Перед ним лежал не его костюм. Он был даже другого цвета! Мак-Виртер оставлял у них темно-синий костюм.

Наглые, неумелые путаники!

Он возмущенно взглянул на пришитую к карману метку. На ней, черным по белому, было написано его имя – Мак-Виртер. Странно, неужели еще один Мак-Виртер?.. Или они умудрились перепутать метки?

Молча взирая на смятую кучу одежды, он вдруг сморщил нос и фыркнул.

Несомненно, он узнал этот запах – исключительно неприятный запах... как-то связанный с собакой. Да, все понятно. Диана и ее пес! Чистейшая, натуральная вонь тухлой рыбы!

Он наклонился и внимательно рассмотрел костюм. На плече пиджака было белесое, обесцвеченное пятно. На плече...

«Однако, – подумал Мак-Виртер, – это становится очень интересным...»

Все равно, так или иначе, но завтра он скажет несколько суровых слов этой приемщице в «Срочной химчистке». Грубейшее нарушение!

После ужина он вышел из отеля и направился вниз по дороге к переправе. Вечер был ясный, но холодный, казалось, воздух был уже пронизан острым привкусом надвигающейся зимы. Лето закончилось.

Мак-Виртер переправился на лодке на сторону Солткрика. Второй раз он решил прогуляться по Старк-Хеду. Это место обладало для него особой притягательной силой. Медленно поднимаясь по склону холма, он прошел мимо отеля «Балморал-Корт» и затем мимо большого особняка, примостившегося на краю скалистого мыса. «Галлс-Пойнт» – прочел он название, написанное над входом в дом. Кажется, именно здесь была убита старая леди. Да, точно, об этом убийстве ходило много слухов в отеле; его горничная упорно возвращалась к этой теме и не успокоилась, пока не поведала ему все, что знала; и в газетах этому преступлению было уделено много внимания, что раздражало Мак-Виртера, поскольку он предпочитал читать новости о важных мировых делах и событиях и его мало интересовали случаи подобного рода. Вновь спустившись с холма, он прошел по кромке узкого берега, где расположилось несколько старых рыболовецких хозяйств, которые были слегка перестроены на современный лад. Затем дорога снова пошла вверх и, постепенно суживаясь, превратилась в каменистую тропу, ведущую к вершине Старк-Хеда.

Скалы Старк-Хеда были мрачными и грозными. Мак-Виртер стоял на краю, глядя на плещущие внизу темные волны. Так же он стоял здесь и в тот, другой вечер. Он пытался оживить в себе чувства, которые испытывал тогда, – отчаяние, гнев, усталость, желание покончить со всем этим раз и навсегда. Но те чувства умерли. Все прошло. Вместо этого он испытывал лишь холодную злость и раздражение. Вспоминал, как он беспомощно висел на этом одиноком дереве, как его спасла береговая охрана и как все суетились вокруг него в больнице, точно он был непослушным ребенком, – целая серия неудач и унижений. И почему ему не дали спокойно умереть? Было бы лучше, в тысячу раз лучше, если бы он избавился от этой жизни. Он по-прежнему так думал. Но вот необходимого толчка на этот раз не было, пожалуй, это было единственное, но существенное отличие.

Как же он терзался тогда, думая о Моне! Сейчас он мог думать о ней совершенно спокойно. Она всегда была довольно глупой. Легко покупалась на лесть и не замечала, что мужчины просто подыгрывают ей. Очень миловидная. Да, весьма мила, но далеко не умна; не тот тип женщины, о

которой он мечтал когда-то.

Да, в нем еще жил образ прекрасной дамы... Некий смутный, воображаемый образ женщины в белых струящихся одеждах, летящий в ночи... Нечто подобное женской фигуре на носу корабля... только почти бесплотное...

И вдруг с драматической внезапностью случилось невероятное! Из вечернего полумрака появилась летящая фигура. Мгновение назад ничего не было, она появилась совершенно неожиданно – белая фигура, бегущая... бегущая... к этому скалистому обрыву. Прекрасная и отчаявшаяся незнакомка, преследуемая фуриями! Они незримо летели за ней, увлекая ее к пропасти. Она бежала, охваченная ужасным отчаянием. Ему было знакомо такое отчаяние. Он понял, что сейчас должно произойти...

Мак-Виртер стремительно вышел из тени и схватил ее за руку в тот самый момент, когда она готова была броситься вниз...

– Нет! Остановитесь! – порывисто воскликнул он.

Ему показалось, что он держит в руках птицу. Она сопротивлялась, молча боролась, пытаясь вырваться на свободу, и затем, опять-таки как птица, вдруг утихла.

– Не стоит бросать своей жизнью, – страстно сказал он. – Ничто не стоит этого. *Ничто!* Даже если вы отчаянно несчастны...

Она издала звук, отдаленно напоминавший отрывистый смешок.

– Разве вы так несчастны? – резко спросил он. – Что с вами случилось?

Она ответила ему сразу, мягко выдохнув всего два слова:

– *Мне страшно!*

– Страшно? – Он был так поражен, что опустил руки и отступил на шаг, чтобы получше разглядеть ее.

Мак-Виртер увидел, что она сказала правду. Именно страх стремительно гнал ее к пропасти. Именно страх сделал это маленькое, бледное и умное лицо таким опустошенным и глупым. Страх заполнил ее большие, широко расставленные глаза.

– Чего вы так боитесь? – недоверчиво спросил он.

– *Я боюсь, что меня повесят,* – ответила она так тихо, что он едва расслышал ее голос.

Да, она именно так и сказала. Точно замороженный, он смотрел на нее. Затем перевел взгляд на край обрыва.

– Поэтому вы решили?..

– Да. Мгновенная смерть вместо...

Она закрыла глаза и задрожала. Дрожь охватила все ее тело.

Мак-Виртер быстро выстроил в уме цепочку логических

умозаключений.

Наконец он сказал:

– Леди Трессильян? Та старая леди, которую убили? – Затем резко добавил, пораженный собственным открытием: – Должно быть, вы миссис Стрендж... первая миссис Стрендж.

По-прежнему дрожа, она кивнула. Мак-Виртер продолжал размышлять вслух, медленно и задумчиво роняя слова. Слухи были перемешаны с фактами, и он старался припомнить все, что слышал.

– Они подозревали вашего мужа... Это правда, не так ли? Все улики указывали на него... И затем обнаружилось, что эти улики были кем-то сфабрикованы...

Он умолк и пристально посмотрел на нее. Она перестала дрожать и просто стояла, глядя на него, как послушный ребенок. Мак-Виртер нашел ее нестерпимо трогательной и волнующей.

– Я понимаю... – продолжал он. – Да, я понимаю, как это случилось... Ведь он оставил вас ради другой женщины? А вы любили его... Вот почему... – Он помолчал немного и добавил: – Я понимаю вас, моя жена тоже бросила меня ради другого мужчины...

Она взмахнула руками и начала бормотать исступленно и беспомощно:

– О нет... Нет... Все не так... Все совсем не так...

Мак-Виртер резко оборвал ее. Его голос был непреклонным и повелительным:

– Идите домой. *И больше ничего не бойтесь!* Вы слышите? Ничего! *Я позабочусь о том, чтобы вас не повесили.*

Мери Олдин лежала на диване в гостиной. У нее болела голова, и все тело было каким-то разбитым.

Вчерашнее расследование, закончившееся официальным выяснением всех обстоятельств дела и снятием показаний, было отложено примерно на неделю.

Завтра должны были состояться похороны леди Трессильян. Одри и Кей поехали на машине в город, чтобы купить черные платья. Тед Латимер отправился вместе с ними. Невиль и Томас Ройд ушли прогуляться, поэтому, не считая слуг, Мери была одна в доме.

Суперинтендант Баттл и инспектор Лич сегодня отсутствовали, и это тоже позволяло вздохнуть свободнее. Мери казалось, что после их ухода дом стал немного светлее, словно рассеялась какая-то мрачная темнота. На самом деле полицейские были очень вежливы и исключительно доброжелательны, но их бесконечные вопросы и спокойная, методичная, тщательная проверка каждого факта создавали в доме крайне нервную и напряженную обстановку. Должно быть, в данный момент этот суперинтендант с непроницаемым лицом изучает свои записи, обдумывая события последних десяти дней, вспоминая каждое слово и, возможно, даже каждый жест.

Сейчас, после их ухода, в доме воцарился покой. Мери позволила себе расслабиться. Ей хотелось забыть обо всем... обо всем. Просто лежать на спине и отдыхать.

– Извините, мадам.

В дверях с виноватым видом стоял Харстолл.

– Там один джентльмен желает видеть вас. Я провел его в кабинет.

Мери удивленно, с оттенком досады взглянула на него:

– Кто он?

– Он представился как мистер Мак-Виртер, мисс Мери.

– Никогда не слышала о таком.

– Я тоже, мисс.

– Должно быть, какой-нибудь репортер. Тебе не следовало впускать его, Харстолл.

Харстолл смущенно кашлянул:

– Нет, мисс Мери, я не думаю, что это репортер. Мне показалось, он друг миссис Одри.

– А, тогда другое дело.

Пригладив волосы, Мери устало прошла по холлу и открыла дверь кабинета. С некоторым удивлением смотрела она на высокого человека у окна, который повернулся к ней, услышав звук ее шагов. Он определенно не походил ни на одного из друзей Одри.

Однако она вежливо сказала:

– Я сожалею, но миссис Стрендж нет дома. Вы хотели повидать ее?

Мак-Виртер с задумчивым и сосредоточенным видом смотрел на нее.

– Вы, должно быть, мисс Олдин? – сказал он.

– Да.

– Я предполагаю, что как раз вы и сможете помочь мне. Я хочу найти одну веревку.

– Веревку? – с оживленным недоумением переспросила Мери.

– Да, веревку. Где вы обычно храните мотки веревок?

Впоследствии, размышляя об этом посещении, Мери сочла, что она была в каком-то полугипнотическом состоянии. Если бы этот странный незнакомец пустился в какие-то объяснения, то, возможно, она воспротивилась бы его требованиям. Но Эндрю Ангус Мак-Виртер, неспособный придумать никакого правдоподобного объяснения, поступил очень мудро, решив обойтись без оного. Он просто, ничего не объясняя, сказал о том, что хочет найти. Чувствуя себя слегка ошеломленной, Мери повела Мак-Виртера на поиски веревки.

– Какого типа веревка? – спросила она.

– Возможно, подойдет любая... – ответил он.

– Может быть, посмотрим в садовом домике? – с сомнением сказала Мери.

– Давайте посмотрим!

Она пошла вперед, показывая дорогу. В этой небольшой летней кухне оказалось множество разных бечевки и моточков тонких веревок, но Мак-Виртер отрицательно покачал головой.

Ему нужно было что-то типа каната, большой моток толстой веревки.

– Тогда, наверное, надо посмотреть в чулане, – нерешительно сказала Мери.

– Да, да, это самое подходящее место.

Они вернулись в дом и поднялись по лестнице на верхний этаж. Мери распахнула дверь чулана. Мак-Виртер стоял на пороге, заглядывая внутрь. Он удовлетворенно вздохнул.

– Вот то, что нужно, – сказал он.

На полке, почти сразу у двери, в компании со старыми рыболовными

снастями и изъеденными молью подушками, лежала толстая, свернутая кольцами веревка. Мак-Виртер положил руку на плечо Мери и мягко подталкивал ее вперед, пока она не оказалась прямо перед этой веревкой. Он коснулся верхнего кольца и сказал:

– Я бы попросил вас, мисс Олдин, запомнить эту веревку. Заметьте также, что все вокруг покрыто пылью. И только на ней нет ни пылинки. Потрогайте ее.

– Она, похоже, немного влажная, – удивленным тоном сказала Мери.

– Именно так.

Он повернулся к двери и вышел.

– Но как же веревка? Я думала, она нужна вам? – недоуменно спросила Мери.

Мак-Виртер усмехнулся:

– Я просто хотел убедиться в том, что она существует. Вот и все. Возможно, будет лучше, если вы запрете эту дверь, мисс Олдин, а ключ возьмете с собой. Да. Я был бы вам очень признателен, если бы вы отдали этот ключ суперинтенданту Баттлу или инспектору Личу. Пусть он пока хранится у них.

Спускаясь вниз по лестнице, Мери сделала попытку сосредоточиться.

Когда они достигли главного холла, она все же попробовала прояснить ситуацию:

– Но подождите. Я совершенно ничего не понимаю.

– В этом нет никакой необходимости, – твердо сказал Мак-Виртер. Он взял Мери за руку и сердечно пожал ее. – Крайне признателен вам за содействие.

После этого он, не задерживаясь, покинул дом. Мери подумала, что вся эта история похожа на странный сон.

Вскоре с прогулки пришли Невиль и Томас, а немного погодя вернулась машина из Солтингтона, и Мери с легкой завистью поглядывала на Кей и Теда, которые казались такими оживленными и бодрыми. Они весело смеялись и шутили.

«В конце концов, почему бы и нет? – подумала она. – Смерть Камиллы ничего не значит для Кей. Подобные трагедии с трудом воспринимаются юными, полными жизни созданиями».

* * *

Полицейские появились в Галлс-Пойнте сразу после ленча. Харстолл

вошел в столовую и немного испуганным голосом объявил, что суперинтендант Баттл и инспектор Лич ожидают всех в гостиной.

Суперинтендант Баттл приветствовал всех собравшихся, лицо его излучало полнейшее добродушие.

– Надеюсь, я не помешал вашей трапезе, – сказал он извиняющимся тоном. – Но у меня есть пара вопросов, которые необходимо срочно выяснить. Например, я хотел бы узнать, кому принадлежит эта перчатка, – сказал он, вынимая из кармана маленькую светло-желтую замшевую перчатку. – Может быть, это ваша вещица, миссис Стрендж? – сказал он, обращаясь к Одри.

Она отрицательно покачала головой:

– Нет, нет, не моя.

– Мисс Олдин?

– Думаю, нет. У меня нет ничего такого цвета.

– Можно мне взглянуть? – спросила Кей, протягивая руку. – Нет...

Кей попыталась померить ее, но перчатка оказалась ей явно мала.

– Мисс Олдин?

Мери в свою очередь примерила ее.

– Вам она тоже маловата, – заметил Баттл. Он вновь повернулся к Одри: – Я полагаю, вам она придется как раз впору. Ваша рука меньше, чем у этих леди.

Одри взяла перчатку и легко натянула ее на правую руку.

– Она же уже говорила вам, мистер Баттл, – резко сказал Невиль Стрендж, – что это не ее вещь.

– И все-таки, возможно, она ошиблась, – предположил Баттл, – или забыла.

– Может быть, она и моя, – сказала Одри. – Ведь перчатки так похожи друг на друга.

– Во всяком случае, – сказал Баттл, – мы обнаружили ее под вашим окном, миссис Стрендж. Она зацепилась за плющ, там же была и парная...

Невиль порывисто шагнул вперед:

– Но послушайте, суперинтендант!..

– Не могли бы мы переговорить с вами наедине, мистер Стрендж? – серьезно произнес Баттл.

– Конечно, суперинтендант. Пойдемте в библиотеку. – Он пошел первым, и двое полицейских последовали за ним.

Как только дверь библиотеки закрылась, Невиль отрывисто сказал:

– Что это за смехотворная история с перчатками под окнами моей жены?

– Не горячитесь, мистер Стрендж, – спокойно сказал Баттл. – Мы обнаружили в вашем доме несколько исключительно любопытных вещей.

Невиль нахмурился:

– Любопытных? Чем же они так заинтересовали вас?

– Я объясню.

Баттл кивнул, взглянув на Лича, и тот, поняв молчаливый приказ, вышел из комнаты и быстро вернулся, держа в руках очень странное приспособление.

– Как видите, сэр, этот металлический набалдашник, отвинченный с викторианской каминной решетки, очень увесистый предмет. Затем у теннисной ракетки отпилили верхнюю часть и этот набалдашник надели на ручку ракетки. – Он сделал паузу. – Насколько я понимаю, не может быть никаких сомнений в том, что сие приспособление было использовано для убийства леди Трессильян.

– Какой ужас! – с содроганием сказал Невиль. – Но где вы обнаружили этот... эту кошмарную вещь?

– Набалдашник был вычищен и поставлен на свое место в решетке. Убийца, однако, проявил некоторую небрежность, когда мыл его. На резьбе мы обнаружили следы крови. Части ракетки были также воссоединены посредством клейкого хирургического пластыря. И затем ее беспечно бросили обратно в кладовку под лестницей, где она, вероятно, и лежала среди других вещей совершенно незамеченной, пока нам не пришлось в голову поискать что-нибудь в этом роде.

– Вам не откажешь в находчивости, суперинтендант.

– Обычная методика поисков.

– И никаких отпечатков, я полагаю?

– Эта ракетка, как мне кажется, судя по весу, принадлежит миссис Кей Стрендж. И на ручке мы обнаружили отпечатки ее и также ваших пальцев. Но мы также можем утверждать, что после вас двоих ее держала рука в перчатках. И кроме того, на этой ракетке мы обнаружили еще один отпечаток, оставленный, вероятно, по небрежности. Он был на полоске хирургического пластыря, которым соединили вместе распиленные части ракетки. Я не хочу предварять события и сразу объявить вам, чьи это были отпечатки. Сначала мы поговорим на другую тему. – Баттл немного помолчал и затем сказал: – Я хочу подготовить вас к некоему потрясению, мистер Стрендж. Прежде всего я хотел бы спросить следующее: вы уверены, что именно вам пришла в голову идея этой сентябрьской встречи, или же такое предложение в действительности поступило от миссис Одри Стрендж?

– Одри никогда ничего подобного не предлагала. Нет, Одри...

Дверь открылась, и на пороге появился Томас Ройд.

– Извините за вмешательство, – сказал он, – но я подумал, что мне следует присутствовать при вашем разговоре.

Невиль встревоженно посмотрел на него:

– Ты так считаешь, старина? Вообще-то он касается личных отношений.

– Боюсь, меня это не волнует. Видите ли, я услышал, как вы произносили одно имя... – Он помедлил. – Имя Одри.

– Тебя это не касается, черт возьми. Почему тебя так волнует наш разговор об Одри? – возмущенно спросил Невиль.

– Ну если уж на то пошло, то с тем же успехом я могу адресовать эти слова тебе. Я пока не переговорил с Одри, но приехал сюда с намерением попросить ее выйти за меня замуж. И думаю, она догадывается об этом. Итак, мне кажется, что причина моего вмешательства достаточно серьезная, поскольку я хочу жениться на ней.

Суперинтендант Баттл тихо кашлянул. Невиль, вздрогнув, повернулся к нему:

– Простите, суперинтендант. Это неожиданное вмешательство...

– Мне оно не мешает, мистер Стрендж. У меня остался к вам только один вопрос. В вечер убийства за ужином вы были в темно-синем костюме, на котором мы обнаружили светлые волосы на внутренней стороне воротника и на спине. Вы знаете, как они попали туда?

– Ну, вероятно, это мои волосы.

– О нет, сэр, это исключено. На спине были женские волосы... и еще рыжие, на рукаве.

– Я думаю, рыжая у нас только моя жена, Кей. А другие, как вы предполагаете, принадлежат Одри? Вполне вероятно. Я вспомнил. Как-то вечером пуговица моего обшлага запуталась в ее волосах.

– В таком случае, – пробормотал Лич, – эти волосы должны были оказаться на рукаве.

– Черт побери, я ничего не понимаю, что же тогда вы предполагаете? – воскликнул Невиль.

– Также на внутренней стороне воротника остались следы пудры, – сказал Баттл. – «Примавера натурель № 1» – очень дорогая пудра с изысканным запахом. Не пытайтесь убедить меня, мистер Стрендж, что это вы пользуетесь ею. Я все равно не поверю. А миссис Кей Стрендж пользуется пудрой «Поцелуй солнечной орхидеи». Так что «Примавера № 1» может принадлежать только миссис Одри Стрендж.

– Что вы предполагаете? – повторил Невиль.

Баттл слегка наклонился вперед:

– Я предполагаю, что... у миссис Одри Стрендж был повод надеть ваш пиджак. Это единственно разумное объяснение того, как ее волосы и пудра могли попасть на воротник. Далее, вы видели перчатку, которую я только что показывал в гостиной. Это определенно ее перчатка. Та была с правой руки, а вот – с левой. – Он вытащил вторую перчатку из кармана и положил на стол. Она была смятой и испачканной ржаво-коричневыми пятнами.

– Что это за пятна? – спросил Невиль с ноткой страха в голосе.

– Кровь, мистер Стрендж, – убежденно сказал Баттл. – И заметьте, именно на левой перчатке. А ведь миссис Одри Стрендж, насколько мне известно, – левша. Я сразу подметил это, когда впервые увидел вас всех за завтраком. Она держала кофейную чашку в правой руке, а сигарету – в левой. И подносик с перьями на ее столе располагается с левой стороны. Все совпадает. Этот набалдашник с каминной решетки в ее комнате, перчатки под ее окнами, ее волосы и пудра на вашем пиджаке... Леди Трессильян ударили в правый висок... Но расположение кровати не позволяет нанести такой удар обычному человеку. В данном случае ударить правой рукой было бы крайне неудобно... И только левша мог сделать это совершенно естественно...

– Неужели вы предполагаете, что Одри... что Одри могла с такой тщательностью все подготовить и убить Камиллу, которую она знала долгие годы, ради того, чтобы прибрать к рукам ее деньги?

Баттл отрицательно качнул головой:

– Ничего подобного я не предполагаю. Мне жаль, мистер Стрендж, что вы именно так поняли все это дело. Данное преступление, бесспорно и несомненно, было направлено против вас и только против вас. С тех самых пор, как вы оставили Одри Стрендж, она вынашивала план мести. В итоге ее психическое состояние стало крайне неуравновешенным. Может быть, она никогда не была особенно сильной натурой в этом смысле. Возможно, сначала она думала убить вас, но этого ей показалось недостаточно. И наконец она придумала, как сделать так, чтобы вас повесили за убийство. Выбрав тот вечер, когда все слышали вашу ссору с леди Трессильян, она проникла в вашу комнату, надела темно-синий пиджак и, пройдя в спальню старой леди, ударила ее по голове. Вполне понятно, почему на пиджаке остались пятна крови. Именно она подложила в спальню вашу клюшку для гольфа, испачкав ее кровью и прилепив пару седых волосков, поскольку отлично понимала, что мы найдем на ручке клюшки ваши отпечатки пальцев. И именно она заронила в вашу голову идею общей встречи в

Галлс-Пойнте. Она не смогла учесть единственной случайности, которая спасла вас. На ваше счастье, леди Трессильян вызвала Баррет, позвонив в колокольчик, и служанка видела, как вы уходили из дома.

Невиль опустил голову и, закрыв лицо ладонями, быстро сказал:

– Нет, все это ложь. Неправда! Одри никогда не держала на меня зла. Здесь какая-то ошибка. Я не знаю более прямого и искреннего человека, чем Одри. У нее доброе сердце и ангельская душа.

– Не стану спорить с вами, мистер Стрендж. В сущности, это не мое дело. Я просто хотел подготовить вас... Сейчас я должен буду предъявить обвинение миссис Стрендж и предложить ей проехать со мной в участок. У нас есть ордер на ее арест. А вам лучше побеспокоиться об адвокате, если вы желаете помочь ей.

– Но это невероятно... Полный абсурд!..

– Любовь превращается в ненависть гораздо чаще, чем вы думаете, мистер Стрендж.

– Я говорю вам, что вы ошибаетесь. Это просто абсурдное обвинение.

Томас Ройд решил вмешаться в разговор. Его голос был спокойным и любезным:

– Перестань твердить об абсурдности, Невиль. Лучше пораскинь мозгами. Неужели ты не понимаешь, как можно помочь Одри? Пора отбросить твои рыцарские идеи и рассказать правду.

– Правду?.. Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду правду об Одри и Адриане. – Ройд повернулся к полицейским: – Видите ли, суперинтендант, у вас создалось ошибочное представление о возможных мотивах преступления. Невиль не оставлял Одри. На самом деле Одри оставила его. Она сбежала от Невилья к моему брату Адриану. Потом Адриан погиб в автомобильной катастрофе. А Невиль повел себя по-рыцарски по отношению к Одри. Она собиралась развестись с ним, и он организовал все так, чтобы у нее был повод обвинить его в супружеской неверности. Он взял всю вину на себя.

– Просто не хотел, чтобы ее имя вывалили в грязи, – с угрюмым видом пробормотал Невиль. – Я не предполагал, что кто-то может знать об этом.

– Адриан написал мне обо всем незадолго до аварии, – коротко пояснил Томас. – Теперь вы понимаете, суперинтендант, что исходный мотив начисто отпадает! У Одри не было причин ненавидеть Невилья. Напротив, у нее были все основания быть благодарной ему. Невиль пытался уговорить ее принять назначенное при разводе содержание, но она считала, что не заслуживает этого. И поэтому, естественно, Одри было неловко отказаться, когда Невиль попросил ее приехать сюда и встретиться

с Кей.

– Да, вы видите, – пылко сказал Невиль, – у нее не было никаких мотивов. Томас прав.

На непроницаемом лице Баттла не дрогнул ни единый мускул.

– Мотив – это лишь одна сторона дела, – сказал он. – Я мог заблуждаться на сей счет, но есть факты. И факты говорят, что она виновна.

– Всего лишь пару дней назад, – многозначительно сказал Невиль, – все факты говорили, что виновен я.

Его слова, казалось, немного смутили Баттла.

– Довольно справедливо замечено. Но подумайте, мистер Стрендж, в чем вы хотите убедить меня. Вы хотите убедить меня в том, что существует не-кто неизвестный, который ненавидит вас обоих. И этот некто прикинул, что улики против вас, мистер Стрендж, может оказаться недостаточно, и решил пустить следствие по второму ложному следу, ведущему к Одри Стрендж. Итак, мистер Стрендж, знаете ли вы такого человека, который ненавидит как вас, так и вашу бывшую жену?

Невиль беспомощно опустил голову, вновь закрыв лицо руками.

– Вы так изобразили эту ситуацию, что она кажется мне просто нереальной!

– Потому что она и есть нереальная. Я привык верить фактам. И если миссис Стрендж сможет как-то объяснить, что...

– А разве я смог объяснить вам хоть что-то?.. – спросил Невиль.

– Не стоит попусту тратить время, мистер Стрендж. Я должен исполнить свои обязанности.

Суперинтендант Баттл резко поднялся с кресла. Он и инспектор Лич первыми покинули библиотеку. Невиль и Ройд немедленно последовали за ними.

Они пересекли холл и, войдя в гостиную, остановились в некоторой нерешительности.

Одри Стрендж встала и первая пошла к ним навстречу. Она смотрела прямо на Баттла. Лицо ее было приветливым, и на губах играла странная полуулыбка.

– Вы ведь пришли за мной, не правда ли? – очень мягко сказала она.

Баттл принял официальный вид:

– Миссис Стрендж, у меня имеется ордер на ваш арест. Вы обвиняетесь в убийстве Камиллы Трессильян, которое произошло в понедельник, двенадцатого сентября. Я обязан предупредить вас, что все ваши слова будут записываться и могут быть использованы против вас в суде.

Одри вздохнула. Ее маленькое, четко очерченное лицо было безмятежным и спокойным, как камень.

– Наконец-то я могу вздохнуть с облегчением, – сказала она. – Знаете, я почти рада, что все закончилось!

Невиль резко вышел вперед:

– Одри, не признавайся ни в чем. Лучше просто молчи.

Она улыбнулась ему:

– Но почему, Невиль? Я говорю правду... И я так устала...

Лич глубоко вздохнул. «Ну, похоже, дело сделано! Конечно, она совсем спятила, но это может избавить нас от многих неприятностей!» Он удивился, что это вдруг случилось с его дядей. Старина выглядел так, точно увидел привидение. Он задумчиво таращился на это бедное слабоумное создание, словно не мог поверить собственным глазам. «А впрочем, возможно, он размышляет о том, с каким интересным случаем нам пришлось столкнуться», – успокаивая себя, подумал Лич.

В гостиной царила трагическая, почти гробовая тишина, и внезапное появление Харстолла было подобно звонкому смеху, нелепо прозвучавшему в конце трагедии.

Он открыл дверь и громко возвестил:

– Мистер Мак-Виртер.

Мак-Виртер целеустремленно вошел в комнату и направился прямо к Баттлу.

– Вы суперинтендант, который занимается делом леди Трессильян? – спросил он.

– Да, я.

– Тогда я должен сделать вам важное заявление. Сожалею, что не смог прийти раньше. Но важность того, что я видел в понедельник вечером, открылась мне только сегодня. – Он обвел комнату быстрым взглядом. – Не могли бы мы переговорить где-нибудь?

Баттл обратился к Личу:

– По-моему, инспектор, вам лучше остаться здесь с миссис Стрендж.

– Да, сэр, – официально ответил Лич.

Он слегка наклонился вперед и прошептал что-то на ухо своему дяде. Затем Баттл повернулся к Мак-Виртеру и сказал:

– Пойдемте со мной.

Суперинтендант провел его в библиотеку.

– Итак, что вы хотели рассказать? Мой коллега сообщил мне, что видел вас здесь прежде – прошедшей зимой.

– Совершенно верно, – сказал Мак-Виртер. – Попытка самоубийства.

Это только часть моей истории.

– Я слушаю вас, мистер Мак-Виртер.

– В январе я пытался покончить с собой, бросившись со Старк-Хеда. И сейчас мне пришла в голову мысль вновь посетить это место. Я поднялся туда в понедельник вечером... Просто бродил по краю скалы, рассеянно поглядывая вниз на реку, на «Истерхед-Бей», а потом перевел взгляд на этот мыс. То есть в поле моего зрения попал этот дом... Светила луна, и я мог видеть его совершенно отчетливо.

– Да...

– До сегодняшнего дня я не осознавал, что именно в этот вечер было совершено убийство...

Он подался вперед.

– Я расскажу, что я видел.

На самом деле Баттл отсутствовал около десяти минут, но всем, кто оставался в гостиной, показалось, что они тянутся невероятно долго.

Кей вдруг потеряла контроль над собой и запальчиво выкрикнула, повернувшись к Одри:

– Я так и знала! Я всегда знала, что ты задумала что-то плохое...

– Пожалуйста, Кей, помолчи, – быстро вставила Мери Олдин.

– Успокойся, Кей, ради бога, – отрывисто бросил Невиль.

Тед Латимер подошел к Кей, которая начала судорожно всхлипывать.

– Постарайся успокоиться, дорогая, – мягко попросил он и со злостью сказал, повернувшись к Невиллю: – Вы, похоже, не понимаете, что ее нервы напряжены до предела! Почему вы не можете быть немного повежливее с ней, Стрендж?

– Все в порядке, – сказала Кей.

– Не волнуйся, – успокоил ее Тед. – Только скажи, и я в два счета увезу тебя подальше от этого дома.

Инспектор Лич кашлянул, прочищая горло. Он хорошо знал, что в такие минуты говорится множество необдуманных слов и, к несчастью, обидев кого-то сгоряча, люди потом чувствуют себя крайне неловко.

Баттл вернулся в гостиную. Его лицо было непроницаемо и бесстрастно.

Он сказал:

– Миссис Стрендж, наверное, вам стоит захватить с собой немного вещей первой необходимости. Вы можете подняться к себе, но, боюсь, инспектор Лич должен будет сопровождать вас.

Мери Олдин сказала:

– Я помогу тебе собраться, Одри.

Когда обе женщины и инспектор Лич покинули гостиную, Невиль встревоженно спросил:

– Так чего же хотел от вас этот парень, мистер Баттл?

– Мистер Мак-Виртер, – медленно сказал Баттл, – рассказал мне исключительно странную историю.

– Она как-то поможет Одри? Или вы по-прежнему намерены арестовать ее?

– Я уже говорил вам, мистер Стрендж. Я вынужден исполнять свои обязанности.

Невиль отвернулся, его горящий взор потух, и лицо побледнело.

Он сказал:

– Полагаю, мне лучше пойти позвонить мистеру Трелони.

– С этим можно повременить, мистер Стрендж. Сейчас мне хотелось бы провести один эксперимент, чтобы проверить утверждение мистера Мак-Виртера. Однако вначале я должен убедиться, что миссис Стрендж благополучно увезли в полицию.

Одри в сопровождении инспектора Лича спустилась в холл. Лицо ее по-прежнему хранило выражение отстраненного, бесстрастного спокойствия.

Невиль протянул к ней руки:

– Одри...

Одри скользнула по нему равнодушным взглядом.

– Все в порядке, Невиль, – сказала она. – Я совершенно спокойна. Теперь мне не о чем волноваться.

Томас Ройд стоял в дверях, словно хотел воспрепятствовать ее уходу.

Едва заметная улыбка тронула ее губы.

– Верный Томас, – прошептала она.

– Если я могу хоть что-то сделать... чем-то помочь... – пробубнил он.

– Никто не может помочь мне, – сказала Одри. Она вышла из дома с высоко поднятой головой.

Полицейский автомобиль стоял у крыльца, за рулем сидел сержант Джонс. Одри и Лич расположились на заднем сиденье.

– Красивый выход! – одобрительно пробормотал Тед Латимер.

Невиль в ярости повернулся к нему. Массивная фигура суперинтенданта Баттла проворно вклинилась между ними.

– Как я уже сказал, – успокаивающим тоном произнес Баттл, – мы должны провести один эксперимент. Мистер Мак-Виртер ожидает нас у переправы. Мы присоединимся к нему через десять минут. Нам предстоит совершить маленькое путешествие на моторной лодке. Поэтому, я полагаю, леди должны одеться потеплее. Но, пожалуйста, не задерживайтесь, в вашем распоряжении не больше десяти минут.

Он отлично справился бы с ролью режиссера, руководящего труппой актеров. Казалось, он вовсе не замечал их озадаченных лиц и недоумевающих взглядов.

Нулевая точка

На воде было довольно холодно, и Кей зябко куталась в свой короткий меховой жакет. Лодка с пыхтением двигалась вниз по течению мимо Галлс-Пойнта и завернула в маленькую бухту, отделявшую его от массива Старк-Хеда. Несколько раз кто-то порывался задавать вопросы, но суперинтендант Баттл сидел с непроницаемым лицом, напоминая деревянную куклу-марионетку, лишь его большая широкая ладонь неизменно взмывала вверх, пресекая эти вопросы и показывая, что время еще не пришло. Поэтому в лодке царила напряженная тишина, нарушаемая только пыхтением мотора да шумом бурлящей воды за кормой. Кей и Тед стояли рядом, глядя на расходящиеся от лодки волны. Невиль тяжело плюхнулся на скамью и сидел, широко расставив ноги. Мери Олдин и Томас Ройд устроились на носу. И все как один они время от времени поглядывали на высокую отстраненную фигуру Мак-Виртера, стоявшего к ним спиной на корме. Он стоял, ссутулив плечи, и не видел никого из них.

Наконец, когда лодка оказалась под мрачной тенью Старк-Хеда, Баттл приглушил мотор и начал свою небольшую речь. Он говорил без самоуверенности, скорее всего его тон можно было назвать задумчивым, словно он просто хотел поделиться с ними своими размышлениями.

– Должен вам сказать, что это преступление исключительно необычного типа... Да, в моей практике, пожалуй, не было более странного случая... Сейчас мне хотелось бы сказать вам пару общих замечаний по поводу убийства как такового. В сущности, эти идеи принадлежат не мне. Я случайно подслушал, как молодой Дениелс, королевский адвокат, говорил нечто в этом роде, и я не удивлюсь, если на самом деле он услышал их от кого-то еще... Этот ловкач вполне мог выдать чужие мысли за свои!

Так вот! Когда вы читаете сообщение о каком-то убийстве или, скажем, детективную историю, основанную на убийстве, то дело обычно начинается с самого убийства. Но такое начало совершенно нелогично. Ведь подготовка убийства начинается значительно раньше. Собственно убийство есть кульминация множества различных обстоятельств, которые, как лучи, неотвратно сходятся в некий данный момент в данной точке. Люди сходятся в одном месте, казалось бы, совершенно непредсказуемые причины влекут их туда из разных частей земного шара. Так, мистер Ройд прибыл сюда из Малайи. Мистер Мак-Виртер оказался здесь, поскольку решил вновь навестить место, где когда-то пытался свести счеты с жизнью.

Таким образом, собственно убийство есть конец истории – некий условный миг, нулевая точка, конец отсчета. – Он сделал паузу и выразительно добавил: – И сейчас этот *черный час* настал.

Пять напряженных лиц были обращены к Баттлу – только пять, поскольку Мак-Виртер не повернул головы. Пять озадаченных лиц.

Мери Олдин сказала:

– Вы имеете в виду, что смерть леди Трессильян была кульминацией длинной цепи обстоятельств?

– Нет, мисс Олдин. Не смерть леди Трессильян... Смерть леди Трессильян была лишь вспомогательным, случайным событием по отношению к главной жертве этого убийцы. Я говорю о другом убийстве... *Об убийстве Одри Стрендж.*

Он прислушался к резким сдержанным вздохам. Его интересовало, не произвело ли его заявление пугающего воздействия на одного из слушателей.

– Это преступление было спланировано довольно давно... Вероятно, в начале прошедшей зимы. План разработали до мельчайших деталей. И его единственной и главной целью являлась мучительная и долгая смерть Одри Стрендж... Ее должны были судить и повесить за убийство. Итак, некто, считавший себя очень умным, спланировал все очень хитро. Убийцы зачастую тщеславны. Во-первых, были предусмотрены видимые, но несерьезные улики против Невилля Стренджа, которые мы просто не могли не заметить. Однако убийца счел маловероятным то, что, отбросив первый ряд фальшивых улик, мы заметим *повторение такого же трюка*. И тем не менее если вы дадите себе труд подумать об этом, то поймете, что улики против Одри Стрендж также вполне могли быть сфабрикованы. Орудие убийства взято в ее комнате с каминной решетки, ее перчатки – левая испачкана в крови – спрятаны в плюще под ее окном. Пудрой, которой она пользуется, посыпается воротник известного вам пиджака, и там же располагается несколько ее волосков. Клейкий пластырь, которым замотана ракетка, берется из ее комнаты, и, естественно, на этом рулончике должны быть ее отпечатки. Предусматривается даже то, что она – левша.

И еще одно финальное и чертовски убедительное свидетельство, которое предоставила сама миссис Стрендж... Я не поверю, что хоть один из вас (за исключением того, кто знает) считает ее невиновной, учитывая то, как она повела себя, когда мы ее арестовали. Ведь, по сути дела, она признала свою вину, не так ли? Я и сам с трудом поверил бы в ее невиновность, если бы не имел личного опыта на этот счет... Когда она с виноватым видом подошла ко мне, то меня точно громом поразило... И

знаете, почему? Я вспомнил другую девушку, которая поступила точно так же, которая признала свою вину, вовсе не будучи виновной... И Одри Стрендж смотрела на меня глазами той, другой, девушки...

Я вынужден был исполнить свои обязанности. Я понимал это. Мы, полицейские, должны основываться на реальных фактах, а не на собственных чувствах и умозаключениях. Однако могу признаться вам, что в ту минуту я молил о чуде... Потому что я понимал: ничто, кроме чуда, не сможет помочь этой несчастной леди...

И чудо действительно случилось. Оно подоспело как раз вовремя!

Этим чудом оказался мистер Мак-Виртер с его историей. – Баттл помолчал. – Мистер Мак-Виртер, не откажетесь ли вы повторить то, что рассказали мне в библиотеке?

Мак-Виртер повернулся. Он говорил короткими, отрывистыми фразами, которые звучали очень убедительно благодаря их лаконичной выразительности.

Он упомянул о том, что в прошедшем январе на этой скале его вернули к жизни, о вдруг возникшем желании вновь увидеть это место.

– Я поднялся туда в понедельник вечером, – продолжал он. – И стоял на вершине, погруженный в собственные мысли. Точное время мне неизвестно, но, вероятно, было около одиннадцати часов. Я взглянул на этот светлый дом на мысу... Теперь я знаю, что его называют Галлс-Пойнт. – Он помедлил немного и затем продолжил: – Из одного окна к воде спускалась веревка. И я увидел, что по этой веревке карабкается человек...

Последние слова все восприняли и осознали почти мгновенно. Мери Олдин воскликнула:

– Так, значит, все-таки это был посторонний?! И мы не имеем к этому никакого отношения! Это был просто ночной грабитель!

– Не спешите с выводами, – сказал Баттл. – Очевидно лишь то, что некто приплыл с другого берега реки и проник в дом извне. Но ведь кто-то же приготовил для него веревку, то есть кто-то из домашних был соучастником преступления. – Он продолжал говорить медленно, с расстановкой: – И мы знаем такого человека, который находился в тот вечер на другом берегу реки, – он пропадал неизвестно где с десяти тридцати и до четверти двенадцатого и вполне мог за это время переплыть реку туда и обратно. Этот человек явно имел сообщника в вашем доме. – После небольшой паузы он многозначительно спросил: – Вы согласны со мной, мистер Латимер?

Тед испуганно отступил назад.

– Но я же не умею плавать! – пронзительно выкрикнул он. – Все знают,

что я не умею плавать. Кей, скажи им, что это правда.

– Конечно, Тед не умеет плавать! – воскликнула Кей.

– Неужели?.. – с шутливой недоверчивостью спросил Баттл.

Он сделал пару шагов в сторону Теда, который инстинктивно пятился назад. Лодка накренилась, и Тед, прижатый к борту, неуклюже взмахнув руками, плюхнулся в воду.

– О боже! – с глубокой озабоченностью воскликнул суперинтендант Баттл. – Мистер Латимер упал за борт.

Его рука как тиски сжала плечо Невилля, когда тот собирался прыгнуть следом.

– Не волнуйтесь, мистер Стрендж. К чему мокнуть понапрасну! Здесь поблизости двое моих людей – вон они рыбачат на ялике. – Он стоял у борта, пристально глядя на барахтавшегося в воде Теда. – Надо же! – удивленно заметил Баттл. – Он и правда не умеет плавать. Отлично, сейчас они вытащат его. Я, разумеется, принесу ему мои извинения, но, в сущности, как еще можно было убедиться, что человек не умеет плавать? Самый верный способ, знаете ли, просто бросить его в воду и понаблюдать за ним. Вы понимаете, мистер Стрендж, я хотел убедиться в этом воочию. Таким образом, мы можем снять подозрения с мистера Латимера. Далее рассмотрим кандидатуру мистера Ройда – у него повреждена рука, и он явно не смог бы влезть в дом по веревке. – Голос Баттла стал необычайно мягким и вкрадчивым. – Таким образом, у нас остается только вы, не так ли, мистер Стрендж? Отличный спортсмен, скалолаз, пловец и все такое прочее. Да, действительно, вы переправились на берег Истерхеда в десять тридцать, но никто из служащих отеля не смог с уверенностью сказать, что видел вас до четверти двенадцатого, несмотря на ваш рассказ о том, как в это время вы разыскивали мистера Латимера.

Невиль передернул плечами, сбросив с себя руку Баттла. Он откинул назад голову и рассмеялся:

– Вы предполагаете, что это я, переплыв реку, залез в окно по веревке...

– Которую сами же и спустили из своего окна, – проворно вставил суперинтендант.

– Убил леди Трессильян и переплыл обратно? – закончил Стрендж. – Но чего ради я стал бы делать все это? Просто бред какой-то! И кто разложил все улики против меня? Вероятно, вы считаете, что я сам же и разложил их?

– Именно так, – подтвердил Баттл. – И должен заметить, это вовсе не плохая идея.

– Значит, вы считаете, что я мог желать смерти Камиллы Трессильян?

– Нет, это был лишь второстепенный пункт вашего плана, – сказал Баттл. – Но в действительности вы желали смерти женщине, которая бросила вас ради другого мужчины. У вас крайне неуравновешенная психика. Вы страдали этим с самого детства... Кстати, я проверил то давнее дело с луком и стрелами. Любой человек, нанеший вам обиду, должен поплатиться за это... И смерть не кажется вам слишком дорогой ценой... Вы сочли, что для Одри обычной смерти будет недостаточно, для вашей Одри, которую вы любили... О да, вы очень сильно любили ее, пока любовь не превратилась в ненависть. И вы хотели придумать особый, изощренный вид убийства. Этакий новый вид затяжной смерти. И когда вы изобрели его, то вас уже абсолютно не волновало то, что осуществление этого плана повлечет за собой убийство женщины, заменившей вам мать.

– Ложь! Чистая ложь! – произнес Невиль совершенно кротким голосом. – Я не сумасшедший. Не сумасшедший.

Баттл сказал с презрением:

– Да-да, она больно ранила вас, сбежав к другому! Разве не так? Она ранила ваше тщеславие! Страшно подумать – жена бросила вас! Вы спасли свою гордость, представ перед всем миром в роли неверного супруга. Люди должны были поверить, что именно вы бросили ее, и для пущей убедительности вы даже женились на другой девушке. Но в то же время вы уже планировали, как отомстить Одри. И ваше изощренное воображение подсказало, что самым худшим наказанием для нее будет повешение. Великолепная идея – жаль только, что у вас не хватило мозгов получше осуществить задуманное.

Спина Невилья под твидовым пиджаком судорожно передернулась и застыла. Баттл продолжал:

– До чего же наивной была затея с клюшкой! И все эти грубые следы, указывающие на вас! Одри, должно быть, прекрасно знала, чьих рук это дело, и только посмеивалась в рукав! Думаете, я не подозревал вас?! Вы, убийцы, просто до смешного глупы! И самонадеянны. Всегда считаете себя самыми умными и изобретательными, а по сути дела, до жалости наивны...

Невиль издал какой-то странный, хриловатый вскрик.

– Нет... Мой план был просто гениальным! Вы никогда не догадались бы! Никогда!.. Если бы не вмешался этот выскочка, этот надутый слабонервный шотландец. Я продумал каждую деталь... Каждую деталь! И я не виноват, что все пошло насмарку! Откуда мне было знать, что Ройду известна правда об Одри и Адриане... Проклятая Одри... Ее надо повесить... Вы должны повесить ее!.. Я хочу, чтобы она боялась смерти...

Она должна умереть... умереть... Я ненавижу ее. Да, да, я хочу, чтобы она умерла...

Его высокий визгливый крик внезапно оборвался. Невиль рухнул на колени и начал тихо плакать.

– О господи, – бледнея, сказала Мери. От ужаса у нее побелели даже губы.

– Мне очень жаль, – мягко сказал Баттл, понизив голос. – Но я должен был раздражить его... У нас, знаете ли, было очень мало доказательств.

Невиль все еще хныкал. Голос у него был по-детски жалобный.

– Я хочу, чтобы ее повесили, пусть ее повесят.

Мери Олдин вздрогнула и повернулась к Томасу Ройду.

Он успокаивающе взял ее за руку.

– Я жила в постоянном страхе, – сказала Одри.

Суперинтендант Баттл и Одри беседовали на балконе, они сидели на легких плетеных стульях напротив друг друга. Баттл догуливал свой отпуск и заехал в Галлс-Пойнт просто по-приятельски.

– Все это время я чего-то боялась, – добавила она.

Баттл понимающе кивнул и сказал:

– Как только я увидел вас, то сразу понял, что вы ужасно напуганы. С виду вы производили впечатление совершенно бесстрастного, неэмоционального человека, но зачастую такие люди бывают просто очень сдержанны, а в душе у них бушуют настоящие страсти. Это может быть любовь или ненависть, но в вашем случае это был страх...

Она кивнула:

– Я начала бояться Невилля почти сразу после нашей свадьбы. Но знаете, что было самое ужасное? Я не понимала, чего боюсь. Мне стало казаться, что я медленно схожу с ума.

– Но сумасшедшей были не вы, – сказал Баттл.

– Когда я выходила замуж, Невиль производил впечатление исключительно здорового и нормального человека... Он неизменно пребывал в прекрасном расположении духа, был удивительно тактичен и любезен со всеми.

– Любопытно, – заметил Баттл. – Вы знаете, он играл роль идеального спортсмена. Вот почему ему удавалось сдерживать свой темперамент во время теннисных турниров. Избранная им роль – роль идеального спортсмена – была более важной для него, чем роль победителя турнира. Однако, безусловно, это стоило ему огромного нервного напряжения. Такое неестественное поведение сильно изматывает. Он не давал выхода своим эмоциям, и они постепенно подтачивали его изнутри.

– Да, изнутри... – с содроганием произнесла Одри. – *Он все держал в себе.* Никто ни о чем не догадывался. Только иногда вдруг – случайно брошенное слово или взгляд... Но потом мне казалось, что я просто что-то не так восприняла... Очень странное ощущение. И тогда, как я уже сказала, я подумала, что, должно быть, во мне самой есть нечто странное... И постепенно стала бояться. Знаете, у меня был такой беспричинный страх, какой бывает только у душевнобольных людей! Я говорила себе, что схожу с ума, что я совершенно бессильна... Я чувствовала, что готова пойти на

все, что угодно, лишь бы избавиться от этого страха. А однажды пришел Адриан и признался, что любит меня. И я подумала, что это может стать для меня чудесным избавлением... Я решила уйти к нему, и он сказал...

Она запнулась.

– Вы знаете, что произошло? Мы договорились встретиться... но он так и не пришел... Он погиб... У меня такое чувство, будто Невиль как-то организовал эту аварию.

– Может быть, так оно и было, – сказал Баттл.

Одри изумленно взглянула на него:

– О, вы так думаете?

– Мы этого никогда не узнаем. Автомобильную аварию организовать довольно легко. Хотя не стоит предаваться грустным размышлениям на этот счет, миссис Стрендж. С той же вероятностью она могла случиться без чьей-либо помощи.

– Да... Я была совершенно разбита. Я вернулась в Ректори, в дом Адриана. Мы с ним еще только собирались написать его матери, но поскольку она пока не знала о наших планах, то я подумала, что не стоит ей ничего рассказывать. Это могло бы еще больше расстроить ее. А Невиль пришел в тот же вечер. Он был очень милым... и добрым... Но все время, пока мы говорили с ним, я испытывала какой-то панический страх! Он сказал, что лучше никому не знать о наших отношениях с Адрианом, что я смогу развестись с ним, он сам предоставит мне основание для развода, поскольку собирается жениться на другой женщине. Я была искренне ему благодарна. Он действительно считал Кей очень привлекательной, и я надеялась, что все может устроиться самым наилучшим образом и что я смогу справиться со своей странной одержимостью. Мне по-прежнему казалось, будто все дело во мне.

Но я так и не смогла до конца избавиться от своего страха. Никогда я не чувствовала себя полностью свободной... А потом как-то раз мы встретились с Невилем в Гайд-парке; он сказал, что мечтает о том, чтобы мы с Кей стали друзьями, и спросил, не буду ли я возражать, если они тоже приедут сюда в сентябре. Могла ли я отказать?! Ведь он был так добр ко мне.

– «Залетайте, не стесняйтесь, – мухе говорил паук»,^[5] – вставил суперинтендант Баттл.

Одри поежилась:

– Да-да, именно так...

– Эта хитрость ему вполне удалась, – заметил Баттл. – Как он яростно протестовал, подчеркивая, что это была его собственная идея! Думаю, у

всех сразу создавалось впечатление, что он кого-то выгораживает.

Одри сказала:

– И вот я приехала сюда... Все было как в кошмарном сне. Я чувствовала, что должно произойти нечто ужасное... Я знала, что Невиль что-то задумал... Что надо мной нависла угроза. Но я не знала, какая именно... Понимаете, мне казалось, что я живу как в бреду! Меня охватил просто какой-то парализующий страх... Так бывает во сне, когда ты видишь все происходящее и не можешь пошевелиться...

– Мне всегда хотелось посмотреть, – сказал Баттл, – как змея заворачивает птицу так, что бедняга теряет способность летать... Но сейчас я уже не уверен в этом...

Одри продолжала:

– Даже когда убили леди Трессильян, я еще не понимала, что это означает. Я была просто ошеломлена и даже не подозревала Невилля. Ведь его совершенно не волновали деньги... Глупо было думать, что он может убить ее из-за пятидесяти тысяч фунтов. Знаете, мистер Баттл, мне все время вспоминалась история мистера Тревиса, которую он рассказал нам в свой последний вечер. Но я никак не связывала ее с Невилем. Тревис упомянул о какой-то физической особенности, по которой он мог бы узнать этого ребенка через много лет. У меня на ухе есть шрам, но мне казалось, что все остальные не имеют никаких заметных особенностей.

– Нет, вы просто невнимательны, – сказал Баттл. – У мисс Олдин – прядь белых волос, у Томаса Ройда повреждена правая рука, и этот недостаток мог возникнуть не только в результате землетрясения. У мистера Латимера очень необычная форма черепа. А Невиль Стрендж... – Он сделал паузу.

– Неужели у Невилля нет никаких физических особенностей?

– Безусловно, есть. Его мизинец на левой руке короче, чем на правой. Это очень интересная особенность и чрезвычайно редкая.

– Так, значит, это был он?

– Да, именно он.

– И Невиль повесил ту табличку на лифт?

– Конечно, он сбегал в отель и успел вернуться обратно, пока Ройд и Латимер угощали старика напитками. Гениально и просто... Сомневаюсь, чтобы мы смогли доказать, что это было убийство.

Одри вновь нервно поежилась.

– Ну-ну, не переживайте так, дорогая, – сказал Баттл. – Все уже позади. Продолжайте ваш рассказ.

– Вы очень приятный собеседник... Я, наверное, за год столько не

наговорила бы!

– Нет, вы мне льстите. Когда же вас впервые осенило, что весь этот замысел родился в голове гениального мистера Невилля?

– Не могу сказать точно. Все соединилось вместе как-то внезапно. Он сам был совершенно чист, и подозрение падало на всех остальных. И потом, случайно я заметила, как он посмотрел на меня... Знаете, таким злорадным взглядом. И тогда я все поняла! А после этого... – Она резко оборвала фразу.

– Что же было после этого?

Одри медленно сказала:

– Я подумала, что есть один самый быстрый способ избавления...

Суперинтендант укоризненно покачал головой:

– Никогда не сдаваться! Вот мой девиз.

– О, вы совершенно правы. Но вы не знаете, каково так долго жить в страхе. Он парализует вас... вы не можете думать... не можете ничего предпринять... Вы просто ждете, когда произойдет нечто ужасное. И тогда, когда это наконец случается, – она неожиданно усмехнулась, – вы не представляете, какое это облегчение!.. Не надо больше ждать и бояться... Все свершилось. Мне кажется, вы решите, что я совсем помешалась, если признаюсь вам, что, когда вы пришли арестовать меня за убийство, я совершенно не расстроилась. Невиль добился своего, и все худшее было уже позади. Уехав с инспектором Личем, я чувствовала себя в полной безопасности.

– Отчасти поэтому мы и решили увезти вас, – сказал Баттл. – Я хотел, чтобы вы оказались вне досягаемости для этого безумца. И кроме того, я хотел заставить его признаться, а для этого мне надо было пробить броню его спокойствия, но только очень сильное потрясение могло вывести его из себя. Он видел, что вас увезли... Значит, решил он, его план сработал, поэтому мой неожиданный удар оказался гораздо сильнее.

– А если бы он не признался, вы смогли бы доказать его вину?

– Улик было маловато. Во-первых, история Мак-Виртера, который в лунном свете видел человека, влезавшего в дом по веревке. И подтверждением его слов является сама веревка – она лежала аккуратно свернутая кольцами в чулане и была еще немного влажной. Ведь это был дождливый вечер, как вы помните.

Он помедлил, пристально поглядывая на Одри, как будто ожидал, что она скажет что-то.

Но она просто заинтересованно смотрела на него, и поэтому он продолжил:

– И наконец, есть еще его полосатый костюм. Он разделся, конечно, в темноте на скалистом берегу Истерхеда и сунул костюм в первую попавшуюся расщелину в скалах. Так уж случилось, что он положил его на останки тухлой рыбы, оставшейся на берегу после отлива. Благодаря этому на пиджаке осталось пятно... и от него исходил отвратительный запах. Я выяснил, что в отеле шел разговор об этом мерзком запахе. Невиль сам завел его. Поверх костюма у него был надет плащ, но вонь распространялась повсюду. Потом он сдрейфил и при первой же возможности отвез костюм в чистку. Однако он поступил глупо, скрыв свое настоящее имя. Он назвал наугад одно из имен, которое видел в регистрационном журнале отеля. Поэтому ваш друг случайно забрал его костюм из химчистки и, имея на плечах умную голову, быстро связал его с человеком, влезавшим по веревке. Можно наступить на тухлую рыбу, но если испачкано плечо пиджака, то, вероятнее всего, некто положил на нее свою одежду, решив искупаться ночью. Однако невелико удовольствие купаться в дождливую сентябрьскую ночь. Мак-Виртер связал все эти события вместе. Исключительно сообразительный молодой человек.

– Более чем сообразительный, – обронила Одри.

– М-мда... Да, весьма возможно. Хотите, я расскажу вам о нем? Я немного знаком с его историей.

Одри с интересом следила за его рассказом. И Баттл считал ее внимательной и приятной слушательницей.

Она сказала:

– Я стольким обязана ему... и вам.

– Мне вы обязаны не слишком многим, – заметил суперинтендант Баттл. – Если бы я не был идиотом, то сразу понял бы роль колокольчика.

– Роль чего? Колокольчика?

– Да-да, колокольчика в комнате леди Трессильян. У меня с самого начала было ощущение, что в этом колокольчике есть нечто подозрительное. И я почти уловил, что именно, когда спускался по лестнице с верхнего этажа и увидел один из тех длинных шестов, которыми вы открываете окна. Так вот, у этого колокольчика было особое назначение в этой истории – он обеспечивал алиби Невиллю Стренджу. Леди Трессильян так и не вспомнила, зачем она позвонила... Разумеется, она просто не могла вспомнить, потому что вовсе не звонила! Невиль сам позвонил из коридора при помощи этого длинного шеста; проволока была протянута под потолком. Поэтому Баррет спустилась вниз и увидела, как мистер Невиль Стрендж уходит из дома. Затем она отправилась к своей госпоже и нашла леди Трессильян целой и невредимой. Вся история с этой

бедной служанкой была сомнительной. Зачем усыплять ее, если убийство должно было произойти ближе к полуночи? Десять к одному, что она и так не проснулась бы в этот час. Но снотворное означало, что убийство было совершено одним из домочадцев, и позволяло Невиллю Стренджу некоторое время играть роль первого подозреваемого... Но затем Баррет приходит в себя и рассказывает свою историю, в результате чего Невиль так триумфально оправдан, что никому и в голову не может прийти тщательно проверить время, в которое он появился в отеле. Мы знаем, что он не возвращался к переправе и не нанимал лодку. Остается единственная возможность – переплыть реку. Он – отличный пловец, и все-таки у него было очень мало времени. Он заранее спустил веревку из своего окна и, когда влез по ней, оставил на полу изрядную лужу речной воды, как мы заметили (но, к сожалению, должен признать, что вначале мы не поняли ее происхождения). Затем он быстро переодевается в свой темно-синий костюм, идет к комнате леди Трессильян... Ну, пожалуй, подробности мы опустим... В общей сложности все это заняло у него не больше пары минут. Конечно, он предусмотрительно заготовил ракетку со стальным набалдашником... В итоге он возвращается в свою комнату, раздевается, спускается по веревке и переплывает обратно на берег Истерхеда.

– Как вы думаете, Кей что-нибудь знала?

– Могу поклясться, что она тоже была слегка одурманена. Она зевала еще за ужином, как мне сказали. Кроме того, он специально поссорился с ней, чтобы она заперла дверь и не путалась у него под ногами.

– Я пытаюсь вспомнить, заметила ли я, что с решетки исчезал один из шаров. Нет, кажется, не заметила. Когда он вернул его на место?

– На следующее утро, когда поднялся переполох. После того как Тед Латимер привез его домой, он всю ночь заметал следы, чинил ракетку, раскладывал улики и так далее. Кстати, как вам известно, он нанес старой леди удар слева. Вот почему создалось впечатление, что преступление совершил левша. Но вспомните, в теннисе у Стренджа всегда были отличные удары слева!

– О нет! Не надо... – Одри умоляюще сложила руки. – Я больше не могу.

Баттл с улыбкой посмотрел на нее:

– И все же вам полезно поговорить об этом. Не считите за дерзость, миссис Стрендж, но мне хотелось бы дать вам один совет...

– Да, пожалуйста.

– Вы прожили восемь лет с сумасшедшим. От этого у любой женщины могут сдаться нервы. Но сейчас вам удалось вырваться из этого ада, миссис

Стрендж. Вам больше нечего бояться – и это вы должны постараться глубоко осознать.

Одри улыбнулась ему. Ее ледяной взгляд уже оттаял; сейчас у нее было застенчивое, но не испуганное, а доверчивое лицо с широко расставленными, полными благодарности глазами.

Немного поколебавшись, она спросила:

– Вы рассказывали, что была еще одна девушка... девушка, которая поступила так же, как я?

Баттл медленно кивнул.

– Моя собственная дочь, – сказал он. – Поэтому вы видите, дорогая, чудеса все-таки случаются. Господь посылает напасти, чтобы научить нас!

Эндрю Мак-Виртер собирался в дорогу.

Он аккуратно сложил в небольшой плоский чемодан три рубашки и пресловутый темно-синий костюм, который не забыл забрать из химчистки. Два костюма, оставленные двумя разными Мак-Виртерами, привели в полное недоумение молоденькую приемщицу. Раздался стук в дверь.

– Войдите, – рассеянно отозвался он.

На пороге появилась Одри Стрендж, она закрыла за собой дверь и сказала:

– Я пришла поблагодарить вас... Вы собираетесь в дорогу?

– Да. Я уезжаю отсюда сегодня вечером. А послезавтра отправляюсь в большое плавание.

– В Южную Америку?

– В Чили.

– Давайте я помогу вам уложить вещи, – предложила она.

Он пытался протестовать, но Одри настояла на своем. Он стоял рядом, наблюдая за ее спокойными, уверенными движениями.

– Вот и все, – сказала Одри, опустив крышку чемодана.

– Вы ловко справились с этой сложной задачей, – признал Мак-Виртер.

Они помолчали немного, и затем Одри сказала:

– Вы спасли мне жизнь. Если бы вы не оказались в понедельник вечером на Старк-Хеде и не увидели... – Она оборвала фразу и спросила: – Помните тот вечер, когда вы остановили меня на краю скалы? Вы сказали тогда: «Идите домой, я позабочусь о том, чтобы вас не повесили». Неужели вы сразу поняли, что вы важный свидетель?

– Не совсем, – признался Мак-Виртер. – Пришлось поразмышлять.

– Тогда почему же вы сказали это с такой уверенностью?

Мак-Виртер всегда испытывал легкое раздражение, когда его просили объяснить сложную простоту умственных процессов.

– Я сказал так только потому, что действительно намеревался спасти вас от такой участи.

На щеках Одри появился легкий румянец.

– Даже допуская, что я совершила преступление?

– Это не имело значения.

– Но в тот вечер вы подумали, что я виновата?

– Я не слишком задумывался. Мне просто захотелось поверить, что вы невиновны. Однако даже если бы дело обстояло не так, то это никоим образом не повлияло бы на ход моих действий.

– А когда же вы вспомнили о человеке, влезавшем в наше окно?

Мак-Виртер нерешительно помолчал и потом сказал, прочистив горло:

– Я полагаю, вы вправе знать, что в действительности я не видел ни человека, ни веревки... По правде говоря, я никак не мог увидеть этого, поскольку поднимался на Старк-Хед не в понедельник, а в воскресенье. Я просто предположил такую возможность, поразмышляв над испачканным костюмом, – но мои предположения подтвердились, когда мы обнаружили влажную веревку в чулане.

Румянец мгновенно сошел с лица Одри. Сильно побледнев, она недоверчиво спросила:

– Значит, вы выдумали всю эту историю?

– Умозаключения не имеют особой ценности для полиции. И поэтому мне пришлось сказать, что я все видел.

– Но ведь... возможно, вам пришлось бы давать показания в суде!

– Возможно.

– И вы подтвердили бы это под присягой?

– Да, подтвердил бы.

Одри недоверчиво воскликнула:

– И это говорите вы?! Разве не вас уволили с работы и довели до такого отчаяния, что вы решили броситься со скалы? Разве все это произошло не из-за того, что вы не хотели погрешить против истины?

– Я крайне уважительно отношусь к истине. Но я понял, что в этом мире существует нечто куда более важное.

– Что же, например?

– Вы, – сказал Мак-Виртер.

Одри опустила глаза. Мак-Виртер смущенно закашлялся.

– Прошу вас, не считайте себя излишне обязанной мне или еще что-нибудь в этом роде. Сегодня я уеду, и вы больше никогда не услышите обо мне. У полицейских есть признание Стренджа, и они не нуждаются в моих показаниях. В любом случае, как я слышал, он так плох, что вряд ли доживет до суда.

– Я рада этому, – сказала Одри.

– Вы любили его когда-то?

– Да, но в моем воображении это был совсем иной человек.

Мак-Виртер кивнул.

– Возможно, все мы впадаем в подобные заблуждения, – заметил он. –

Однако все закончилось благополучно. Суперинтендант Баттл смог воспользоваться моей историей и заставил этого человека признаться...

Одри вдруг прервала его:

– Да, он использовал вашу историю. Но я ни за что не поверю, что вам удалось его обмануть. Он намеренно закрыл глаза на то...

– Почему вы так считаете?

– Когда мы беседовали с ним, он порадовался тому, что лунный свет позволил вам разглядеть и наш дом, и веревку... А через пару фраз упомянул о хмуром, дождливом вечере.

Мак-Виртер был поражен:

– А ведь правда! Вечером в понедельник я вряд ли смог бы что-нибудь увидеть.

– Это не имело значения, – сказала Одри. – Баттл знал, что придуманная вами история на самом деле была правдой. Поэтому он воспользовался ею, чтобы заставить Невиля признаться. Он начал подозревать Невиля с того момента, как Томас рассказал ему обо мне и Адриане. Тогда он понял, что не ошибся в мотиве преступления, но только этот мотив был у другого человека... К сожалению, ему не доставало доказательств вины Невиля. Он сказал, что надеялся только на чудо... И вы оказались чудом, о котором молил суперинтендант Баттл.

– Странно, что он мог сказать такое, – сухо заметил Мак-Виртер.

– Почему же странно? – спросила Одри. – Вы действительно оказались чудом. Моим личным чудом.

– Я не хотел бы, – серьезно сказал Мак-Виртер, – чтобы вы чувствовали себя мне обязанной. Я должен уйти из вашей жизни...

– Вы уверены? – сказала Одри.

Он внимательно посмотрел на нее. Краска смущения залила лицо Одри, покраснели даже ее маленькие ушки.

Она сказала:

– Вы не хотите взять меня с собой?

– Вы не понимаете, что говорите!

– Нет, понимаю. Мне трудно было решиться на такое... Но я понимаю, что для меня это вопрос жизни и смерти. Я знаю, времени очень мало... Кстати, я получила старомодное воспитание, и мне хотелось бы выйти за вас замуж, прежде чем мы отправимся в Америку!

– Разумеется, конечно... – сказал Мак-Виртер, потрясенный до глубины души. – Неужели вы могли вообразить, что я предложил бы вам иные отношения?

– Уверена, что нет, – сказала Одри.

Мак-Виртер нерешительно заметил:

– Но ведь я не принадлежу к вашему кругу. Мне казалось, вы собирались выйти замуж за того тихого парня, который так давно любит вас.

– За Томаса?.. Милый, верный Томас. Его верность даже излишня. Он все так же предан образу той маленькой девочки, которую любил много лет назад. Но в действительности ему нужен совершенно другой человек, и этот человек – Мери Олдин, хотя он пока не понимает этого.

Мак-Виртер порывисто шагнул к ней.

– Вы отдаете себе отчет в своих словах? – строго спросил он.

– Да... Я хочу, чтобы мы прожили вместе всю жизнь, не расставаясь ни на минуту. Вы тот единственный человек, с которым я могла бы связать свою судьбу, и если вы уйдете, то я останусь одинокой до конца моих дней.

Мак-Виртер вздохнул. Он вытащил бумажник и тщательно исследовал его содержимое.

– Венчание без оглашения обойдется недешево, – пробормотал он. – Завтра первым делом надо будет зайти в банк.

– Я могу одолжить вам денег, – пробормотала Одри.

– Нет уж, глупости. Если я предлагаю женщине выйти за меня замуж, то должен сам оплатить венчание. Надеюсь, вы понимаете меня?

– Совсем необязательно, – кротко сказала Одри, – смотреть на меня так сурово.

Он обнял ее за плечи и мягко сказал:

– В прошлый раз, когда я обнимал вас, вы бились в моих руках, как птица, рвущаяся в полет. Теперь вам никогда не вырваться...

– У меня нет такого желания, – сказала она, – ведь дальше мы полетим вместе.

Примечания

«Here is the Church and here is the Stepple
Open the door and here are the people».
«Вот церковь, башенка над ней,
Дверь открой! – Полно людей» —

детский «зримый» стишок, которым дети зачастую изводили взрослых, – пальцы сплетаются вместе, изображая крышу церкви, потом поднимаются указательные пальцы – это колокольня, при словах «Дверь открой» разводятся большие пальцы, и там, оказывается, есть люди, то есть сложенные внутрь пальцы.

Презрительная кличка итальянцев, испанцев, португальцев.

Изображение Гая Фокса ежегодно сжигается пятого ноября в день годовщины раскрытия Порохового заговора.

4

Ядовитая африканская змея.

«Паук и муха» – стихотворение Мери Хьюит (1799–1888).